ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ: история и современность

Дмитрий Веденеев

ОДИССЕЯ ВАСИЛИЯ КУКА

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОСЛЕДНЕГО КОМАНДУЮЩЕГО УПА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«...о контрах ОУН-УПА с КГБ в послевоенный период. Автор благоразумно воздержался от идеологических пассажей — приведенные факты уникальны и без политконтекста»

Андрей Курков, журнал «Фокус», 15/06/2007.

* * *

В научно-популярной работе на основе широкого круга неизвестных читательской аудитории документов впервые дается полный очерк драматической жизни и военно-политической деятельности видного деятеля украинского национально-освободительного движения, последнего командующего Украинской повстанческой армии и лидера вооруженного подполья ОУН в Западной Украине Василия Кука. Биография генерал-хорунжего УПА Василия Степановича Кука – это одновременно и история тридцатилетней борьбы за свободу Украины, и захватывающий приключенческий сюжет, достойный пера романиста и кинорежиссера. Свободная от идеологических акцентов книга будет интересна всем, кто увлекается военной историей Украины.

-
- От автора
- Глава 1. Путь в подполье
- Глава 2. Становление революционера
- Глава 3. Накануне Великой войны
- Глава 4. В борьбе с нацизмом
- Глава 5. Тропами партизанской войны
- Глава 6. Глубокое подполье
- Глава 7. В тенетах противоречий
- Глава 8. Заключенный «300-й»
- Список основных использованных источников и литературы
- Приложение

Не читайте историю, только биографии, ибо в них жизнь без теории.

Бенджамин Дизраэли, премьер-министр Британской империи

Я убежден, что невероятный успех партизанских действий связан с тем, что люди, которые принимают участие в этих действиях, соединяют свои чувства со своими поступками. И то, что они действуют в полном согласии со своими чувствами, позволяет им совершать самые настоящие чудеса. Они борются не за какие-то недостижимые «идеалы», а за вполне понятные, земные цели: они борются за еду, за свою землю, за собственную жизнь. Их чувства и желания не противоречат целям их борьбы. Они борются за свою страну, за землю своих дедов и прадедов.

Ричард Строцци-Хеклер, «В поисках духа воина»

Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?
…Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится…
Стойте! Уймитесь от

бедственной битвы, граждане Итаки!

Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!

Гомер, «Одиссея»

От автора

«СССР мертв, а командарм УПА еще жив», - писал известный историк и публицист Ярослав Тинченко о Василии Куке, командующем Украинской повстанческой армией и лидере антисоветского движения сопротивления в Западной Украине в 1950—1954 годах. Увы, когда завершалась работа над этой книгой, Василий Степанович умер 9 сентября 2007 года на 95-м году жизни в Киеве — столице государства, за независимость которого он самоотверженно боролся четверть века в совершенно безнадежных, казалось бы, условиях. С генерал-хорунжим УПА прощались в столичном Доме учителя с соблюдением воинских почестей, а упокоился он, согласно завещанию, на малой родине, рядом с прахом родителей, жены и соратницы Ульяны Крюченко. Редкая газета и телеканал не уделили внимания этому событию — кончине «провідника Леміша». Пухом ему земля…

Уже 10 сентября глава Львовской областной государственной администрации Петр Олийнык сообщил о создании оргкомитета по увековечению памяти В. Кука — для проведения комплекса мероприятий, включая переименование в его честь улицы в Киеве, на которой он проживал, а также ходатайстве о присвоении этой легендарной личности посмертно звания Героя Украины.

Увы, но генералу-повстанцу не хватило считанных недель жизни до 65-летнего юбилея «лесной армии», присвоения Указом Президента Украины Виктора Ющенко звания Героя Украины ее первому командующему Роману Шухевичу. В связи с этим нельзя не вспомнить и Указ В. Ющенко от 12 октября 2007 г. «О 65-й годовщине создания Украинской повстанческой армии» и выступление Президента Украины по случаю юбилея 14 октября 2007 г. на торжественном заседании во Дворце «Украина». По сути, впервые государство на самом высоком уровне продемонстрировало решимость определенно высказаться (устами главы державы, а не обтекаемыми формулировками отчетов «рабочих групп») по поводу болезненной проблемы нашего совместного прошлого. УПА, отметил Президент Украины, «стала непобедимой, непокоренной и одной из наиболее трагических армий XX столетия».

Пожалуй, впервые было четко заявлено, что на отечественную историю нужно смотреть «взглядом национального достоинства», не делить на лагеря всех тех, чей труд и подвиги обеспечили наше сегодняшнее существование, стремиться к историописанию «совместному и чистому». Разумеется, никто конституционных положений о плюрализме мнений и свободе мыслей не отменял.

Дело в другом — государство начинает выполнять свою естественную, консолидирующую роль и в сфере формирования идеологии строительства суверенной страны. Возрождение исторической памяти справедливо называлось главой державы одной из предпосылок «совместного движения вперед — как единого общества, как единой нации, как великого мирового народа». На фоне всепоглощающей «черноты» в писаниях о прошлом, Президент призвал соотечественников искать у Клио прежде всего «примеры человеческого самопожертвования», «преданности ценностям гуманизма, добра и милосердия».

Его жизнь — живая история украинского национально-освободительного движения 1920-1950-х годов, и тем интереснее ее исследовать. Тем более, что полного жизнеописания повстанческого командарма так и не создано, а мемуары, над которыми он работал по мере сил и здоровья, остались незавершенными.

В конце 2006 года издательство «К.И.С.» выпустило нашу совместную с кандидатом юридических наук Геннадием Быструхиным книгу «Повстанська розвідка діє точно і відважно…» (из основанной нами военно-исторической серии «Таємні війни — історія та сучасність»). В ней помещены биографические очерки о ведущих деятелях движения ОУН и УПА, среди них — и о Василии Куке-«Лемише». Основанные на редких, неизвестных широкой читательской аудитории документах национально-освободительного движения и советских органов госбезопасности, очерки вызвали интерес у читателей. В интервью российской газете «Известия», данном незадолго до смерти, В. Кук отмечал, что из появившихся в последнее время книг он узнал немало нового о разворачивавшихся вокруг его персоны перипетиях в войнах спецслужб.

Кстати говоря, на праздновании своего 90-летия повстанческий командарм в числе историков, стремящихся объективно осветить сложные, драматические события 1939—1950-х годов на Западной Украине, назвал и автора этой работы. Наши книги были в личной библиотеке покойного. Как рассказывал известный львовский фалерист Виталий Манзуренко (Василий Степанович консультировал его по материалам будущей диссертации), серию авторских очерков о В. Куке в газете «Секретные материалы» их герой читал внимательно, делая пометки, возвращаясь в памяти к многотрудному жизненному пути.

«Василий Кук прекратил войну с Россией» — конфронтационно называлось упомянутое интервью В. Кука в «Известиях». Но вряд ли воинственным был тогда его духовный

настрой — скорее, философское осмысление жизненного пути, попытки объяснить выбравшему «Пепси» поколению те ценности, ради которых такие, как он не жалели ни себя, ни противников. Какая уж война — скорее приуготовление к пути в вечность: «я пережил всех дорогих мне людей, это кара за то, в чем был и не был виноват…».

Все это в немалой степени подтолкнуло к подготовке расширенной биографической работы о В.Куке. Кроме того, удивляло, что о нем до сих пор так и не появилось обобщающего исследования, где прослеживались бы основные этапы жизненного пути — от «юнака» ОУН до командующего «лесной армией», от первых подпольных «университетов» до незримого противостояния всесильной коммунистической спецслужбе в камере № 64 внутренней тюрьмы КГБ УССР. Конечно, хватает интервью, статей, на высоком уровне отмечалось 90-летие повстанческого командарма, Центр исследований освободительного движения во Львове (руководитель Владимир Вятрович) переиздал его основной печатный труд «Колгоспне рабство». Однако обобщающего жизнеописания этой неординарной личности явно не хватает.

Вряд ли это случайно — возьмите, для сравнения, несколько книг и многочисленные статьи о Романе Шухевиче-«Чупрынке», соратнике и сопернике Василия Кука-«Лемиша», вышедшие в последние 16 лет. Конечно, ушедших легко и приятно превращать в символы и так же легко, не вникая, изображать монстрами — они-то уже не внесут корректив, не одернут. С живой личностью сложнее, вот если бы «пал смертью храбрых» или оставил последнюю пулю себе… Если уж на то пошло, то не вина «Лемиша» в том, что выжил, почему — мы подробно объясняем в книге.

Не торопились создавать его жизнеописание авторы, тяготеющие к тем или иным политическим объединениям диаспоры, и после достижения независимости Украиной они не оставили противоречий и раздоров. История освободительного движения по-прежнему служит ареной выяснения отношений, и выплескиваются свары в «метрополию», коей и своих проблем хватает.

Посещали скромную киевскую квартиру В. Кука и престарелые бывшие руководители Службы безопасности Закордонных частей ОУН — допытывались, почему выжил, почему тогда, в начале 1950-х принял не ту тактику, не ту политическую силу украинской эмиграции поддержал (из Мюнхена, конечно, виднее). Как знать, может и спустя полвека кто-то не мог ему простить отказ напрасно класть жизни

немногих уцелевших в неравных боях подпольщиков в интересах обеспечения разведывательными данными зарубежных спецслужб, запрета повстанцам именоваться «бандеровцами», снятие пропагандистских лозунгов, прославляющих Р.Шухевича.

Не лебезил перед сильными мира сего — и не позволял себе принять звание Героя Украины до тех пор, пока государство не определится со статусом воинов УПА. Не желал быть «говорящей головой» для предвыборных роликов и митингов (дело не столько в здоровье — до последних дней сохранял ясность ума, читал без очков). Неудобен был, что и говорить, свои убеждения отстаивал твердо, но и не нахваливал иллюзорные «демократию и прогресс в Украине», мирно уживающиеся со ста тысячами официально признанных беспризорных детей (без всяких «гражданских войн и иностранных интервенций»), с потерями народонаселения, которые Президент Украины Виктор Ющенко сопоставил с потерями времен Великой Отечественной.

Наконец, убеждения В. Кука (о чем подробнее пойдет речь в книге) иначе как социал-демократическими, левоцентристскими назвать сложно. Не случайно он стал одним из инициаторов и творцов обновленной программы ОУН(Б) 1943 года, ставящей задачу построения в независимой Украине демократического и социального государства, с командными высотами экономики в руках государства, мощной системой защиты прав трудящихся, гарантиями прав человека, равенством наций.

«Левизна» В. Кука шла, видимо, не от постулатов марксизма-ленинизма (хотя труды его классиков знал прекрасно — как опытный полемист). Его взгляды на социально-экономические преобразования скорее исходили из глубинных морально-этических ценностей славянской цивилизации, «громадівського» духа предков, стремившихся к идеалам справедливости, от «христианской республики» Запорожья, сострадания к «малым сим», искавшим духовной правды прежде «мамоны». От уважения к трудному, но осознанному выбору миллионов жителей Украины на восток от Збруча, который они подтвердили самоотверженной защитой своего строя и колоссальными жертвами в период войны. С настроениями и ценностями жителей индустриальных регионов и надднепрянского крестьянства Василий Степанович знакомился лично, руководя подпольем ОУН в юго-восточной и центральной Украине.

Конечно, В. Кук вряд ли бы признал очевидный парадокс истории: наиболее полно программные установки ОУН и чаяния участников повстанческого движения воплотил именно их «основной противник»: соборность украинских этнических земель в единых границах, ликвидация бедности и терзавших простой

люд региона инфекционных болезней, достижение всеобщей грамотности населения, доступность высшего образования для детей пастухов и плотогонов, да и многое другое.

Уверен, что понимал он и другую очевидную вещь — суверенитет Украины является лишь базовой предпосылкой для движения вперед, реализации конструктивного потенциала народа, обеспечения достойного будущего не только для наследников советской номенклатуры и сумевшего вписаться в «капитализм» криминалитета.

Ведь может спокойно существовать суверенитет атрибутивный, на уровне символов и рот почетного караула, а на деле парализованный своевластием кланов и непролазным болотом коррупции, кричащими социальными контрастами как порохового погреба грядущих «бессмысленных и беспощадных» бунтов, желанием внешних сил вбить крупнейшую державу Европы в своекорыстные схемы «нового мирового порядка».

Не могу не сказать и о личных мотивах, побудивших взяться за «дискомфортную» тему противоборства на запад от Збруча. Никто из родственников автора не принимал участия в вооруженном конфликте на Западной Украине (ни на той, ни на другой стороне), поэтому старые счеты не довлели при написании и этой книги, и других работ по истории движения ОУН и УПА. Для меня, этнического русского, выросшего в русскоязычной среде многонациональной Луганщины, в советское время те трагические события были «белым пятном». Заидеологизированные книги советских историков, затем — тенденциозные работы диаспорных авторов, а также «перефарбованных» тружеников отечественного идеологического аппарата, в прошлом штатных критиков «буржуазных фальсификаций истории КПСС и советского общества» (эти, как говорят в народе, «и при немцах хорошо жили»), ясности не вносили. «Наши всегда правы» — их глубинный методологический прием (правда, со временем «наши» менялись местами).

Но чем больше изучал документы участников конфликта, мемуары, тем больше возникало параллелей (а значит и понимания сути) между борьбой жителей Западной Украины и сопротивлением моих свободолюбивых предков, донских казаков, организованному насилию большевистского режима, инициированному Яковом Свердловым и Львом Троцким «расказачиванию» как форме геноцида. Ответный террор, зверское уничтожение не только представителей власти и военнопленных, но и земляков, лояльных «советам», не заставил себя ждать. Известный исследователь-современник террора

большевиков и ЧК Сергей Мельгунов признавал: « белый террор всегда был ужасней красного, другими словами, реставрация несла с собой больше человеческих жертв, чем революция». Тождественность этих событий не только в закономерном народном сопротивлении принудительному слому векового уклада жизни и веры, но и, к сожалению, в безудержном, нередко иррациональном насилии участников противоборства. Оно же во многом формирует «механизм аффективной памяти», омрачающий жизнь потомкам.

Профессиональный долг современных историков — постараться внести ясность в глубинные причины противостояния, не страшась возможных выводов о том, что в тех конкретно-исторических условиях по-другому вряд ли могло статься. Только через рациональное понимание корней трагедии возможно преодоление отравляющего воздействия ее последствий (раздуваемых к тому же бессовестными конъюнктурными «дискурсами») на морально-политический климат Украины — державы полиэтнической, сотканной из земель-регионов с весьма разной исторической судьбой. Недаром премудрый Уинстон Черчилль предупреждал об опасности «воевать с историей».

И то правда. Попробуйте найти в самодовольной Великобритании учебник истории, где бы сокрушались по поводу организованных их империей (четверть мирового населения к концу позапрошлого столетия) голодоморов в Индии и Ирландии, кровавого колониального порабощения народов, попытки подавить восстание Североамериканских штатов, изобретения концлагерей в войне с бурами, предательства одного своего союзника по антигитлеровской коалиции ets. Настоящую цену этому британские политики знали, иначе бы не стали вносить в список «запретных тем» Нюрнбергского процесса внешнюю политику XIX века «первой европейской демократии», Англо-бурскую войну и Мюнхенский договор (не дай Бог, подсудимые ударятся в нежелательные аналогии).

Приходится слышать от людей, ничем «старым режимом» не обиженных, о необходимости «подолати комплекс меншовартості малороса». Признаюсь, не доводилось встречаться с субъектами, снедаемыми этим самым «комплексом». Уж лучше, господа, не формируйте новых комплексов. Чего стоят хотя бы призывы «влиться (вернуться) в цивилизованный мир»!

А как же «тысячелетняя традиция государственного строительства», о которой шла речь в Акте провозглашения независимости Украины, богатейшая культура титульной нации и народов Украины, собственные традиции вечевой и сечевой демократии, созданный без эксплуатации половины мира

передовой материально-технический и интеллектуальный потенциал, свой собственный духовный мир, не позволяющий и сейчас, при всех ударах периода «катастройки» и «трансформационного периода», удерживать наше общество от окончательной «атомизации» и озверения.

Да и нет «цивилизованного мира» как такового, уж если на то пошло. Не лишним будет напомнить слова всемирно известного ученого-антрополога К. Леви-Стросса: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность. Священная обязанность человечества — охранять себя … от склонности приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немыслимо».

Украинское государство прилагает усилия к формированию справедливой оценки прошлого национально-освободительного движения, которое, разумеется, не исчерпывается историческим феноменом ОУН и УПА. В частности, 20 апреля 2005 г. Президент Украины В. Ющенко поручил соответствующим органам власти и научным учреждениям подготовить предложения для выработки официальной позиции относительно движения ОУН и УПА с целью укрепления согласия в обществе, достижения взаимопонимания и примирения между участниками Второй мировой войны.

Важным шагом стал и Указ Президента Украины от 14 октября 2006 г. № 879 «О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения». Предусматривается всестороннее изучение участия украинцев во Второй мировой войне, подготовка соответствующих капитальных научных исследований и научно-популярных изданий в интересах разработки законопроекта об украинском национально-освободительном движении 20 — 50-х годов XX столетия.

Суровая документальная правда, без которой немыслимо взвешенное изучение противоречивых, драматических страниц отечественной истории, демонстрирует подлинное, страшное лицо гражданского конфликта, который принес жертвы и

страдания не только тысячам жителей Западной Украины, но и многочисленным выходцам из других земель нашего государства. Вооруженный конфликт в Западной Украине стоит рассматривать как трагедию народа, когда обе враждующие стороны не останавливались перед антигуманными методами. Болящая память, скорбь, незаживающие раны лихолетья и сейчас тревожат души современников, обусловливают обостренное восприятие проблемы прошлого ОУН и УПА. Преодоление вражды, конечно же, долгий процесс; во всуе упоминаемой в связи с этим Испании он занял десятилетия, а поначалу пришлось пройти через период самой настоящей кровной мести.

Однако знать драматические страницы нашей общей истории необходимо, хотя бы для создания надежных механизмов предотвращения общественных катаклизмов в будущем. Собственная история убеждает нас — единственным целесообразным путем динамичного и гармоничного развития общества является согласие и консолидация народов Украины в единую политическую нацию, с гармоничным соединением глубинных, традиционных основ бытия со способностью отстаивать себя в сложной системе координат своекорыстного внешнего мира.

Мы должны понимать, что различные представления в современной Украине об оптимальности моделей развития («опрокинутые» и на оценки событий прошлого) сложились объективно, все их глубоко уходящие в историю корни даже не осознаются большинством носителей несовпадающих взглядов. Произошло это не по злой воле участников очередных и внеочередных выборов (активно, конечно, эксплуатирующих пласты народной памяти), а в силу превратностей исторической судьбы украинских земель, их территориального расчленения, насильственного или эволюционного включения в состав иных держав, вызванных этим этнокультурных и ментальных различий между историко-этнографическими землями. Весьма силен объективный фактор региональной исторической памяти (включающей, разумеется, и иррациональные «забобоны») и устранить его административным путем невозможно без риска распада страны.

Кроме того, нельзя не учитывать, что «добровольно-принудительная» гибель СССР, не позволившая советскому строю преодолеть «кризис модернизации», мощный поток манипулятивных информационных влияний привели к взрывообразному духовному разрыву между поколениями (конечно, старшие всегда будут ворчать на молодежь, но так, чтобы говорить на разных языках и не иметь точек духовного

соприкосновения — это уже угроза национальной безопасности).

Попутно отметим, что противоречия вокруг общего прошлого выходят далеко за присущее плюралистическому обществу разнообразие взглядов на проблемы духовной сферы. То, что нередко происходит вокруг оценок событий прошлого в вихре политического противостояния, целиком укладывается в одну из определенных ст. 7 Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины» угроз национальным интересам и национальной безопасности — «попытки манипулирования общественным сознанием, в частности путем недостоверной, неполной или предвзятой информации». В то же время этот Закон относит «укрепление политической и социальной стабильности в обществе» к числу приоритетов национальных интересов (подробнее эти проблемы рассмотрены нами в книге: Вєдєнєєв Д.В., Биструхін Г.С. Двобій без компромісів. Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945-1980-ті роки. - К.: К.І.С., 2007. - 568 с).

Не нам судить, почему здравствующие участники конфликта не могут достичь примирения — мы не прошли через то, что довелось пройти им. Осмелимся только предположить — помимо прочих причин, есть здесь и скрытый социально-психологический нюанс. Подсознательно участники конфликта считали, что противник — «свой», славянин, понять его речь не сложно, не немец или другой очевидный чужак, от них-то ничего хорошего не приходиться ждать по определению. Кстати, о чужаках. Как ни странно, только в плен к Красной Армии на Восточном фронте попало 465 тыс. представителей народов Западной Европы, ранее оккупированных III рейхом, причем воевали они, в основном, в добровольческих соединениях войск СС. Достаточно сказать, что во французском Сопротивлении погибло в борьбе с нацизмом в 2,5 раза меньше людей, чем французов на Восточном фронте (соответственно 20 и 50 тысяч).

Свои, как известно, бьют больнее, и простить это гораздо сложнее, чем открытому врагу, у которого в плане «Ост» был четко прописан процент уничтожения твоего народа. Тут же украинский народ и местные жители все более и более втягивались в конфликт или вынуждены были определяться, какую сторону поддержать. К 1951 г. доля этнических украинцев среди личного состава органов госбезопасности в Западной Украине превысила 41%, десятки тысяч местных жителей состояли в вооруженных группах охраны общественного порядка, тысячи граждан сотрудничали со спецслужбой в негласном порядке. Росло и количество местных уроженцев в структурах гражданской администрации, колхозах.

Примирение — дело исключительно добровольное, в основе его лежит внутренняя духовная готовность простить и понять друг друга. Рескриптами тут не поможешь. Однако справедливой будет постановка вопроса: а что реально принесет новым поколениям конфронтация? Уместно ли в правом государстве сведение счетов за прошлое? А заповедь Христа Спасителя «мне отмщение, аз воздам»? Что в действительности омрачает жизнь преобладающему большинству украинского народа — былые обиды или неспособность к консолидации для отстаивания своих неотъемлемых прав? Так-то у нас все за гражданское общество, грозу нерадивых коммунальщиков и вечно берущих на себя непосильное бремя участников предвыборных «перегонов». На практике же решимости «згуртуватися» явно не хватает.

Стоит ли искать односторонней «правды» там, где в бескомпромиссном поединке сошлись представители одной славянской этнической общности, ныне граждане одной державы. Ведь только неглубокий наблюдатель или отпетый грантоед может сводить вооруженный конфликт 1939-1950-х гг. на Западе Украины, трагедию миллионов душ, к примитивным, однолинейным схемам. Тут и «национал-патриоты против коммуно-большевицкого оккупанта» (коммунисты-то давно не при власти, а страсти продолжают кипеть). Или же — «народная власть против горстки выкормышей абвера» (что опровергает сама же «карательно-боевая» статистика советской стороны).

Где вообще рациональное соотношение между учетом прошлого, заботе о дне настоящем и обеспечением интересов будущего? Станет ли, например, нормальный человек предлагать снести историко-культурный «старый» Львов на том основании, что его веками строили самые что ни на есть «оккупационные власти»? Трудно не согласиться с Ф.Ницше: «Излишек истории вредит». Почему же спустя десятилетия в обществе, поглощенном строительством «типа капитализма» или выживанием в оном, так остро воспринимаются события не такого далекого прошлого? Безусловно, сказывается и то, что некоторые политические силы целенаправленно сыпят соль на раны, бередят то, что здравый разум старается забыть, но это уже отдельная история.

Непредвзятое изучение тех событий показывает: противоборство представляло собой сложное переплетение национально-освободительных мотивов, социального протеста против форсированной ломки традиционного уклада хозяйственнной и духовной жизни, борьбы за разные представления о государственно-политической модели развития Украины, противоречий между различными группами населения региона и столкновения цивилизационных анклавов. Сложная,

конечно, картина, не для митингового настроя. Проще, когда пришел завоеватель, землю поработил, заводы и электростанции не строил, институты с бесплатным обучением не открывал, с сифилисом не боролся, оккупанта изгнали — и сообща празднуем.

Нельзя не учитывать, что рассматриваемые события развивались в контексте Второй мировой войны, а после 1945 г. — межблокового противостояния в мире, когда великодержавные интересы хладнокровно подминали под себя «малые» чаяния отдельных народов или жителей отдельных регионов. Одновременно противостояние в Западной Украине может быть понято лишь в контексте борьбы между двумя глобальными цивилизационными векторами — капиталистическим и коммунистическим (название последнего условно, ибо из основных постулатов марксистского учения о коммунистическом обществе воплощена была лишь ликвидация эксплуатации человека человеком). Каждый из них имел свои преимущества и недостатки, свои ориентиры и ценности, во многом обусловленные не столько идеологическими доктринами, сколько особенностями исторического развития народов или целых семей народов.

Беда в том, что трагедия Западной Украины 1939—1950-х гг. является лишь одной из пережитых украинским народом «исторических ловушек». Представить выход из них в жестких конкретно-исторических условиях (если, конечно, не баловаться жанром исторической фантастики) без жертв и потерь невозможно в принципе (см. подраздел книги «Западная Украина, которой не было»). Возьмите хрестоматийный пример «исторической ловушки» — период Национально-освободительной войны 1648—1657 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого. Своими силами не справиться, вернуться к предвоенному состоянию — шляхетские репрессии, затмевающие террор до «золотого десятилетия» 1639—1648 гг.. Поиск союзников становился неизбежен, но не было вокруг тех, кто бы помогал из «гуманитарных» соображений. За поддержку приходилось платить или ясырем, или ограничением самостоятельности вплоть до ее потери в перспективе. Интересно, когда историки спорят, чем считать Переяславскую раду и Мартовские статьи — военно-политическим союзом, конфедерацией, федерацией. Полноте, не породила тогдашняя практика межгосударственных отношений таких изощренных политологических изысков, и любой самодержец воспринимал форму отношений с более слабыми, просящими помощи куда менее «политкорректно», прагматически, в духе тогдашних

«конкретных» представлений о взаимоотношениях вассала и сюзерена.

Ради справедливости стоит признать, что, к большому сожалению, эксцессы, которыми сопровождалась интеграция Западной Украины в советскую систему, принципиально ничем не отличались от аналогичных «силовых модернизаций» в истории человечества, а жестокость, с которой подавляли народное сопротивление западные державы (в периоды собственного перехода к капиталистическому пути развития, формирования колониальных империй и борьбы с антиколониальными движениями), намного превосходила «отечественные образцы».

Несложные подсчеты показывают, что в 1954—1962 гг. французы в Алжире, борясь с Армией национального освобождения, уничтожили или лишили свободы в 5-6 раз больше людей, чем сталинизм в Западной Украине, при примерно равной численности населения этих территорий. Задолго до того французы за одну Варфоломеевскую ночь 1572 г. перебили граждан больше, чем погибло за годы Опричнины Ивана Грозного, а переход на иной путь развития в период Великой французской буржуазной революции и наполеоновских войн стоил жизни каждому шестому наследнику галлов (по подсчетам авторитетного демографа Б. Урланиса). Это полезно помнить, дабы не позволять навязывать себе своеобразный комплекс «исторической пришибленности» — залог управляемости нацией извне. Верно говорил инспектор Жеглов — «у них в Англии не меньше нашего воруют».

Увы, но история человечества сама по себе является глубоко драматическим процессом, густо замешанным на законах «экзистенциального эгоизма» и «рационального расчета» (определения покойного философа Александра Зиновьева). Нужно иметь гражданское мужество и критический стиль мышления, беречь интеллектуальную свободу от корыстных внушений, чтобы воспринимать историю такой, как она есть, но верить и действовать так, чтобы не добавлять седин Клио.

Каких бы историософских взглядов и концептуальных толкований ни придерживались мы по отношению к ходу мировой истории, не лишним будет привести мнение на сей счет Святой Православной Церкви, высказанное в начале 1990-х устами покойного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева): «Отношение людей и народов к дару спасения (принятие или отвержение) в конечном счете определяет судьбу как отдельного человека, так и целого народа… Свобода заключается в выборе между добром и злом, добродетелью и страстью, законом Божим и беззаконием,

христианским долгом служения и своеволием, произволом. „Поток истории» есть лишь реализация этого религиозно-нравственного выбора в событиях и поступках».

* * *

Думается, что в год 65-летия Украинской повстанческой армии наш профессиональный и гражданский долг восполнить несправедливый по отношению к покойному Василию Куку пробел в историографии национально-освободительного движения. Автор сознательно писал эту книгу на русском языке, надеясь, что это поспособствует популяризации знаний о движении ОУН и УПА и на постсоветском пространстве, и среди русскоязычного населения Украины.

Вехи жизненного пути В. Кука подаются нами на фоне ключевых моментов истории ОУН и УПА. В основу работы положены многочисленные архивные документы движения ОУН и УПА, советских органов госбезопасности и компартии, мемуарная и научная литература. Научно-популярный стиль изложения, по нашему мнению, способствует ознакомлению молодежной аудитории с прошлым национально-освободительного движения. Надеемся хотя бы частично компенсировать потрясающую неосведомленность немалой части сограждан в вопросах отечественной истории — неизбежное следствие стремительной эрозии гражданского самосознания, деградации системы образования и манипулятивных информационных технологий, направленных на духовный разрыв поколений как одного из важнейших факторов стабильности общества, поглощение нашего сознания тем, что деликатно называют «глобализацией».

Приведенные оценки исторических событий являются личной точкой зрения автора, всегда признательного коллегам за конструктивный обмен мнениями.

Цитаты из украиноязычных источников даются в авторском переводе. Псевдонимы негласных помощников органов госбезопасности и отдельных подпольщиков изменены.

Глава 1. Путь в подполье

1.1. Из семьи казненных и сосланных

…«Очень приятно, что мы встретились, Василий Степанович», — приветствовал важного пленника заместитель начальника отдела Секретно-политического управления КГБ УССР майор Григорий Клименко. «Долго же вам пришлось за мной гоняться», — ответил только что захваченный спецгруппой в лесном бункере Василий Кук, последний лидер движения ОУН и УПА в Западной Украине. Этот день, 23 мая 1954 г., ознаменовал окончание организованного вооруженного сопротивления коммунистическому режиму в Украине.

Лемиш, Ле, Коваль, Юрко, Медведь, Василий Лиманыч, инженер Лука Лемишка, Безымянный, Кочегар, С-Вар, 789/1, 11/315, 100… Если встретите эти псевдонимы в материалах украинского повстанческо-подпольного движения, ориентировках польской полиции или советских органов госбезопасности, то знайте — под ними фигурирует один человек, герой нашей документальной повести Василий Кук.

Будущий член Центрального провода (руководства) Организации украинских националистов С. Бандеры ОУН(Б) родился 11 января 1913 г. в селе Красне Золочевского уезда на Тернопольщине (в то время — территория Австро-Венгерской империи, а ныне — Бусский район Львовской области Украины). Отец Василия, Степан Кук работал на железной дороге, мать была домохозяйкой, воспитывала восьмерых детей.

Сразу же отметим, что трагическая судьба западноукраинских земель полной мерой отразилась на судьбе близких родственников В. Кука, кроме двух умерших в детстве. Все его братья и сестра стали активными участниками национально-освободительного движения, подвергались репрессиям — Илярия Кука казнили в 1938 г. поляки, его участь разделил в сентябре 1939-го Илько, в 1940 г. уже советская власть дала 8 лет лагерей Филимону, Иван тогда же получил от «советов» 8 лет и еще «червонец» в 1949 г. Сестра Ева умерла в 1946 г. Родной дядя Аксентий Постолюк и 20-летний кузен Ярослав в 1943 г. погибли от рук участников польских националистических формирований во время печально известной Волынской резни - обоюдной украинско-польской этнической чистки 1943—1944 гг., в настоящее время решительно осужденной политическим руководством и передовой общественностью обеих стран.

Нетрудно понять, что страдания и смерть родственников не в последнюю очередь определили непримиримое отношение В. Кука к польскому и сталинскому режимам, радикализм, что вообще было характерно для политического становления многих будущих деятелей ОУН и УПА. Достаточно вспомнить уничтожение 15 тысяч узников в ходе «чистки» органами НКВД мест лишения свободы в Западной Украине первых дней войны. Советуем прочесть книгу «Ненаказанное преступление» профессионального судмедэксперта О. Левицкого, руководившего эксгумацией предвоенных жертв сталинизма в Ивано-Франковске: выявлено 793 останков, из них 190 женских. Немало — в крестьянской одежде, это к вопросу о «рабоче-крестьянской» направленности политики новой власти…

Гекатомбы сталинизма на долгие годы шокировали население региона. Как писала Президиуму Верховного Совета СССР (10 июля 1971 г.) связная командарма УПА Романа Шухевича, политзаключенная с 20-летним стажем Галина Дидык, «такое не забывается никогда, такое отчеканивается в сердце и передается поколениями». Будущий командующий УПА Роман Шухевич среди разлагавшихся во дворе львовской тюрьмы трупов нашел родного брата… О шоковом впечатлении от кровавой расправы над беззащитными узниками как о поворотном моменте в сознании говорил на суде близкий соратник В. Кука Василий Галаса. «Советизация западных областей УССР, — подчеркивается в выводах Рабочей группы историков при Правительственной комиссии Украины по изучению деятельности ОУН и УПА, — которая сопровождалась ужасными репрессиями, превратила обе ОУН в непримиримых врагов советской власти».

Однако не только это определило мировоззрение будущего профессионального подпольщика. Патриотизм, национальную сознательность, ненависть к поработителям Украины Василий впитывал с младых лет благодаря школьным наставникам. Тут уместен будет небольшой историко-геополитический экскурс в судьбу западно украинских земель (ЗУЗ).

К тому времени, когда Васылько сел за парту сельской четырехклассной школы, Галичина, Западная Волынь, Северная Буковина и Закарпатская Украина пребывали под контролем иностранных войск. Провозглашенная 1 ноября 1918 г. Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) с первых же дней существования вела борьбу за выживание с Польской державой, которая, не успев возродиться после распада империй Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов, сразу же развернула территориальную экспансию, сопровождавшуюся жестокими карательными акциями. Польша получала солидную военно-

техническую помощь от США и особенно Франции, вооружившей армию поляков-фронтовиков генерала Галлера. Несмотря на стойкое сопротивление и отчаянные «дефензивы» (контрнаступления) вооруженных сил ЗУНР — Украинской Галицкой армии (УГА), летом 1919 г. армия «начальника» Польской державы Ю. Пилсудского окончательно захватывает земли Восточной Галичины и Западной Волыни. Поскольку Польша рассматривалась как основное звено антибольшевистской Малой Антанты, в 1923 г. великие державы санкционировали власть Польши («Второй Речи Посполитой» 1918—1939 гг.) над оккупированными территориями.

В конце 1918-го Северную Буковину захватила Румыния. В ноябре 1920 г. под ударами красных войск прекратила существование Украинская Народная Республика. В 1919 г. в Закарпатье вошли войска Чехословакии. Правда, официальная Прага весьма либерально относилась к культурно-национальной автономии украинцев, материально поддерживала украинскую и российскую политэмиграцию, столица этого государства стала настоящим центром политической и культурно-образовательной жизни лишенных родины украинцев. Гораздо меньше повезло их соплеменникам «под ляхами».

Послевоенный духовно-политический кризис Старого Света, метко названный Освальдом Шпенглером «закатом Европы», породил в 20—30-х годах XX столетия «грибницу» авторитарных, тоталитарных и фашистских режимов, волну военных переворотов и всплеск националистических настроений. Не стала исключением и Польша. Банкротство тогдашней парламентской системы и коррупция подвигли национального героя и маршала Польши Ю. Пилсудского на решительные действия: «Я возьму триста легионеров и разгоню эту сволочь!». В мае 1926 г. происходит государственный переворот, установивший «санационный» («оздоровительный») режим «начальника Державы» Ю. Пилсудского. Национальным меньшинствам, наиболее многочисленным из которых были украинцы Восточной Галичины и Западной Волыни, новый режим принес курс «государственной ассимиляции», а премьер-министр К. Бартель заявил об отказе правительства от компромиссов с неполяками.

Особой брутальности политика режима по отношению к украинцам приобрела во время акций «пацификации» («умиротворения») в августе-декабре 1930-го. В ответ на нападения и поджоги имений польских помещиков на этнических украинских землях проводились масштабные силовые акции: уланские полки, полиция блокировали села, для подавления выступлений использовали артиллерию и авиацию. Закрывались

национальные культурно-просветительские учреждения. Под суд отдали 909 украинцев, включая 5 депутатов Сейма. Если в 1929 г. доля «украинских» политических процессов достигала 22,5%, то в 1930 — 33, в 1933 - 68,3%. В совокупности было вынесено 4 смертных приговора, 13 пожизненных заключений, 1215 лет строгой тюремной изоляции.

Составляя четверть населения и территории Польши, ЗУЗ производили менее 10% промышленной продукции государства и служили сельскохозяйственным придатком, эксплуатировались месторождения нефти и газа, химического сырья, лесные ресурсы. По словам современного польского историка Е. Томашевского, «польская держава сама воспитывала себе отряды заклятых врагов, которые с нетерпением ожидали момента расплаты».

1.2. Духовное становление

«Ассиметричным» ответом этнического большинства западноукраинских земель стал повышенный интерес к собственной истории, культуре, традициям государственности и вооруженной борьбы с внешними врагами. Широкую образовательную работу проводило общество «Просвита». Историки, стремясь поддержать национальный дух, создавали труды о прошлом Киевской Руси и Галицко-Волынской державы, казачества и гетманщины, героике Украинского сечевого стрелецтва (УСС) времен Первой мировой войны и УГА. Профессора-украинцы преподавали в подпольных университетах. Несмотря на сопротивление властей, развивалось украинское скаутское и спортивно-патриотическое движение в форме обществ «Пласт», «Сечь», «Сокол», «Луг». Их участники не только занимались спортом, но и ходили в походы, сочетая приобретение навыков выживания в лесах с воздвижением символических крестов и могил на местах боев УСС и УГА. Практически все функционеры ОУН и ведущие командиры УПА прошли эту школу, в 1925—1928 гг. В. Кук также стал членом «Пласта», «Сокола», сотрудничал с «Просвитой».

Интересно, что с «пластунами» делились знаниями и носители старинных казацких боевых искусств и эзотерических знаний — систем рукопашного боя «Спас», «Крест» и возрожденного ныне «боевого гопака» (свою школу самозащиты с посохом «Костурица» имели даже незрячие кобзари!). Автору довелось подробно беседовать с ныне покойным полковником госбезопасности в отставке Леонидом Дубининым, участником войны (кстати, именно он готовил к зафронтовой работе в

спецшколе НКВД на Луганщине героиню «Молодой гвардии» Любовь Шевцову), работавшим в конце 1940-х начальником Управления МГБ УССР по Черновицкой области, а затем долгое время возглавлявшим 6-е Управление КГБ УССР, занимавшееся контрразведывательной защитой научно-промышленного комплекса.

По словам Л.Дубинина, члены ОУН проходили выучку у борцов и боксеров, владели нетрадиционными знаниями. «Идешь, бывало, к подпольщикам на переговоры, — вспоминал Леонид Николаевич, — под мышкой ТТ, к ноге примотаешь «вальтер». А они напоят тебя отваром из каких-то трав, и руки безвольно виснут как плети. У нас-то был спецпрепарат «Нептун», химия, а они знали и гомеопатию, и другие природные средства».

Кстати, этот офицер госбезопасности сыграл свою положительную роль и в судьбе семьи В. Кука, помогая его сыну Юрию (одному из основателей движения атлетизма в Киеве) получить редкое в 1960-х годах университетское образование кибернетика и поступить в аспирантуру (советская бюрократия сама вряд ли бы дала дорогу отпрыску «бандглаваря»). Забегая вперед, отметим, что начальник Пятого управления (борьба с идеологической диверсией и «диссидентоведение») КГБ УССР полковник Леонид Каллаш доказывал партийным органам нецелесообразность препятствовать В.Куку в научной работе и не соглашался с решением «серой хаты» (как в народе окрестили здание ЦК КПУ) о недопущении к защите диссертации далекого от политики Юрия Кука. Позиция полковника вызвала недовольство партийных бонз, изучавших возможность повторно запроторить на нары помилованного к тому времени лидера подполья. Но об этом мы расскажем позже.

Да и много чем другим овладевали люди, решившие всецело посвятить себя национально-освободительной борьбе. Когда Василий Кук уже пребывал во внутренней тюрьме КГБ УССР в Киеве и почти не притрагивался к пище, отмечается в документах, оперработники участливо спрашивали, отчего тот «плохо кушает» (боялись, что «особо опасный государственный преступник» уморит себя голодом). Но Василий Степанович успокаивал их: «Если бы я хотел умереть, то давно бы сделал это — у меня есть свои способы еще с польских времен…». И переводил разговор в шутливое русло: «Вот вы сводите меня в ресторан, выпили бы винца или водочки, глядишь — и аппетит появится».

Несмотря на пацификацию и искусственную полонизацию, на ЗУЗ легально действовало 92 украинские организации, 12 из них имели представительство в Сейме, одно лишь Украинское

народно-демократическое объединение охватывало 280 тыс. участников. Своеобразной отповедью на шовинистическую политику Варшавы стали кооперативное движение, антиалкогольные и антитабачные кампании, призывы приобретать товары первой необходимости лишь у украинцев: «Свой к своему за своим!», — был такой лозунг.

В такой атмосфере и формировалась личность Василия Кука. Большую роль в его становлении как украинского военного и общественного деятеля сыграло обучение в Золочевской частной классической гимназии, директором которой работал украинский патриот, священник Украинской греко-католической церкви (игравшей исключительно высокую духовную роль в жизни галичан) отец Николай Хмелевский, бывший капеллан УГА. Были и среди учителей гимназии офицеры УСС, УГА, Армии Украинской Народной Республики (УНР).

Видимо, железнодорожники Речи Посполитой зарабатывали неплохо, что давало возможность мальчику из многодетной семьи получать образование в платном учебном заведении. В целом же благосостояние низов галицкого общества, избежавших в межвоенный период коллективизации и голодомора 1932—1933 гг., выгодно отличалось от советского колхозного крестьянства и пролетариата.

Вспомним впечатление от быта крестьян Западной Белоруссии (тоже жившей «под Польшей» до 1939 г.) героя романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого…» — лейтенанта-москвича и комсомольца Андрея Блинова: «Население здесь поляки и белорусы, но все так называемые „западники», люди забитые, отсталые, не по-нашему односторонние… А внешне: одеваются в основном лучше нас. В хатах обстановка городская. Вместо лавок обычно стулья. Девушки щеголяют в шелковых платьях по колено и в цветастых из хорошей материи блузках. Мужчины, тоже крестьяне, носят шевиотовые костюмы, сорочки с отложными воротниками и «гапки», что по-польски означает фуражки. На груди обязательно крестик, возле каждой деревни — огромное распятие с Иисусом Христом… Люди здесь в основном прижимистые, как и все, наверное, собственники…».

И такой «конфликт цивилизаций» (почти по Хантингтону) испытали тысячи советских военнослужащих и специалистов, обеспечивавших «социалистическое строительство» на новоприсоединенных украинских землях за рекой Збруч. Сказывалась и разница в уровне жизни, ментальносте между галичанами и «пришлыми» кадрами, зачастую державшимися высокомерно перед «аборигенами», без уважения к местным традициям, религиозности населения. Известный режиссер Роман

Виктюк вспоминает, как в театр родного Львова приходили жены «красных командиров» … в ночных сорочках и пеньюарах, конфискованных у сменивших климат «буржуев». Они считали, что наряжаются в вечерние платья. Оперработников НКВД подпольщики «вычисляли» просто — из-под цивильной верхней одежды у них неизменно торчали казенные сапожищи… Но это будет после «золотого сентября» 1939 г. А мы вернемся к формированию убеждений будущего командующего УПА.

1.3. С револьвером в руке и «Капиталом» в голове

Как это ни покажется странным, в социально-политических предпочтениях В. Кук придерживался левых взглядов. В наше сознание коммунистической пропагандой и наукой внедрен тезис об «украинских *буржуазных* националистах». Так ли это? «Буржуазными» обзывали и «народника» Михаила Грушевского, социалистов Владимира Винниченко и Симона Петлюру, и почти на 100% социалистическую Центральную Раду, и разночинскую ОУН (найти настоящего «буржуя» в ее рядах проблематично), и преимущественно крестьянскую по составу УПА. При этом не обременяли себя обоснованием этого ярлыка, равно как и позабыли тезис «дореволюционного» В.Ленина о необходимости различать национализм нации-захватчика и протестный национализм нации порабощенной. Первый же программный документ ОУН предусматривал, что крестьяне должны получить без выкупа помещичьи земли. Основу сельского хозяйствования составляла бы частная собственность крестьян на землю с государственным регулированием отношений купли и продажи земли. Правительство должно было заботиться о повышении производительности и агротехнического уровня крестьянского труда.

Тяжелая и военная промышленность подлежали переходу в государственную собственность. Другие производства оставались бы в собственности отдельных лиц и организаций и функционировали на основе свободной конкуренции и частной инициативы. Государство бралось оказывать содействие развитию разных форм кооперации в городе и на селе. В области торговли предполагался государственный протекционизм для защиты внутреннего рынка и защиты интересов отечественного товаропроизводителя на мировом рынке. Государство обязывалось обеспечить социальные гарантии — 8-часовой рабочий день, арбитраж при решении производственных конфликтов, помощь безработным, пенсионное обеспечение.

Декларировалось право работающих образовывать профсоюзы, выборные «советы рабочих» для гармонизации отношений между пролетариями, работодателями и государством.

Коренное изменение идейно-политических приоритетов ОУН(Б), отказ от антигуманного, во многом ксенофобского, «интегрального национализма» состоялись на III Чрезвычайном Большом собрании (август 1943 г.) с принятием новой Программы организации, построенной на началах социальной справедливости, демократии, уважения к правам человека и национальных меньшинств. В известной работе руководителя референтуры пропаганды ОУН(Б) Петра Федуна «Кто такие бандеровцы и за что они борются» (1948 г.) речь шла о необходимости введения общественной собственности на средства производства, устранения эксплуатации человека человеком, утверждения бесклассового общества. Нетрудно заметить, что в программных установках ОУН преобладали социалистические или социал-демократические принципы, причудливо сочетавшиеся с солидаризмом, а то и вполне коммунистическими лозунгами.

Не приходится сомневаться, что для понимания чуждости значительной части народа Украины капиталистических идей и рафинированного национализма «Лемишу» много дало руководство подпольем ОУН в индустриальных областях юго-востока УССР в 1942—1943 гг. На допросах в КГБ он признавал, что идеи националистов и курс на возрождение частной собственности не встретили поддержки у «схидняков». Жители Востока республики, признавал документ Центрального провода ОУН(Б), в основном русофилы и для них «понятие самостийной Украины — как для нас самостоятельная Гуцульщина».

Уже в послевоенные годы Василий Степанович критически относился к недостаткам капиталистического образа жизни, к своекорыстной политике Запада относительно Украины. Находясь в гуще борьбы с советским режимом, он болезненно воспринимал прагматическое отношение Запада к движению ОУН и УПА лишь как к «пятой колонне» в «холодной войне», непонимание правящими кругами США и Великобритании важных нюансов положения подполья в условиях постепенной советизации региона и развертывания там популярных социальных программ.

В одном из бункеров, где укрывался «полковник Коваль» (один из известных псевдонимов В. Кука), нашли копию и английский перевод письма «группы украинских политических деятелей» британскому премьеру Уинстону Черчиллю от апреля 1946 г. В нем содержался разбор знаменитой речи в Фултоне 5 марта того же года, знаменовавшей начало «холодной войны».

Лидеры ОУН требовали от Запада признания суверенных прав Украины и свободы в выборе социально-экономического устройства. В августе 1950 г. лидеры повстанцев подготовили письмо о содержании радиопередач на Украину «Голоса Америки». Фактически это была критика политических установок администрации США, которая, в частности, не учитывала индифферентности к капитализму значительной части населения УССР и того, что ОУН выступает за плюрализм форм собственности.

О далеко не буржуазных воззрениях В. Кука говорил на допросах и его близкий соратник, член Провода ОУН(Б), сын батрака Василий Галаса («Орлан»), захваченный спецгруппой МГБ 11 июля 1953 г. На одной из последних встреч «на воле», отмечал на допросах «Орлан», «Лемиш» сказал боевому побратиму: «Мы стоим у своей могилы, идти на Запад мне смысла нет. Я и 10 километров не пройду, сведет болью желудок. Лучше честно погибнуть здесь, но не видеть скандалов этих панов (имелись в виду острые разногласия в националистических организациях за кордоном. — *Авт.*). Лучше идите Вы, друже Орлан, Вы сами из „черни» и будете защищать „чернь». А меня на Западе считают марксистом, мы же осуждаем капитализм. Но попробуйте предложить им прочесть „Капитал» Маркса — сразу же обзовут большевистским агентом»…

Глава 2. Становление революционера

2.1. В молодежном резерве национал-радикалов

Будучи гимназистом, Василий Кук подружился с соучеником Ярославом Лехом. Приятель давал ему читать нелегальный орган Украинской войсковой организации (УВО, первой организационной формы движения украинских националистов) журнал «Сурма» («Горн»), издававшийся в Литве (часть ее территории с Вильнюсом Польша также оккупировала в 1919-1920 гг.). На страницах «Сурмы» регулярно печатались, кроме антипольских статей, материалы из опыта деятельности революционных или экстремистских движений («Как российские революционеры бежали из тюрем», «Нигилисты», «Орсини» и другие), наставления по поведению националиста на случай ареста и пребывания под следствием («Из практики полиции ляхов», «Допрос», «Техника следствия» и другие). Видимо, это были первые уроки конспирации, признанным мастером и разработчиком которой Василий Степанович станет впоследствии.

В 1928—1929 учебном году Василий становится членом «Юнацтва» (молодежного резерва ОУН) и тем самым вступает в ряды национально-освободительного движения, с которым будет связана вся его жизнь вплоть до захвата 23 мая 1954 г. агентурно-боевой группой КГБ УССР. В следующем году ему доверили руководство «юнаками» Золочевской гимназии и одноименного уезда. Отвечая в 2001 г. на вопросы журнала «Захист», Василий Степанович так охарактеризовал свои мотивы к вступлению в ряды борцов за независимую Украину: «Если вы человек, если вас оскорбляют и унижают как украинца, презирают ваш язык, хотят держать в ярме и хозяйничать на вашей земле — вы не можете не ощутить желания бороться за свой народ, за свою державу. Я сознательно стал на путь борьбы, ясно понимая, какие нелегкие испытания меня ждут на нем. Да и разве можно отсиживаться, когда отстреляли почти всю нашу интеллигенцию, создали искусственный голод, массово вывозили украинцев и уничтожали как нацию? Не только я, но и другие люди брали в руки оружие или вели борьбу в тех формах, которые были наиболее целесообразны на том или ином историческом этапе».

К слову говоря, упомянутые В.Куком преступления

сталинизма были хорошо известны в регионе. В начале 1930-х в среде националистов целиком закономерно нарастают антисоветские настроения. «Великий перелом» и репрессивный характер сталинского режима не были секретом для населения ЗУЗ (отметим, что в мировом коммунистическом движении именно Компартия Западной Украины первой, еще в конце 1920-х годов, выступила против своеволия Кремля в Украине, в 1938-м была распущена, а ее последние лидеры расстреляны в лесу под Орлом 16 октября 1941-го).

Как отмечает в мемуарах бывший командир боевой группы (боевки) Службы безопасности (СБ) ОУН Дмитрий Купьяк-«Клей», «читая свободную прессу, в которой часто были репортажи о жизни в СССР, западные украинцы хорошо знали о массовых расстрелах в казематах ЧЕКА, ГПУ … НКВД, вывозе миллионов сознательных украинцев-патриотов в Сибирь и о недавнем искусственном голоде, который забрал в 1933 г. миллионы украинцев…». Кстати, советским правосудием «Клей» обвинялся в организации убийства более 200 мирных граждан в 1940-х годах, однако власти Канады в послевоенный период отказали неоднократным требованиям СССР экстрадировать бывшего боевика — «холодная война» диктовала двойные стандарты…

В молодежном резерве «Лемиш» пробыл недолго, его способности к организаторской работе заметили, и уже с 1930-го он становится членом ОУН, более того — в ее Золочевской уездной экзекутиве (так называли территориальные органы управления ОУН, позднее переименованные в проводы) совмещает посты руководителя организационной и молодежной референтур. Закончив гимназию, пытается поступить во Львовский университет (целиком полонизированный, как и остальные три вуза Галичины), однако украинцу туда дорога была заказана, и поступить пришлось на юридический факультет Люблинского университета. Однако закончить образование довелось уже после помилования в Советской Украине, а тогда В. Кук стремительно втягивался в карьеру профессионального революционера, каковыми считали себя члены Организации украинских националистов.

2.2. Галицкие пассионарии

Оформление движения украинских националистов стало реакцией радикально настроенной части населения Западной Украины на гибель национальной государственности 1917—1920 гг., поражение национально-освободительной борьбы и

территориальное расчленение украинских земель между СССР, Польшей, Чехословакией и Румынией. Вокруг бывшего командира Корпуса сечевых стрельцов Армии Украинской Народной Республики полковника Евгения Коновальца сплотились отчаянные боевые офицеры, участники Сечевого стрелецтва и УГА.

На заседании «Стрелецкой рады» в июле 1920 г. и на съезде представителей нелегальных военно-патриотических организаций 31 августа того же года в Праге принимается решение создать «Войсковую организацию» (после 1924 г. утверждается название — Украинская войсковая организация, УВО). С июля 1921 г. ее возглавил Е. Коновалец. Активисты УВО вели учет бывших военнослужащих УГА, собирали оружие, разрабатывали планы вооруженного восстания против Варшавы. Помимо этой и пропагандистской работы они намеревались вести подрывную деятельность и террор против польской власти. Первый теракт — выстрелы боевика Степана Федака 25 сентября 1921 г. в «начальника державы» Юзефа Пилсудского, ранившие, однако, львовского воеводу Грабовского. Только в 1922 г. УВО провела в регионе 38 диверсий, в прессе даже появилось понятие «балканизация Галичины».

Националисты создали широкую сеть подпольных групп и резидентур в Галичине, крупнейших городах Польши и некоторых других европейских стран. В составе «Начальной команды» УВО создается референтура разведки, которую возглавляли Ярослав Чиж (сотрудник разведки Австро-Венгрии, а затем Корпуса сечевых стрельцов), сотники Николай Колтуняк и Осип Думин. Создаются разведывательные подразделения окружных и уездных команд УВО, конспиративные линии связи, по которым информация поступала в «почтовые ящики», находившиеся в ведении руководителей разведки УВО.

Как отличалось в учебнике «Разведка», подготовленном Генштабом Польши, «разведывательная сеть УВО была наибольшей и наилучше организованной в своем роде в Европе». Собиралась разноплановая информация о вооруженных силах, государственных учреждениях, промышленности, коммуникациях Польши. Источниками информации служили украинцы-военнослужащие или гражданские лица, корыстолюбивые чиновники всех национальностей. Так, сотрудники-украинцы штаба корпуса в Перемышле по заданию разведчика УВО Заблоцкого добыли данные о дислокации и командном составе частей, мобилизационные схемы, секретные приказы и документацию местного арсенала.

Уже в марте 1925 г. состоялся громкий судебный процесс над

членами УВО по обвинению в разведывательно-подрывной деятельности («дело басарабовцев» — от имени связной Ольги Басараб, погибшей в тюрьме во время следствия). По нему проходило 10 фигурантов во главе с руководителем УВО в Галичине Андреем Мельником, получившим 4 года тюрьмы. Всего до 1928 г. около 100 украинских националистов отбывали наказания по обвинению в шпионаже. По данным дефензивы (контрразведки, подчиненной II отделу Генштаба Польши), в 1929—1935 гг. около 630 украинцев собирали разведывательные данные (26% от общего числа подозреваемых в шпионаже).

Мировая история полна примеров, когда военно-политические силы, добивавшиеся национального освобождения в неблагоприятных для себя условиях, руководствовались принципом «враг моего врага — мой друг». Руководство националистического движения не могло, естественно, надеяться на возрождение Украинской самостийной соборной державы только своими силами. По свидетельству одного из создателей УВО Михаила Кураха, после аннексии Западной Украины Польшей (14 марта 1923 г.) Коновалец сообщил ближайшим соратникам о крахе надежд на компромисс с режимом Пилсудского и о переориентации на союз с традиционным врагом Польши — Германией. Лидер УВО откровенно указал на мотивы сотрудничества с немцами митрополиту Андрею Шептицкому: «Пусть сегодня мы находимся в услужении немецким чиновникам. Но завтра с их помощью мы добудем свою державу».

Характерно, что общественность региона с пониманием относилась к необходимости сотрудничества с внешними силами для противоборства с польским шовинистическим режимом. Как заявил на допросе 15 февраля 1948 р. в МГБ УССР сотрудник референтуры пропаганды Центрального провода ОУН В. Порендовский, о контактах Коновальца с немцами было широко известно в Галичине, однако воспринимались они как целиком естественный способ борьбы с Польшей.

Уже в 1921 г. Е.Коновалец принял решение о вступлении в тайные отношения с абвером и договорился о поставках разведывательной информации, касавшейся Польши. Оплата составляла 9 тысяч марок в месяц. Открываются разведывательные курсы для УВО, организованные в том же году майором Фоссом в Мюнхене (Бавария). К концу 1920-х уже действовали шпионско-диверсионные курсы «шефов украинских разведывательных бригад» в Берлине, Гданьске (Данциге), Кенигсберге, на территории Голландии. Как показал на допросах в МГБ уже после войны один из основателей ОУН Петр Кожевников, только в 1923—1928 гг. боевики Коновальца

получили до двух миллионов немецких марок. Лишь через данцигский переправочный пункт им поступили две сотни револьверов, полтонны взрывчатки, тысячи детонаторов. В июле 1926 г. руководство УВО приняло решение распространить разведывательные устремления и на других потенциальных противников Германии — СССР, Англию, Францию, США, Канаду.

Широкое сотрудничество налаживается между УВО и спецслужбами Литвы (разведывательным отделом Генштаба, полицией государственной охраны, пограничной полицией, разведкой организации «Союз стрелков»). Коновалец и премьер-министр Литвы Вальдемарас в 1923 г. договорились о сотрудничестве в области обмена сведениями о Польше и СССР. В 1925 г. гданьский филиал УВО — один из наиболее результативных ее разведывательных центров — оказал содействие литовской разведке в организации транспортировки в порт Клайпеда двух закупленных в Германии подводных лодок.

В следующем году разведка УВО добыла план польского вторжения в Литву (!). О деталях операции Е.Коновалец предупредил литовское правительство, а через гданьский филиал информацию донесли правительствам Англии и Германии, что ставило Польшу перед угрозой интернационализации конфликта.

В тогдашней столице Литвы Каунасе разместилась резидентура УВО во главе с сотником Иосифом Ревьюком («Йонасом Братвичусом»). В нее входило 15 сотрудников, владевших польским, литовским и белорусским языками. Они собирали информацию в регионе Вильнюс — Гродно — Лида — Пинск, содействовали закупке и переправке в Галичину оружия, поддерживали связь с резидентурами УВО в Берлине, Вене, Париже. В последние годы жизни Е. Коновалец использовал для прикрытия именно литовский паспорт.

По сведениям, сообщенным польской разведке ее информатором (на самом деле двойным агентом) пресвитером Яковом Кравчуком, близким к высшим руководителям ОУН, в бюджете ОУН («освободительном фонде») на 1936—1937 гг. из общей суммы, эквивалентной 126 тыс. 282 долларам США 50 тыс. поступило от Германии, 30 тыс. от Литвы. Непосредственно на разведку потратили 20 тысяч долларов.

2.3. Тюремные университеты Речи Посполитой

Усиление шовинистических тенденций в политике Польши подстегнуло консолидацию украинских радикально-националистических организаций и групп. 28 января - 3 февраля

1929 г. в Вене проходит учредительный Конгресс, объединивший их в Организацию украинских националистов (ОУН) во главе с Е.Коновальцем. Основной ее уставной задачей провозглашается возрождение Украинской Самостоятельной Соборной Державы (УССД), основой внешних контактов — курс «союза с народами, которые враждебно относятся к оккупантам Украины», руководящим органом — Провод украинских националистов (ПУН).

После дебатов на конференциях руководителей-националистов во Львове (май) и Праге (июнь) 1930 г. полковник Коновалец утвердил решение: УВО остается в составе ОУН как автономный элемент и выступает боевым элементом, «вооруженным крылом, но акции проводит в полной организационной независимости от ОУН… Аппарат УВО будет сокращен до минимума и строго законспирирован».

К 1930 г. сеть ОУН на ЗУЗ состояла из «звеньев» как первичек из 3 — 5 участников, объединявшихся в «кусты» или «станицы» по населенным пунктам. С этого уровня уже вводились должности «специальных разведчиков». Три «куста» составляли подрайон, три подрайона — районную организацию, далее шли надрайонные, уездные (75—80 сел) и окружные организации («экзекутивы»), последних было шесть по числу воеводств на ЗУЗ.

Следует отметить, что с 2 тысяч членов УВО националистическое движение к 1939 г. выросло в 10 раз, хотя оставалось узкой, сектантской организацией, делавшей ставку на силовые методы и противопоставлявшей себя другим украинским политическим организациям. Националисты отчаянными акциями и бесстрашием, бескомпромиссностью снискали высокий авторитет среди молодежи. Формируется особая когорта людей, фанатично готовых служить нации. Как писала член ОУН, поэтесса и модель Олена Телига, казненная немцами в Киеве в 1942-м, «Украину может спасти новый тип украинца, который умеет жить и умирать для своей нации». Эти люди действительно не жалели врагов, реальных и мнимых, но и сами без колебаний подрывались гранатами или пускали пулю в висок в бункерах подполья.

Активизируется и работа В. Кука по линии ОУН. В 1931—1932 гг. он устанавливает контакты с членами Краевой экзекутивы ОУН (КЭ ОУН), будущими известными деятелями подполья ОУН Дмитрием Мироном, Ярославом Стецько, Ярославом Старухом. По поручению КЭ ОУН часто выполнял курьерские задачи: перевозил оружие и взрывчатые вещества во Львов из краковской лаборатории Ярослава Карпинца и Николая Клымишина. Доставлял нелегальную литературу в Луцк и Ровно.

Гимназиста Василия несколько раз задерживала польская полиция, но после двух суток ареста за недостатком доказательств отпускала. Первая серьезная отсидка случилась в 1933-м, когда пришлось провести полгода в Золочевской тюрьме за распространение националистических листовок.

В сентябре 1933 г. — новый арест, вместе с братом Илярием за саботаж и по подозрению в поджоге польских имений получает 14 месяцев тюрьмы, однако апелляционный суд увеличивает срок до 2,5 лет. На судебном процессе их защищал известный галицкий адвокат Степан Шухевич (дядя боевика УВО-ОУН «Дзвона» — Романа Шухевича).

В 1936-м братья вышли на свободу по амнистии в связи со смертью Ю.Пилсудского, и Василий вновь возглавил ОУН на Золочевщине, работая под прикрытием продавца. Однако искушать судьбу больше не стал, и в мае 1937 г. перешел на нелегальное положение - тогда неизвестные убили помещиков Ясинских, и В. Кук опасался попасть под репрессии «под горячую руку». По его же словам, «стал профессиональным революционером-подпольщиком, вооруженным револьвером и гранатами», «проводил массовое ночное идейно-политическое обучение рабочих и ремесленников на окраинах Львова».

2.4. Эпоха терактов и экспроприации

Начало 1930-х отмечено резким подъемом террористической, диверсионной, саботажной и пропагандистской антипольской деятельности ОУН. Не случайно именно в это время формируется специальный орган движения с функциями разведки и контрразведки. В июне 1932 г. на Пражской конференции ОУН создается «контрольно-разведывательная референтура» во главе со студентом-медиком Ярославом Макарушкой. На это подразделение возлагались задачи «внешней разведки» (сбор информации о вооруженных силах, правоохранительных органах и структурах власти Польши, создание в них собственных агентурных позиций) и «внутренней разведки» (защита подполья от проникновения в него информаторов и провокаторов польских силовых структур, проверка членов ОУН на лояльность).

В составе Краевой (региональной) экзекутивы ОУН в Западной Украине создается референтура разведки, в окружных — референтуры разведки и связи. Кроме того, при боевой организации во Львове создается женское разведывательное подразделение Екатерины Зарицкой — «Монеты», дочери профессора математики и будущей возлюбленной командующего

УПА Романа Шухевича.

На кампанию «пацификации» ОУН ответила серией террористических актов. Наиболее резонансными из них стали убийство 27 августа 1930-го директора Украинской государственной гимназии Львова Ивана Бабия (ему не простили призывов к украинцам быть толерантными к власти), 29 сентября в Трускавце в номере лечебницы был застрелен и добит кинжалом бывший директор Восточного департамента МИД Польши Тадеуш Голувко (сторонник, кстати, примирения с украинцами). Убийство совершили боевики Василий Билас и Дмитрий Данылышын, участвовавшие затем в ряде «экспроприации» на почтах и в банках. 23 декабря 1932-го их повесили во львовских «Бригидках», а день казни стал одной из установленных в ОУН памятных дат. В 1932-м ликвидировали комиссара полиции Львова Е. Бачинского. В кульминационный 1934 год жертвами терактов стали 3 полицейских, 3 старосты, несколько агентов полиции, проведено два взрыва в общественных местах. Всего ОУН осуществила до 1939-го 63 «атентантов» (то есть терактов, покушений), погибло 63 человека, 36 из них — украинцы, обвиненные в сотрудничестве с «ляхами».

К этому времени Краевую экзекутиву возглавил уроженец местечка Угрынив на Станиславщине, сын священника Степан Бандера-«Серый» (1909-1959). Он с юности готовил себя к испытаниям в борьбе за свободу Украины и даже больные зубы ходил рвать к сельскому кузнецу. Спустя более 10 лет один из руководителей абвера, поддерживавший связь с ОУН в интересах борьбы с СССР, разведчик с 22-летним стажем полковник Эрвин Штольце на допросах в НКГБ охарактеризовал Степана Андреевича как весьма энергичного, карьерного и фанатичного человека. Кредо Бандеры, как и всей той генерации борцов экстремальными средствами, стал известный девиз: «Или добудешь Украинскую державу, или погибнешь в борьбе за нее!».

Один из ближайших соратников «Серого» Николай Лебедь-«Марко» (1910—1998) выступил непосредственным организатором убийства министра внутренних дел Второй Речи Посполитой Бронислава Перацкого - основного инициатора и разработчика кампании «пацификации». В течении 1933—1934 гг. за министром велось наружное наблюдение «женской разведки», изучались маршруты следования и привычки. Убить Перацкого вызвался Григорий Мацейко — хотел искупить вину за то, что, не разобравшись, помог задержать полиции убегавшего после акции боевика ОУН. Лебедь и его невеста Дарья Гнаткивская («Солецкая») вручили террористу пистолет «Гиспано» калибра 7,65 мм. 15 июня 1934 г. на ступеньках «Товарищеского клуба»,

куда любил хаживать министр, Г. Мацейко выстрелом в голову сзади смертельно ранил генерала Перацкого. Убийце удалось скрыться и эмигрировать.

Н. Лебедь был выдан полякам немецкими властями. Прошла волна арестов, и на скамье Варшавского процесса 1935 г. над членами ОУН оказались все руководители Краевой экзекутивы. Только влияние общественного мнения и ходатайства митрополита греко-католической церкви Андрея Шептицкого вынудили правосудие заменить смертную казнь для Бандеры, Лебедя и ряда других фигурантов на пожизненное заключение. Дарья Гнаткивская получила 15 лет и обвенчалась с Лебедем в тюремной церкви (интересно, что к «Солецкой» долгие годы питал нежные чувства и сам С. Бандера).

Планировалось покушение на полномочного представителя СССР в Польше Владимира Антонова-Овсеенко. Уже в 1970-е годы в личному письме к заместителю председателя КГБ СССР Филиппу Бобкову Павел Судоплатов сообщил, что в 1933-м ОГПУ получило от агента «82» в окружении Е.Коновальца информацию о выезде в США пятерых боевиков ОУН во главе с Мишугой для теракта против наркома иностранных дел Максима Литвинова (боевиков арестовали).

Однако Василий Кук-«Лемиш» не был непосредственно причастен к боевой деятельности ОУН. Его участком работы стала пропаганда и разработка основ конспирации националистического движения.

Польские правоохранительные органы работали против украинских националистов весьма квалифицированно и продуктивно, сотрудничая при этом со спецслужбами Чехословакии (в 1929 г. создается координационный орган спецслужб этих стран). Акцент делался на создании агентурных позиций в среде УВО, вводе в нее провокаторов и информаторов. Характерными чертами профессионального «почерка» польских спецслужб были приоритет агентурной разведки, массовость агентуры во враждебной среде в сочетании с ее высокой квалификацией, целеустремленностью и настойчивостью в достижении цели.

Как результат — в 1922-1928 гг. суд УВО приговорил к смерти 5 изменников. В 1930—1939-м в ОУН ликвидировали 11 польских конфидентов. Но это, по словам боевого референта УВО Зиновия Кныша, была «лишь мелкая полицейская рыбка». Более того, после государственного переворота 1926 г. спецслужбы Польши используют свою агентуру в УВО чтобы заполучить добытую разведкой националистов информацию о событиях за рубежом. Агентура продвигалась в близкое окружение лидеров

националистов. Так, комиссариатом государственной полиции г. Стрыя был привлечен к сотрудничеству дядя лидера ОУН Галичины (с 1933 г.) Степана Бандеры - Иосиф Бандера.

На поляков с 1929 г. «работал» за 200 злотых в месяц и отдельную награду за особо ценные сведения краевой боевой референт УВО Роман Барановский. На связи он состоял у начальника «украинского отдела» политической полиции Львова Чеховского — умелого агентуриста, мастера оперативных игр с националистическим подпольем. Он, по оценке самих националистов, «прекрасно ориентировался во всех подробностях, был одним из наиболее опасных укротителей украинского подпольного революционного движения». 22 марта 1932 г. Чеховский пал от выстрелов боевика Юрка Березинского (брата жены Романа Шухевича).

Выдвижению обвинений против националистов на громких Варшавском и Львовском процессах 1936 г. над членами ОУН способствовал крупный успех польской контрразведки. В рамках сотрудничества (против Германии и ОУН) со спецслужбою Польши в 1933—1934 гг. в местах проживания лидеров ОУН Омельяна Сеника, Ярослава Барановского, Владимира Мартинца чешское МВД изъяло почти полтысячи оригиналов и свыше 2 тыс. копий документов ОУН (так называемый «архив Сеника») и передало их польским коллегам. Были расшифрованы псевдонимы и адреса 62 активных функционеров подполья. Свою роль сыграла и информация крупнейшего информатора польских спецслужб в рядах ОУН Романа Барановского.

С начала 1930-х серьезной угрозой для движения ОУН становится советская разведка (Иностранный отдел ОГПУ, с 1934 г. — разведывательный отдел Главного управления госбезопасности НКВД). Продвижение оперативных источников в зарубежные центры УВО— ОУН часто осуществлялось под предлогом направления «националистическим подпольем в УССР своих участников по каналам связи» за пределы СССР. Оперативным позициям советской разведки была присуща близость к руководящим кругам украинских националистов. Так, секретный сотрудник «Лоцман» (псевдоним изменен. — *Авт.*), происходивший из семьи одного из лидеров Украинской партии социалистов-революционеров и лично контактировавший с Е.Коновальцем, в 1936-м был награжден орденом Красной Звезды за выполнение важных заданий ведомства Генриха Ягоды, а его сестра стала женой одного из руководителей разведки ОУН.

Есть утверждения о том, что на советскую разведку работал Петр Кожевников, один из основателей ОУН, член ее Провода. После войны Кожевников был арестован, сидел на Лубянке в

одной камере с руководителем разведывательной сети ГРУ в Западной Европе «Красная капелла» Леопольдом Треппером и после освобождения в 1955-м эмигрировал в ФРГ.

От имени «глубоко законспирированной организации в СССР» удалось внедрить в националистическую среду подающего надежды разведчика Павла Судоплатова. Им же осуществлен и достаточно подробно описан в мемуарах теракт, осуществленный по приказу И.Сталина против Е.Коновальца — фрагменты тела полковника, разорванного «адской машинкой», собирали в радиусе 20 метров. Будущий начальник отдела оперативной техники 4-го Управления (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа) НКВД СССР Александр Тимашков изготовил для ликвидации лидера ОУН закамуфлированную под коробку конфет мину. В годы войны он же конструировал мины для уничтожения гитлеровских высоких чинов, включая взрывное устройство из 8 кг английского пластита для ликвидации посла Германии в Турции фон Папена. «Что будем взрывать?» — любил приговаривать умелец.

В свою очередь, успех Судоплатова был предопределен тем, что в начале 1930-х в Провод ОУН в результате оперативной комбинации ввели «руководителя националистического подполья в Украине» В. Лебедя, известного в закордонной ОУН как Хомяк. Именно его «племянника» и изображал Судоплатов и в случае «наездов» резко обрывал собеседников: «Вуйко (дядя. — *Авт.*) не велел!», что всегда срабатывало. В 1937 г. Судоплатов вернулся в Союз, получив орден Красного Знамени из рук И.Сталина.

Как уже отмечалось выше, в 1970-е годы П. Судоплатов в личном письме заместителю председателя КГБ СССР Филиппу Бобкову сообщал, что в 1933-м ОГПУ СССР получило от агента «82» в окружении Е.Коновальца информацию об откомандировании последним в США пятерых боевиков во главе с Мишугой для теракта против наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова (террористов арестовали). «82-м» был упомянутый Василий Лебедь-Хомяк, бывший офицер Сечевых стрельцов, вместе с Коновальцем деливший тяготы русского плена под Царицыном в 1915—1917 гг. Сотрудничая с ВЧК-ОГПУ с 1920-х, В. Лебедь попал за границу по легенде: спасаясь от арестов, по фальшивым документам устроился на корабль и в начале 1933-го остался в Бельгии, восстановил связь с Коновальцем. В июне 1935-го с ним в Финляндию вывезли и племянника Павлуся (Судоплатова). Попутно Хомяк убеждал лидеров ОУН не устраивать теракты в СССР как бесперспективное занятие. В годы войны работал в 4-м Управлении НКВД, командовал спецотрядом ОМСБОН (Отдельной мотострелковой

бригадой особого назначения), затем — на дипломатическом поприще, на высоких хозяйственных постах, умер в 1980-х в Киеве и похоронен на Байковом кладбище.

Кроме того, по ОУН за границей плодотворно работал и бывший украинский эсер Кондрат Полуведько, ставший главой Украинской громады в Хельсинки. В 1942-м чекист Полуведько был замучен гестаповцами в Харькове, где остался для зафронтовой работы.

Советскую спецслужбу весьма интересовали и деловые контакты ОУН с разведками потенциальных противников СССР. В 1931 г. эмиссары ОУН установили контакт с британской спецслужбой через ее кадрового сотрудника в посольстве Англии в Варшаве Д. Росса. В 1934 г. японский военный атташе в Стамбуле обсудил с представителями ОУН возможности сбора информации о СССР. По данным разведки НКВД, в августе 1937 г. Р. Ярый свел в венском отеле «Бристоль» Коновальца и шефа Войскового штаба ОУН генерала Николая Капустянского с японским военным атташе в Берлине, генштабистом и кадровым разведчиком Ито — советником посольства Японии в Париже. Стороны договорились о сотрудничестве в сборе разведывательной информации о Советском Союзе с позиций ОУН в Маньчжурии.

Такое сотрудничество активизировалось после выхода в 1927 г. меморандума премьера Танаки с рекомендациями относительно войны против СССР. В начале 30-х гг. разрабатывается план боевых действий Квантунской армии — «Оцу», предусматривавший широкое применение разведывательно-диверсионных средств. После создания Японией марионеточной державы Маньчжоу-Го (1931 г.) ОУН направила туда своих представителей Федорова и Мытника, создавших в 1933 г. в Харбине «Дальневосточную сечь», и установила взаимодействие с японской разведкой. Третий отдел японского «Бюро по делам российских эмигрантов» подбирал кандидатуры для обучения шпионско-диверсионному ремеслу. «Украинская националистическая громада» Харбина работала под контролем японского разведоргана («военной миссии»), направляла своих членов на разведывательно-диверсионные курсы с перспективой работы на советской территории.

Наконец, в европейские страны направили представителей Провода ОУН Н. Капустянского (Франция), И. Габрусевича (Италия), Мошинского (Испания), Кентжинского (Финляндия), искавших контакты со спецслужбами этих держав, а также Турции и Югославии.

2.5. Конспирация — мать порядка

Противостояние опытным правоохранительным органам Польши требовало от ОУН суровой конспирации, контрразведывательной защиты своих рядов.

Пункт 6-й морального кодекса националистов — «Декалога» — подчеркивал, что говорить о делах организации следует лишь с тем, с кем можно. Подпольщик, наставляла учебная литература подполья, должен быть молчаливым, хладнокровным, уметь составлять безукоризненное алиби.

Программные установки, атмосфера внутренней жизни организации обязывали к жесткой линии поведения подпольщика. «Декалог», ведущим составителем которого выступил Степан Ленкавский, призывал «ненавистью и коварством встречать врагов нации». Пункт 7-й гласил: «Не остановишься перед выполнением наибольшего преступления, если этого требуют интересы Дела». Красноречивое объяснение исторических обстоятельств возникновения этих постулатов дала со временем участница движения с 13 лет, связная командующего УПА Р. Шухевича Ирина Козак: «…Декалог создавали молодые люди…, они позднее признавали, что за некоторые пункты им неудобно, а один сказал прямо: «Мне стыдно». Декалог создавался тогда, когда украинский национализм только становился на ноги, а родился как наследие проигранной войны и утраченного государства. Этим можно многое объяснить».

Член ОУН выбирал себе псевдоним, который не должен быть созвучен с настоящим именем, напоминать черты внешности и характера, и изменялся в зависимости от места пребывания и опасности расконспирации. Руководитель любого уровня не мог знать псевдонимы подчиненных ниже, чем на две ступени. Предписывалось тщательно подбирать конспиративные квартиры и явки. После создания контрольно-разведывательной референтуры ОУН при ней организуют «разведывательно-конспиративный вышкил» — курсы для молодежного резерва «Юнацтво».

Пополнение рядов подполья сопровождалось тщательной проверкой неофита. Как вспоминал член ОУН с 1937 г., будущий руководитель разведки Службы безопасности Закордонных частей ОУН Степан Мудрык-«Мечник», кандидат в члены ОУН «проходил подготовку и проверку: не имеет ли вредных привычек и злых намерений, какие негативные черты ему присущи. За мной, кроме явной проверки, незаметно наблюдал кто-то, мне не известный…». Кандидату устраивались нестандартные ситуации (например, члены ОУН переодевались в полицейских и

задерживали для «доверительной беседы» испытуемого), призванные проверить его выдержку и преданность.

В этих условиях Василий Кук становится разработчиком «катехизиса конспиратора». В 1937 г. он выполняет особо важное задание — создает подпольную типографию Краевого провода ОУН в селе Угрынов на Тернополыцине. В ней печатаются листовки, пропагандистские и учебные материалы и подготовленная Василием Степановичем под псевдонимом «агроном-инженер Лука Лемишка» своеобразная энциклопедия конспиративной работы и внутренней безопасности подполья — брошюра под безобидным названием «Пахотные буряки» (1938 г.). Работа, экземпляр которой сохранился в фондах Центрального государственного архива высших органов власти Украины, подробно описывала методы оперативно-розыскной работы полиции и контрразведки, основы конспиративного поведения подпольщика, способы уклонения от наружного наблюдения и организации тайных встреч. Излагались приемы использования паролей, применения тайнописи, шифров, хранения нелегальных архивов, способы перехода границы и многое другое, полезное для борцов тайного фронта всех времен и народов.

…Уже после 1954 г., когда В. Кука и его супругу Ульяну сотрудники КГБ повели в киевский музей В. Ленина, восторг «старого» нелегала вызвал макет подземной типографии большевиков времен царизма в Закавказье. «Настоящая крыивка!» — воскликнул пленник (конспиративное убежище подполья ОУН, советское название «схрон». — *Авт.*). Даже находясь под усиленным наблюдением во внутренней тюрьме КГБ в Киеве, «инженер-агроном» старался применить конспиративные ухищрения: на прогулках определенное число раз хлопал шапкой, словно отряхиваясь, то по одной, то по другой ноге (показывая 64-й номер своей камеры для других заключенных), оставлял условные пометки в туалетной кабине, в книгах отчеркивал слова и просил передать жене.

При деягельном участии В. Кука в Подгаецком уезде Тернопольщины создается специальная школа для подготовки кадров профессиональных революционеров для других регионов Западной Украины.

2.6. «Гранатами — огонь!»

Кроме индивидуального террора, делаются попытки создания специальных нелегальных диверсионно-террористических подразделений. Мысль об этом возникла среди функционеров Краевой Екзекутивы ОУН. Ее участник Ярослав Гайвас (в будущем один из руководителей спецподразделений ОУН Андрея Мельника) организовал для действий в УССР разведывательно-

диверсионную «черную сотню», рассеянную советскими пограничниками при попытке прорыва. Будущие руководящие работники СБ ОУН Владимир Макар и Петр Башук весной 1937-го создали спецгруппу «Волки». Ее первыми акциями стали погромы польских помещичьих «маетков» в июле 1937-го и ликвидация агента полиции Я. Душко. Наконец, один из руководителей ОУН на Волыни Василий Сидор в 1937 г. создает под таким же названием конспиративную группу (25—37 боевиков, по разным данным). В сентябре 1939-го «Волки» разоружили ряд участков польской полиции.

Спецподразделения из участников ОУН сыграли свою роль в польско-немецкой войне 1939 г. (нельзя не подчеркнуть при этом, что тысячи этнических украинцев мужественно выполнили свой воинский долг в рядах Войска Польского, сражаясь с агрессором, развязавшим Вторую мировую войну). Следует отметить, что последние предвоенные месяцы были отмечены резким осложнением отношений между украинским населением и польской властью. С 15 сентября 1938-го по 15 марта 1939-го состоялось 397 демонстраций, 47 саботажных и 34 террористические акции. Власть предприняла серию ответных силовых акций. Еще летом 1939-го дефензива сообщала об интенсивном сборе разведкой ОУН в интересах Германии военной информации в юго-восточных районах Польши, фотографировании железнодорожных станций и других важных объектов. Накануне нападения Германии на Польшу диверсанты ОУН провели крупную диверсию на станции Подмонастырск возле Тернополя, чтобы усложнить переброску войск на запад.

С началом войны два куреня (батальона) националистов, сформированных немецкой военной разведкой (абвером), под командованием бывшего офицера Украинских сечевых стрельцов, тогдашнего руководителя разведки ОУН Романа Сушко и Иосифа Бойдуника, а также диверсионная группа бывшего сотника Карпатской Сечи Иосифа Карачевского в составе 14-й армии немецкой группы армий «Юг» развернули разведывательно-диверсионную деятельность и дошли до города Стрыя на Львовщине. Вооруженные формирования ОУН (свыше 7 тыс. бойцов) до 23 сентября 1939-го разоружили 3600 польских военнослужащих и полицейских, захватили танк, 8 самолетов, 7 орудий, почти 8 тыс. единиц стрелкового оружия.

«Лемиш» и здесь остается на переднем крае борьбы. С привлечением сторонников ОУН из числа унтер-офицеров польской армии организует ряд учебных курсов для подготовки младших командиров и «стрельцов», боевую сотню ОУН в Славятинских лесах. В подпольной типографии выходит

написанная им книжка по применению «карманной артиллерии» - «Гранатная подготовка».

Глава 3. Накануне Великой войны

3.1. С кем и против кого?

По приказу Краевой экзекутиви ОУН осенью 1939-го Василий Кук прибыл во Львов, где составил отчет о своей подпольной деятельности и был направлен в город Сянок (юго-восток Польши, украинская этнографическая земля Лемкивщина), который в то время находился уже под немецкой оккупацией, для организации разведывательно-подрывной работы против советской власти, взявшей под контроль земли Галичины и Волыни, а в 1940 г. — и Северной Буковины, влившиеся в состав Украинской ССР.

Рубеж 1939/1940 гг. стал переломным этапом для участников украинского националистического движения и персонально В. Кука, когда нужно было определяться, с какой из фракций расколовшейся ОУН им быть. Противоречия в среде движения назревали с первой половины 1930-х, когда Краевая экзекутива в Галичине под руководством Степана Бандеры сосредоточилась на радикальных методах борьбы и фактически вышла из-под контроля Е.Коновальца и его преемника Андрея Мельника. «Старейшин» националистического движения молодежь упрекала в демагогии вместо настоящей борьбы, соглашательстве с иностранными спецслужбами, отсутствии «революционного духа».

В сентябре 1939-го С. Бандера выходит из тюрьмы развалившейся Польши. Конфликт в ОУН приобретал все более острые формы. 6 — 7 апреля 1940 г. А. Мельник сообщил письмами С. Бандере и Я. Стецько: «Ставлю Вас перед Главным Революционным Трибуналом ОУН». Однако «диверсантов» (как именовали бандеровцев конкуренты) это не остановило. 10 июля 1940-го широкое совещание актива подполья Западной Украины высказалось в пользу передачи С. Банде ре руководства организационными делами ОУН и руля Революционного провода. В ответ 27 апреля 1940 г. Главный революционный трибунал ОУН вывел С. Бандеру из рядов организации.

Противостояние между фактически отдельными организациями националистов происходило в жесткой форме. «Только одно, кровожадное крыло слепых фанатиков, — разоблачал оппонентов-бандеровцев Зиновий Кныш, — стремилось к безоглядному братоубийству». Захваченные мельниковцами документы ОУН(Б) подтверждали, что Служба

безопасности (СБ) негласно следила за близким соратником А. Мельника, руководителем разведки его Провода, шефом мельниковского подполья на оккупированных Германией польских землях Р. Сушко «при помощи специальных ищеек-агентов».

Соответственно СБ бандеровцев подготовила «Записку о преодолении внутриорганизационного кризиса в ОУН». В ней, ссылаясь на документы СБ, лидеров ОУН(М) обвиняли в сотрудничестве с польской полицией и НКВД. Выдвигалась задача «проведения строгой изоляции опасных элементов», «безоглядной чистки от вредных элементов». 10 ноября 1940-го Революционный провод принимает «Постановления по делу о диверсии полковника А. Мельника». К июню 1941 г., по свидетельству бывшего адъютанта Р. Сушко И. Бисаги, в противоборстве двух ветвей ОУН погибло около 400 мельниковцев и до 200 бандеровцев.

По свидетельству арестованного НКВД 26 апреля 1941 г. заместителя Краковского центра ОУН (М) О. Кургузая, в ответ на террор бандеровцев мельниковцы собирались ликвидировать С. Бандеру, шефов Службы безопасности Николая Лебедя и разведки - Ивана Равлыка.

Вполне естественным выглядит вступление молодого, но уже закаленного подпольщика «Лемиша» в бандеровскую, или «революционную», фракцию в ОУН.

Налаживается подготовка разведывательно-диверсионных кадров из членов ОУН. Ее осуществляла основанная в конце 1939 г. спецшкола «Абверштелле-Краков» под руководством полковника Визера, имевшая отделения по подготовке сотрудников разведки, контрразведки и диверсантов.

В декабре 1939 г. по приказу Р. Сушко от ОУН (М) и Н. Лебедя от ОУН(Б) было отобрано 115 националистов для обучения в спецшколе в Закопане, расположенной на вилле «Тамара» под видом спортивных курсов. Учебным заведением руководил офицер гестапо Кригер (позднее печально прославившийся на посту руководителя тайной полиции Станислава), преподавали немецкие офицеры и инструкторы-оуновцы. Со временем на четырех отделениях школы (одно из них — для членов ОУН(М) училось по 100—300 курсантов. Отличники проходили дополнительную подготовку при полке специального назначения «Бранденбург-800» в Аленцзее (куда были приписаны и разведывательно-диверсионные батальоны «Роланд» и «Нахтигаль», укомплектованные участниками украинских националистических объединений). Первую половину дня курсанты изучали строевое и стрелковое дело, уставы

немецкой армии, во вторую — овладевали разведывательно-диверсионным ремеслом. Н. Лебедь преподавал шифры и методы тайнописи. Курсанты проходили практику, оперативно разрабатывая польское подполье.

В 1940 г. Визер создает «украинские учебные лагеря», где к маю 1941 г. пребывало до 700-800 бандеровцев и 120-150 мельниковцев. С началом войны часть выпускников поступила в распоряжение представителей спецоргана Абвер-2 майора Вайнца (Галичина) и капитана Вербейка (Волынь). В Кракове открываются курсы радистов и женские разведывательные курсы, в Аленцзее готовят диверсантов. Высший руководящий состав ОУН проходил подготовку на созданных генералом Лахузеном спецкурсах под Берлином — на них отучилось до 1000 функционеров.

В 1940-1941 гг. В. Кук принимал деятельное участие в работе Военного штаба ОУН(Б), прошел командирскую («старшинскую») подготовку в Кракове (1941) и сам преподавал основы партизанской борьбы на военных курсах для членов ОУН, созданных с санкции и при поддержке немецких спецслужб. Однако нельзя не отметить, что ОУН, по словам Василия Кука, тайно от немцев наставляла выпускников специальных учебных заведений: попав на территорию СССР, они должны связываться не с нацистами, а с местным подпольем, его референтурами СБ, создавать сеть радиосвязи на расстояние до 500 км в интересах движения сопротивления.

Апрель 1941 г. ознаменовался для «Лемиша» вхождением в высшее руководство ОУН(б). Тогда, на II Большом сборе (съезде) бандеровцев, где он выступает с речью, его вводят в состав Центрального провода ОУН(б) на должность организационного референта — по сути, человека номер два в иерархии национал-радикального движения.

3.2. «Первая оккупация»

Так называли в ОУН приход советской власти на земли Западной Украины в 1939—1941 гг. Воссоединение Восточной Галичины, Западной Волыни, Северной Буковины и Южной Бессарабии с другими этническими украинскими землями в составе Украинской ССР, состоявшееся в 1939—1940 гг., носило объективно-прогрессивный характер, заложило исторические предпосылки для соборности украинских земель. Складывались условия для индустриализации этого аграрно-сырьевого придатка Второй Речи Посполитой. Разворачивались социальные

программы (в частности, бесплатная система образования и здравоохранения), открывались украинские школы, высшие учебные заведения. Вместе с тем на ЗУЗ сразу же была перенесена уже отработанная в УССР и других республиках Союза модель тоталитарной политики и построения «мобилизационного социализма».

Осуществлялась тотальная национализация промышленности и финансовой сферы, ликвидировался плюрализм форм собственности, ускоренными темпами, игнорируя традиционный аграрный уклад, проводилась коллективизация сельских хозяйств. Секретное постановление правительства СССР № 34 от 6 января 1941 г. предусматривало принудительное переселение из региона на Восток 60 тыс. крестьянских семей.

Ликвидировалась многопартийность, общество «Просвита», другие национально-культурные организации, кооперативные, страховые, национально-спортивные организации.

Начинаются массовые незаконные репрессии. Если сначала они были направлены, прежде всего, против «социально враждебных элементов» из числа зажиточных слоев населения и участников национально-политических объединений (в сентябре-декабре 1939-го в суды передается 10,2 тыс. дел на лиц этих категорий), то постепенно они приобретают массовый, внесословный характер. К январю 1941 г.

население региона (в том числе за счет депортаций польского населения) уменьшилось на 400 тыс. человек. Лишь по обвинению в причастности к ОУН арестовали в 1940-м свыше 35 тыс. граждан (всего за этот год в регионе арестовали 48043 человека). В целом, по подсчетам историков, на Западе Украины было репрессировано в 3-4 раза больше граждан, чем за этот же период в немецкой зоне оккупации Польши, население которой было вдвое больше. Каждый десятый осужденный получил «высшую меру»…

Советизация Западной Украины, общественно-экономические и идеологические преобразования новой власти, которые осуществлялись командно-административными средствами с применением массовых репрессий, привели к возникновению широкого антисоветского националистического подполья, которое прилагало усилия для свержения вооруженным путем советского аппарата управления и возрождения Украинского государства.

Чтобы не быть голословным, приведем оценку чекистами поведения осужденных подпольщиков ОУН на «Процессе 59-ти» во Львове (январь 1941 г.): «Большинство осужденных как на предварительном, так и судебном следствии признавали себя

виновными и не раскаивались, а наоборот, заявляли в суде, что были и остаются непримиримыми врагами Советской власти и в дальнейшем, если представится возможность, при любых условиях будут вести борьбу против Советской власти».

3.3. «Дайте нам организацию революционеров…»

Стратегической целью движения сопротивления выступала подготовка вооруженного восстания с целью свержения советской власти и восстановления Украинского государства. По сей день дискуссионным остается вопрос об ориентировочной дате начала открытого выступления. В свидетельствах арестованных НКВД функционеров подполья и в литературе приводятся разные сроки: середина мая, конец лета или осень 1940 г., преддверие или начало войны между Германией и СССР. О направленности планов подполья свидетельствует тот факт, что уже в декабре 1939-го НКВД разоблачил подготовку вооруженного восстания в регионе. Для его срыва провели первую оперативно-боевую операцию, арестовав свыше 900 лиц по подозрению в причастности к ОУН.

На период подготовки масштабного вооруженного выступления главными задачами становились развитие нелегальной сети подполья, создание позиций ОУН в официальных учреждениях, развертывание антисоветской пропаганды, разведывательная работа и контрразведывательная защита ячеек движения сопротивления, диверсионно-террористическая деятельность, создание боевых повстанческих отрядов.

Главным координационным органом подпольной борьбы стал Краковский центр (Провод) Революционной ОУН (одно из самоназваний ОУН С. Бандеры). Военным референтом центра стал Роман Шухевич, будущий лидер ОУН и УПА, а также будущий основной конкурент Василия Кука по иерархии подполья Западной Украины.

10 марта 1940 г. штаб выделяет из своего состава Повстанческий штаб во главе с Дмитрием Грицаем («Перебейносом») для руководства подготовкой вооруженного выступления. Разведку штаба на первых порах возглавил Николай Лебедь («Черт»). Предполагалось создание филиалов штаба по Галичине и Волыни, сбор информации о реальных возможностях подполья на ЗУЗ, настроениях населения, советских оперативно-войсковых силах, польских и еврейских организациях в регионе.

Для развития подпольной сети Краковский центр перебросил

через границу до 60 опытных организаторов, в том числе разведывательной деятельности. Между Краковским центром и немецкой тайной полицией (гестапо) в лице ее представителя Янды достигается договоренность о беспрепятственном переходе эмиссаров из Генерал-губернаторства в Западную Украину. Первая группа во главе с Владимиром Тымчием направилась на ЗУЗ в конце февраля, вторая (40 эмиссаров) в начале марта пошла на Волынь, третья, 12 марта, во Львов (при переходе границы В. Тымчий был окружен пограничниками и подорвался гранатой вместе с юной связной Зеней Левицкой). 24 марта на конспиративной квартире по львовской улице Бема, 20, на нелегальном совещании создается Краевой повстанческий штаб во главе с Владимиром Грынивым (после его ареста — Дмитрием Мироном).

Для повышения профессионального уровня разведки С. Бандера направил своего личного представителя Николая Думанского. До конца 1939 г. создается Краевая экзекутива (КЭ) ОУН во Львове — центр подполья региона, которую возглавил Д.Мирон («Орлик»).

Краевому органу подчинялись окружные экзекутивы (позднее территориальные органы подполья именовались проводами) во Львове, Станиславе, Дрогобыче, Тернополе, Луцке (существуют упоминания и об окружных органах ОУН в Стрые и Коломые). Окружные проводы объединяли по 3 — 5 надрайонных, надрайонные — по 3 — 5 районных проводов, которые, в свою очередь, делились на подрайонные. В состав проводов окружного — районного уровня входили проводник, начальник повстанческого штаба, инструктор военного обучения, референты — разведки, безопасности, связи, пропаганды, по работе с молодежью.

Подрайонные звенья включали по 4 — 5 «станичных» организаций (в населенных пунктах). На организации этого уровня возлагались, в частности, задачи поддержания мобилизационной готовности 40-70 участников будущего восстания, добыча оружия, организация воинской подготовки и сбор разведывательной информации. Низшим звеном были «звенья» по 3 — 5 подпольщиков. В каждом населенном пункте предполагалось иметь разведчика. При подполье существовал молодежный резерв («Юнацтво») и отдельная женская «сетка». Как свидетельствовали захваченные НКВД УССР документы заместителя шефа референтуры связи КЭ Марты Грицай, к сентябрю 1940 г. движение сопротивления в регионе насчитывало около 5,5 тыс. активных членов, до 14 тыс. «симпатиков». В 1939 — июне 1941 гг. советская сторона захватила во время

антиповстанческих операций 7 пушек, 200 пулеметов, 18 тыс. винтовок, 7 тыс. гранат.

Только в 1940 г. состоялось 95 боевых столкновений между пограничниками НКВД и боевыми группами ОУН (убито 82, ранено 41, захвачено 387 повстанцев, однако 111 сумело прорваться в УССР, а 417 — за границу). Лишь с 1 января по 15 февраля 1941 г. в Западной Украине было ликвидировано 38 групп ОУН (273 участника), задержано 747 нелегалов, убито 82 и ранено 35 подпольщиков (при этом погибли 13 и получили ранения 30 оперработников госбезопасности). Активизация террористических и боевых выступлений наблюдалась и в первой половине 1941 г.. Если в январе — феврале зафиксировали 17 терактов, то в апреле подполье провело 38 террористических актов против представителей власти, военнослужащих, актива, в мае — 58 (убито 57 и ранено 27 человек).

Националистическое подполье в Западной Украине существовало в постоянном противоборстве с советскими силовыми структурами. В марте — апреле 1940 г. УНКВД по Львовской области, реализуя данные оперативно-следственных мероприятий, арестовало 165 подпольщиков — весь руководящий состав КЭ, окружного и ряда низших проводов. Новый руководящий состав КЭ и ряд других функционеров (107 человек) «взяли» в сентябре. Очередной состав верхушки подполья удалось нейтрализовать через агентуру в среде нелегалов в декабре, когда в ходе оперативных мероприятий задержали до 1000 участников подполья. Проходят аресты и в периферийных проводах. Так, в сентябре арестовывают 85 оуновцев в Ровенской области, 97 — в Станиславской, в апреле — мае 1941 г. в Волынской области — 214 членов ОУН. Директивами НКГБ СССР от 31 мая и 21 июня 1941 г. были запланированы новые масштабные операции по аресту и депортации «националистических элементов», взятию под контроль руководящих звеньев ОУН через внедренную туда агентуру.

3.4. Координатор разведывательной работы

Член Центрального провода ОУН(б) Василий Кук-«Лемиш» также принял деятельное участие в работе Повстанческого штаба. Он организует нелегальные переходы через границу курьерских групп, получает разведывательные отчеты подпольщиков, обобщая информацию о положении в «подсоветской» Украине, занимается технической подготовкой кадров ОУН для дальнейшей работы в различных регионах УССР. Следует

отметить, что разведывательная работа была налажена с большим размахом и эффективностью, да и кадры В. Кук готовил соответствующие. Как отмечалось в ориентировке 3-го Управления (военная контрразведка) Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР от 31 мая 1941-го, «оуновцы-нелегалы представляют собой хорошо обученные относительно нелегальной техники, закаленные и весьма агрессивные кадры. Как правило, при арестах… оказывают вооруженное сопротивление, стараются покончить самоубийством. Оуновцы, подозреваемые в сотрудничестве с Советской властью, физически уничтожаются».

Референтура разведки КЭ состояла из специализированных подразделений. Отдел политической разведки изучал административные, партийные и комсомольские органы, другие легитимные учреждения, настроения населения, выявлял активистов советского строительства среди местных жителей. Отдел военной разведки собирал сведения о Красной Армии и правоохранительных органах. Приоритетной считалась информация о дислокации и боевых возможностях бронетанковых, артиллерийских, авиационных частей, аэродромах, средствах ПВО, состоянии вооружения, железных дорог и средств связи, мобилизационной системе. Брались на учет сотрудники органов НКВД, изучались их личные качества, состав семей, составлялись планы помещений правоохранительных органов, перечни номеров служебных автомобилей.

Изучалась среда мельниковского и польского подполья. Отметим, что польское вооруженное подполье ставило целью борьбу не только с советской стороной, но и удержание под польским правлением, в случае победы, западноукраинских земель.

22 сентября 1939 г. генерал М. Янушайтис основал на ЗУЗ нелегальную Польскую организацию борьбы за волю. Командир Корпуса пограничной охраны генерал В. Орлик-Рюкеман поручил начальнику разведки Корпуса майору Б. Студзинскому развернуть подпольную сеть «Защитники Польши». Основной же структурой тайной борьбы за польскую государственность становится с 13 ноября 1939 г. Союз вооруженной борьбы (СЗБ). Непосредственно на ЗУЗ действовали четыре территориальных округа, составлявшие Регион № 3 СЗБ. В составе СЗБ был 2-й, разведывательный отдел, подполье имело достаточно квалифицированных офицеров армии и спецслужб довоенной Польши. Существовал и ряд других подпольных организаций националистической направленности — Кресовые батальоны,

Армия Великой Польши, Революционный союз независимости.

Сбор информации с акцентом на советский военный потенциал в регионе активизировался по указанию абвера в 1940 г. О характере и содержательности приобретенных ОУН разведывательных данных свидетельствуют изъятые при переходе границы в октябре того же года у группы эмиссаров Данилкива схемы и планы Львова, Дрогобыча, Самбора и других городов с обозначением дислокации военных частей, аэродромов, железнодорожных узлов, шоссе, нефтехранилищ.

Директивы Провода ОУН(б) требовали энергично продвигать разведчиков на работу в официальные учреждения, в том числе на руководящие должности для сбора информации, получения бланков документов, содействия подполью. Особая роль в разведывательно-информационной работе отводилась «Юнацтву». Ячейки молодежного резерва действовали во всех школах Львова, в одной из школ Коломыи половина учеников состояла в «юнаках». Их учили методам сбора информации, конспирации, они же составляли большинство персонала конспиративных линий связи.

Разведывательная работа опиралась на разветвленную сеть информаторов. Как правило, разведывательные референтуры территориальных проводов имели на связи 5 — 20 резидентов из наиболее подготовленных подпольщиков. Резиденты занимались вербовкой информаторов, обобщали информацию и передавали ее конспиративными линиями связи по вертикали. Как сообщил арестованный НКВД в марте 1940 г. Н. Матвийчук, собранная в регионе информация обобщалась и передавалась Краковскому центру, дальше — немецким спецслужбам.

В докладной записке наркома внутренних дел УССР Ивана Серова к руководителю НКВД СССР Л.Берия (2 октября 1940 г.) отмечалось, что ОУН прилагает усилия к разведке на Востоке Украины и в Киеве. Д. Мирон, отмечалось в документе, использует для создания позиций ОУН в столице республики сына известного писателя Юрия Стефаника и ученика академика Агатангела Крымского Емельяна Прицака (в будущем — всемирно известного ученого-востоковеда, зарубежного члена Национальной академии наук Украины). Разведчики ОУН были обезврежены даже в Винницкой, Житомирской, Киевской областях!

Разведывательная деятельность националистического подполья координировалась с процессом подготовки Германии к войне с СССР. III рейх рассматривался как ведущий союзник, чьи успехи создадут предпосылки для построения Украинской державы. В июле 1940 г. С. Бандера передает подполью

инструкцию (изъятую у его курьера Е. Стибайло) о сборе развединформации в Украине и Литве о советских вооруженных силах, железнодорожном, автомобильном транспорте для передачи их абверу в обмен на финансовую и военно-техническую поддержку. Как заявил один из руководителей германской разведки Э. Штольце, в апреле 1941 г. С. Бандера получил 2,5 млн. рейхсмарок на разведывательно-подрывную работу против СССР. Достигнута была и договоренность об использовании разведывательной сети ОУН в интересах немецкого верховного командования.

Абвер же разработал для подполья ОУН специальный перечень вопросов и инструкции по изучению различных родов войск, транспортной системы, добыче топографических карт. По словам арестованного 29 марта 1940 г. во Львове руководителя мобилизационного отдела Повстанческого штаба Ярослава Гербового, перед переходом границы он получил от немецких офицеров список советских аэродромов, расположение которых необходимо было уточнить.

3.5. Перед походом на Восток

Ближайшие политические задачи ОУН четко сформулировал Манифест Провода ОУН(б) от декабря 1940 г.: «Только через полный развал московской империи и путем Украинской Национальной Революции и вооруженных восстаний всех угнетенных народов добудем Украинскую Державу и освободим подневольные Москве народы».

Весной 1941 г. Василий Кук организовал и возглавил Центральный штаб Походных групп членов ОУН(б) для продвижения их в восточные области Украины. Эти формирования должны были, продвигаясь вместе с немецкими войсками, вести пропаганду возрождения украинской державы, демонтировать советскую и создавать подконтрольную ОУН администрацию. Для оперативного обеспечения в их состав вошли и сотрудники Службы безопасности.

Было организовано три такие группы: Северная - руководитель Николай Клымишин, Средняя — Николай Лемик, Южная — Зиновий Матла. В Походные группы вошло возле пяти тысяч человек. Подобные группы создали и мельниковцы.

Незадолго до начала войны «Лемиш» вошел во Львовскую группу из 20 руководящих функционеров ОУН(б) во главе с Ярославом Стецько, задачей которой было как можно быстрее добраться до исторического центра Галичины и организовать

провозглашение Украинского государства. В ней В. Кук отвечал за организационно-технические вопросы, связи с местными звеньями ОУН и переброску группы во Львов.

Глава 4. В борьбе с нацизмом

4.1. В нацистских застенках

Еще основоположник теории «интегрального национализма» Дмитрий Донцов писал, что восстановление независимости Украины возможно лишь «под сенью немецкого похода на Восток», и в тех условиях это имело геополитический резон. Разумеется, без помощи и союзнических отношений с рейхом о переносе националистической работы на территорию Украины помышлять не приходилось. Зимой 1940/1941-го в специальном полку абвера «Бранденбург-800» создаются украинские легионы «Нахтигаль» («Соловей») и «Роланд», которые в ОУН именовались «Дружинами украинских националистов». Командовал «Нахтигалем», укомплектованном преимущественно бандеровцами, Теодор Оберлендер, а одним из его заместителей являлся Роман Шухевич («Тур»). Провод ОУН(б) в меморандуме от 15 июня 1941-го выразил надежду, что немцы не станут применять насилие против украинцев, содействуют восстановлению национальной государственности в рамках «нового порядка» в Европе, воспримут националистов как равноправных партнеров.

Агрессия нацистской Германии и ее союзников против Советского Союза, стремительное продвижение группы армий «Юг» дали возможность ОУН(б) распространить свою деятельность в Украине. В соответствии с предвоенными установками Провода ОУН(б) вооруженные группы националистов развернули активную боевую и диверсионно-террористическую деятельность против советских войск: засады и обстрелы колонн, отдельных подразделений РККА, уничтожение десантов, теракты против командного состава. Особое внимание уделялось срыву мобилизации (что имело успех в шокированной репрессиями и советизацией Западной Украине), подрывной пропаганде с целью склонить красноармейцев к сдаче и дезертирству.

Боевые и подрывные акции подполья ОУН были зафиксированы по всей территории региона. На Тернопольщине, в частности, боевые группы ОУН 3 июля 1941 г. самостоятельно захватили райцентр Козову. Одновременно были отбиты тюрьмы НКВД во Львове, Кременце, Бережанах, Золочеве и других городах, на свободу вышли заключенные, уцелевшие от истребления («разгрузки») при отступлении (списки жертв этой

кровавой вакханалии опубликованы Службой безопасности Украины в конце 1990-х годов).

Как важные объекты рассматривались территориальные органы НКВД—НКГБ с их оперативными архивами. Известно, например, о захвате СБ ОУН архивных материалов УНКВД в Луцке и Львовской тюрьме по ул. Замарстыновской. В Луцке трофеями эсбистов стали личные дела агентов, директивные документы о борьбе с националистическим подпольем, сообщения зарубежных источников НКВД (!) о противоречиях между течениями-конкурентами в ОУН.

Реализуя экстремальные установки на первый период войны, СБ приступила к ликвидации политических противников и лиц, обвиняемых в сотрудничестве с советскими правоохранительными органами. Как сообщала немецкая полиция безопасности, под г. Добромыль (Львовская область) уничтожили 82 бывших информаторов НКВД. На Станиславщине создавались «тайные суды», заочно осудившие до 450 человек, обвиняемых в нелояльности к ОУН(б).

Нельзя не вспомнить отдельные акты уничтожения национальных меньшинств. Так, в мае 1944-го под с. Косув Тернопольской области нашли ямы с трупами 80 человек, включая женщин и детей. По опросам населения и документам установили, что это евреи, уничтоженные боевиками ОУН 7—8 июля 1941-го. И дело тут было не только в ксенофобии некоторых лидеров ОУН (как писал рейхсминистру А. Розенбергу заместитель С. Бандеры Ярослав Стецько, «настаиваю на уничтожении жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстерминации жидовства»). Юдофобия, имевшая под собою, прежде всего экономико-конкурентную основу, веками укоренялась в массовом сознании населения региона, межвоенную Польшу потрясали погромы помощнее кровавых эксцессов времен «черты оседлости».

30 июня 1941 г. во Львов среди немецких частей вступил «Нахтигаль». В советской историографии утвердилась версия о непосредственном участии «легионеров» в уничтожении 64 львовских деятелей науки и культуры польской и еврейской национальностей, однако тщательные поиски профессором Сорбонны Владимиром Косыком не выявили документальных подтверждений причастности украинских националистов к этой резне. Свидетели, дававшие показания Международному трибуналу в Нюрнберге, также утверждают — интеллигенцию уничтожали именно немцы, «отряд гестаповцев». Однако данный трагический эпизод по-прежнему остается предметом пропагандистских спекуляций.

Местные ячейки ОУН(Б) явочным порядком брали под контроль населенные пункты, старались поддерживать общественный порядок. Так, в приказе № 1 Бродовского районного провода (Львовщина) говорилось: «власть в крае взяла Организация украинских националистов … под руководством Степана Бандеры». Все жители обязаны поддерживать порядок и спокойствие, вернуться на прежние места работы, не допускать грабежей государственной и частной собственности, сдать оружие. В случае неподчинения виновным угрожал «Революционный трибунал».

Стремясь к созданию собственной административной системы, националисты старались развернуть собственные органы правопорядка и безопасности. Появляется обращение Краевого проводника западно-украинских земель Ивана Клымива («лейтенанта Легенды»), «Главного вождя Украинской революционной армии», где говорилось о необходимости создания «Украинской Жандармерии», органов «государственной безопасности», отрядов национальной самообороны «Сечевые Стрельцы» для охраны военных объектов, борьбы с диверсантами и парашютистами противника. Вводились чрезвычайное положение, революционные трибуналы с неограниченными репрессивными полномочиями, декларировалась коллективная ответственность по семейному или национальному принципу.

Под руководством одного из руководителей СБ ОУН Ивана Равлыка (погиб в немецкой тюрьме в 1942-м) создаются органы Украинской милиции (в райцентрах — «бюро народной милиции»). Документы немецкой полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве (куда вошли с 1 августа 1941-го земли Галичины) от августа — сентября сообщают о создании националистами во многих населенных пунктах «Украинской службы безопасности», тайных курсов украинской милиции, внедрении ими информаторов в учреждения оккупационной власти, развертывании разведывательной сети среди населения.

Ситуация во взаимоотношениях с нацистскими оккупантами радикально изменилась после созыва ОУН(б) 30 июня 1941 г. во Львове «Законодательного собрания западноукраинских земель» и Акта провозглашения независимости Украинской державы. Ее правительство («Украинское государственное правление») возглавил Я. Стецько. Хотя Стецько неоднократно заявлял о намерении «тесно взаимодействовать с национал-социалистической Великой Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера творит новый строй в Европе и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации», острая негативная реакция рейха не заставила себя

ждать. Интересно, что ответственный за «восточные территории» Альфред Розенберг выдвигал проект «Великой Украины» с Кубанью включительно, рассчитывая на 4 млн. «штыков»-украинцев, однако поддержки у расово озабоченного фюрера не встретил.

Восстановление суверенитета Украины не входило в планы античеловеческого нацистского режима. В ответ на Акт 30 июня и последующие мероприятия ОУН(б) 4 июля немцы арестовали С. Бандеру. 15 сентября проводятся массовые аресты членов ОУН(б) в Украине и на территории III рейха (около 1500 человек к октябрю). В начале сентября абвер по указанию своего шефа В. Канариса разрывает официальные отношения с бандеровцами, а 16 сентября арестовали координатора их сотрудничества Рико Ярого (назначенного представителем Украины в Японии). Директива полиции безопасности от 25 ноября 1941 г. предписывала уничтожать бандеровцев «под видом грабителей». До начала 1942-го казнили 15 и бросили в концлагеря 300 функционеров ОУН. В 1942-м репрессии обрушились и на мельниковцев, которые предпочитали действовать легально и вести национал-патриотическую культурно-просветительскую работу. В 1942—1943 гг. продолжались гонения на оба течения ОУН как в Украине, так и в городах Германии, Австрии, Польши, Чехословакии. По некоторым оценкам диаспорных историков, жертвами нацистов стали 4756 членов ОУН, включая 197 руководящих работников.

Справедливости ради отметим своеобразный режим содержания лидеров ОУН в немецкой неволе. Летом 1944 г. чекисты перехватили письмо С. Бандеры своей сестре Владимире. Там сообщалось, что члены Провода ОУН живут в трехэтажном доме, в его распоряжении автомобиль, библиотека, радио, загородная вилла (два брата лидера ОУН не вышли из немецких концлагерей — по одной версии были казнены, по другой — умерщвлены узниками-поляками из мести). В апреле 1944-го закордонные источники НКГБ сообщили об освобождении С. Бандеры и группы его соратников, что подтвердила ориентировка 4-го Управления НКГБ СССР от 17 июня того же года. Отмечалось, что этот шаг продиктован стремлением привлечь силы украинских повстанцев к разведывательно-диверсионной работе против Красной Армии.

Руководство подпольем ОУН в Украине принял Николай Лебедь. Бандера же больше в Украину не возвращался и стал скорее символом радикального крыла национально-освободительной борьбы. Не прибыл он для руководства подпольем и в послевоенные годы, поясняя тем, что отправляться

в «воюющую Украину» ему «не советуют английские друзья».

Инструкции немецких спецслужб объявляли националистов «нежелательными политическими агентами» и предписывали арестовывать в случае проведения ими открытой работы. Украинская полиция не должна была превышать 1 % населения и иметь только легкое оружие. К преследованиям оуновцев подключились также спецслужбы Румынии и Венгрии.

4.2. Коллаборационизм — проблема всемирная

Хотелось бы сразу оговориться, что имевшее место сотрудничество ОУН и УПА с немцами в 1939-1941-м и в 1944-1945-м годах не было проявлением некоего «исключительного коллаборационизма» норовящих пырнуть ножом в спину «хохлов» (как это, бывает, подается в отдельных публикациях).

В работах известных исследователей проблем партизанской борьбы — сотрудников КГБ СССР — приводятся такие социологические выкладки: в случае оккупации до 10% населения способны стать коллаборантами, в том числе 3% — активными, вооруженными пособниками противника; 70% обывателей займут пассивную, выжидательную позицию.

Чтобы подчеркнуть всю сложность проблемы коллаборационизма времен Второй мировой, приобретшего поистине всемирный масштаб, приведем такие цифры. Из 3,7 млн. военнопленных, взятых на Восточном фронте советскими войсками, 464147 были представителями народов Западной Европы, то есть стран, *оккупированных* третьим рейхом! Возникает вопрос: что подвигло их воевать со страной, перемоловшей 507 из 607 дивизий гитлеровской коалиции? Не случайно Гитлер 30 июня 1941 г. заявил о «европейском единстве в результате совместной войны с Россией». Упомянутые европейцы, подчеркнем, сражались в *добровольческих* национальных формированиях, как правило, принадлежавших к элитным полевым войскам (ваффен) СС.

Среди 37 ваффен-гренадерских дивизий СС, принявших участие в боях, было десять европейских добровольческих (еще одна не воевала). В их числе западноевропейцы образовали дивизии «Шарлемань» (французская), «Нордланд» (скандинавская), «Лангемарк» (бельгийско-фламандская), «Нидерланды», «Данемарк» (датская), а также бельгийская бригада «Валлония» (разбитая, кстати, в Корсунь-Шевченковском котле на Черкасщине). Мусульмане Боснии образовали дивизию

СС «Хандшар» (специальный кинжал для отрезания голов).

Наивно полагать, что французов и бельгийцев вдохновляла борьба с большевизмом как политическим строем и идеологией. Еще 20 июня 1941-го будущий министр восточных территорий Альфред Розенберг в директивной речи сказал о простаках, верящих в «освобождение бедных русских», тогда как целью войны является «проведение германской мировой политики». Как писал в 1953 г. немецкий профессор К. Пфеффер, «большинство добровольцев из стран Западной Европы шли на Восточный фронт только потому, что усматривали в этом общую задачу для всего Запада». Кроме того, в Германии трудилось до 10 млн. квалифицированных рабочих из стран Западной Европы.

Маленькая Латвия дала 150 тыс. добровольцев в две латышские дивизии СС (треть из них погибло), «свою» дивизию СС образовали эстонцы, около 14 тыс. галичан вошло в 14-ю дивизию СС «Галичина». Их отобрали из 82 тыс. добровольцев, хотя все командные должности от батальонного звена включительно занимали немцы. В 1944 г. «Галичина» погибла в Бродовском котле на Львовщине — из 11 тыс. ее бойцов прорвалось из окружения три. Попутно отметим, что набор добровольцев в «Галичину» объявила ОУН А. Мельника, и дивизия никакого отношения к Украинской повстанческой армии под политическим руководством ОУН С. Бандеры не имела. Известны также батальоны «Роланд» и «Нахтигаль» из украинцев, входившие в состав полка спецназначения «Бранденбург-800» (были распущены с началом репрессий нацистов против сторонников ОУН-Б после провозглашения ими независимости Украины во Львове 30 июня 1941 г.), Буковинский курень, печально «отличившийся» при расстрелах мирных граждан в Киеве.

Всего же за годы войны немцы сформировали из выходцев из различных регионов Украины до 80 батальонов вспомогательной полиции (шуцманшафта) численностью около 50 тыс. человек (в 1943-м по команде Провода ОУН(Б) 5 тыс. украинских шуцманов перешло с оружием к украинским повстанцам).

По данным сотрудников Национального музея Великой Отечественной войны (Киев), полицаи принимали участие в уничтожении примерно 300 украинских сел, они же привлекались к карательным операциям в Белоруссии, а 200 бойцов 31-го украинского батальона шуцманшафта перебросили для подавления Варшавского восстания августа 1944 г. (этот батальон возник на основе Украинского самооборонного легиона ОУН А. Мельника).

Со спецслужбами агрессора взаимодействовали в области

разведывательно-диверсионной работы Национальные комитеты азербайджанцев, армян, калмыков, туркмен, этнические россияне и крымские татары, другие народы СССР; в составе разведывательно-диверсионных формирований вермахта действовали спецподразделения «Бергман» («Горец», из народов Кавказа), «Тамара-2» (грузинское), «Межа Кати» («Дикая кошка», из латышей), «Эрна» (эстонское) и другие.

Из советской литературы в некоторые современные издания и пропагандистские документы перекочевало утверждение об «осуждении ОУН-УПА Нюренбергским трибуналом». Обратимся же к первоисточнику — «Приговору Международного военного трибунала» по отношению к преступным организациям, структурам нацистской Германии и главным военным преступникам (Нюренбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. — М.: Госюриздат, 1961. — Т.VII. — С. 307—515). В этом итоговом документе нет и упоминания об украинском националистическом движении и его вооруженных формированиях! Ничего не говорится о них и в выступлении государственного обвинителя от СССР Л. Смирнова, в «особом мнении» члена Международного трибунала от СССР генерал-майора юстиции И. Никитченко (там же, с. 516—541).

Действительно, в приобщенных к материалам процесса протоколах допросов руководителей абвера Эрвина Штольце, Эрвина Лахузена неоднократно говорится о сотрудничестве с лидерами ОУН А. Мельником и С. Бандерой в интересах разведывательно-подрывной деятельности против СССР, как, впрочем, и с представителями грузин, прибалтийских народов. Кстати, не подтверждают материалы процесса и участия украинских националистов в кровавой расправе над 70 видными учеными и деятелями культуры польской и еврейской национальности во Львове летом 1941 г. В использованном Л. Смирновым сообщении Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» свидетельские показания чудом уцелевших очевидцев четко говорят — интеллектуалов арестовывали и уничтожали «отряд гестаповцев» или «эсэсовцы» (там же, т. III, с. 243—245).

Память о свирепом терроре «расказачивания», инициированного в 1919-м Я.Свердловым и Л.Троцким, раскулачивание и голодомор 1932—1933-го стали «генетическими» причинами сотрудничества с врагом казаков Дона и Северного Кавказа. К апрелю 1943-го в составе вермахта действовало до 20 конных казачьих полков (по 400-1000 сабель в каждом). 21 апреля создается 1-я казачья кавалерийская дивизия

в составе 1-й Донской и 2-й Кавказской казачьих кавалерийских бригад (около 19 тыс. бойцов), преобразованная 25 февраля 1945 г. в 15-й казачий кавалерийский корпус СС (две дивизии, 25 тыс. человек, из них до 5 тыс. немцев). Как известно, союзники выдали казаков советской стороне, что вызвало волну самоубийств среди «казаков СС».

Зародившаяся в районе Орла и Брянска на основе антибольшевистского партизанского отряда (действовал со времен коллективизации!) Русская освободительная народная армия (РОНА) стала основой 29-й русской дивизии СС. Дело в том, что в районе поселка Локоть Орловской области украинец Константин Воскобойник (убитый партизанами 8 января 1942-го) и полунемец-полуполяк Бронислав Каминский создали своеобразную республику. Лояльная к немцам «Локотская республика» имела свою администрацию, милицию, несколько заводов и оружейные мастерские, банк, 249 мельниц и 345 школ, защищала имущество от советских партизан. Советские законы отменили, издав приказ «О восстановлении справедливости в отношении раскулаченных»! Стоит ли удивляться, что к весне 1943-го РОНА имела 20 тыс. штыков, а после отступления с немцами воевала с партизанами в Белоруссии. Русская штурмовая бригада (2 тыс. человек) так лютовала во время подавления Варшавского восстания 1944 г, что ее командир Б.Каминский был осужден военно-полевым судом СС за насилие над мирным населением и расстрелян. Кстати, распространенная версия об участии в подавлении этого восстания дивизии «Галичина» лишена оснований, однако ее подразделения применялись для антипартизанских мероприятий в Югославии и Словакии.

Массовым явлением стали так называемые «хивис» («готовые помочь») — вспомогательный персонал немецких соединений на Восточном фронте из числа советских граждан. К ноябрю 1941-го на советско-германском фронте вышло из строя 740 тыс. солдат вермахта, и весь состав полевых запасных батальонов (320 тыс.) не мог компенсировать потери. Тогда командование узаконило практику набора добровольцев и военнопленных «хивис», число которых доходило до 15% общей численности пехотных дивизий. Нередко, вопреки категорическому запрету А. Гитлера, «хивис» вооружали. Среди полумиллионного личного состава артиллерии мощной ПВО Германии были тысячи «добровольных помощников люфтваффе» из народов СССР, включая русских, прибалтов и украинцев (подносчики снарядов, прожектористы и т.п., носившие повязки с национальной символикой).

Сотрудничали с немцами и их союзниками представители десятков народов мира, причем как колониально зависимых

территорий, так и их европейских владельцев. Национал-патриотические и антиколониальные силы Азии рассматривали такие конъюнктурные связи как орудие борьбы с метрополиями. Достаточно вспомнить попытку пронемецких арабских националистов совершить антибританский переворот в Багдаде (январь 1941-го) сотрудничество со спецслужбами III рейха национал-патриотических организаций Индии и Афганистана, националистов английской Бирмы и Французского Индокитая с японцами, создание при помощи милитаристской Японии вооруженных формирований в голландской Индонезии…

Характерными были отношения спецслужб Германии, Италии и Японии с националистическими силами Афганистана, Индии, народов Центральной и Средней Азии, Туркестана. В частности, спецслужбы Германии породили план «Аманулла», предусматривавший поход немецких войск в Афганистан и Индию с опорой на мощное антибританское восстание племен (план оккупации Афганистана уже лежал в сейфах германского Верховного командования, да вот 30 лишних дивизий изыскать было сложно — вермахт смертельно увяз на Восточном фронте). С декабря 1941-го немецкая разведка развернула подготовку диверсионных отрядов из пуштунских племен на кордонах с Британской Индией. В июне 1942 г. итальянская миссия в Кабуле достигла договоренности с лидером пуштунских повстанцев «Факиром из Иппи» (опиравшегося на до 40-тысячное воинство) о совместных действиях против Англии. В самой Германии копила силы националистическая организация «Свободная Индия» во главе с Чандрой Боссом, в Индии существовал ее филиал — «Организация Мацотты». Из военнопленных-индусов сформировали «Индийский легион» (3 тыс. бойцов), в спецшколе во Франкфурте-на-Майне обучили диверсионному ремеслу сотню индусов. Разведки держав-агрессоров наладили сотрудничество с лидерами узбекских, таджикских, туркменских националистических центров для организации похода 40-тысячной армии воинов ислама прямо на советскую Бухару.

Даже радикальная «Хагана», прекрасно зная о политике Германии в «еврейском вопросе», устанавливала контакты со спецслужбами рейха в интересах изгнания из Палестины английских колонизаторов.

Нелепо и считать сотрудничество с оккупантами делом лишь отдельных членов ОУН или жителей Западной Украины. Достаточно сказать, что, по данным исследователей Национального музея истории Великой Отечественной войны в Киеве, полицаи — выходцы из Надднепрянской и Восточной Украины приложили руку к уничтожению около 300 украинских

сел. И не только украинских.

Долгие годы советские люди были уверены, что зверское уничтожение белорусской деревни Хатыни вместе с ее жителями — дело рук непосредственно немцев. Однако дело обстояло несколько иначе. Варварский акт совершил 118-й полицейский батальон СС, укомплектованный выходцами из Украины. Среди них — уроженец Черкасшины, 27-летний Григорий Васюра, лейтенант РККА (служил начальником связи укрепрайона 67-й стрелковой дивизии), имевший незаконченное высшее образование и все задатки палача-садиста. Он быстро сделал карьеру и подвизался начальником штаба карательного батальона (в 1941-м это подразделение принимало активное участие в уничтожении представителей разных народов СССР в Бабьем Яру).

В тот страшный день 11 марта 1943 г. подростки-партизаны (именно — подростки, шла народная война) подстрелили из засады «шефа роты» 118-го батальона, любимца фюрера, чемпиона в толкании ядра Берлинской Олимпиады 1936 г., гауптмана Ханса Вельке. В отместку каратели и устроили известную кровавую вакханалию, уничтожив 360 жителей Хатыни. Васюре присвоили звание лейтенанта, наградили двумя медалями. Кровавый путь его пролег через село Осовы, где сожгли 78 родственников партизан, контрпартизанскую операцию «Коттбус», расстрелы жителей ряда сел и 50 евреев. Всего же в Белоруссии каратели уничтожили свыше 200 деревень и 120 тыс. мирных обывателей.

Затем Григорий служил в войсках СС во Франции, а в фильтрационном лагере выдал себя за участника французского Сопротивления, благополучно вернулся на родную Черкасщину. Однако в 1952 г. трибунал КВО осудил его за сотрудничество с немцами на 25 лет— о карательных делах никто тогда не узнал. Правда, попал под амнистию 1955 г., поселился в Великой Дымерке Броварского района Киевщины. Со временем стал членом КПСС, выбился на руководящую работу в агропромышленном комплексе — трудился заместителем директора большого совхоза. Две его дочери учительствовали, сам Васюра, вполне респектабельный гражданин, считался ветераном войны и даже состоял … почетным курсантом одного из киевских военных училищ! Естественно, помалкивал о прошлом, однако люди заметили, что в День Победы «ветеран» Васюра ведет себя очень странно. Сигнальную информацию реализовали в 1985 г. сотрудники Броварского райотдела КГБ, задержавшие карателя, а их белорусские коллеги нашли десятки свидетелей, обличивших изувера.

В 1986-м в Минске прошло закрытое заседание военного трибунала. Васюра и его подручный Мелешко получили высшую меру наказания, остальные каратели — длительные сроки заключения. Некий Катрюк, «косивший» из пулемета «МГ» людей, вырывавшихся из пылающего амбара, несмотря на неоднократные требования СССР к властям Канады, так и не был выдан правосудию. Минскому процессу «Известия» собирались посвятить целую полосу. Но по распоряжению первых секретарей ЦК Компартии Украины и Белоруссии информация о судебном заседании была засекречена — решили, что это омрачит «братскую дружбу народов СССР». Правда, после кровавых Сумгаита и Ферганы, Карабаха и Таджикистана, Чечни и Абхазии приходишь к выводу — правы в этом были «партократы». Джинна иррационального межнационального противостояния ни в коем случае нельзя выпускать на свободу…

По подсчетам современных историков, с оккупантами сотрудничало 1,2 - 1,6 млн. советских граждан, из них 215 тыс. - непосредственно пребывало в боевых формированиях противника. Конечно, и сейчас большое значение имеет проблема мотивов перехода на сторону врага, ибо, по мнению криминологов, именно в особо опасных государственных преступлениях исключительное значение имеют «внутренняя сторона деяния и психологические свойства личности, в особенности побуждения и цели». А мотивы были самые различные. Одним из основных был обычный страх и желание выжить. Осужденный 19 марта 1969 г. Кировоградским областным судом к смертной казни полицейский Д. Черный честно заявил: «Я боялся за свою голову, своя голова дороже всего». Тогда же в Кировограде понес наказание выданный властями США А. Литовка. Допрошенный о мотивах перехода на сторону немцев, он сообщил: «В полицию я поступил добровольно, так как мои родители были кулаками и советской властью были репрессированы, за что я хотел мстить… Не могу сказать, кто кому был врагом, поэтому и немцев не могу назвать врагами» (во время коллективизации в Украине было выселено 1,2 млн. крестьян, не считая осужденных, а доведенные до отчаяния насильственным сломом традиционного уклада жизни селяне ответили, по данным органов госбезопасности, 8 тысячами терактов против представителей власти и активистов, и на подавление акций протеста даже пришлось перебрасывать элитную Московскую пролетарскую дивизию).

Анализ свыше 500 уголовных дел, проведенный исследователями КГБ в конце 1970-х годов, позволил выявить наиболее характерные мотивы сотрудничества с врагом (отметим,

что эти выкладки предназначались не для партийных докладов или пропаганды, а посему имели объективный характер). Так вот, «враждебное отношение к советскому государственному и общественному строю» составило мотивы перехода к врагу в 44% случаев, «несогласие с политическим режимом в СССР» — 13%, «буржуазно-националистические взгляды» (то есть, если отбросить идеологические штампы, стремление к национальному освобождению) - 10% (в Западной Украине — четверть случаев; кстати, трудно понять, какое отношение к «буржуям» имела преимущественно крестьянская по составу УПА), «неверие в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками» — 11%.

Следует учесть, что переход к врагу в основном пришелся на 1941—1942 гг., период катастрофических поражений Красной Армии, только пленными потерявшей в 1941-м свыше 3 млн. человек из 16 окруженных армий, а всего до 1945 г. в плен, по тщательным немецким подсчетам, попало 5231057 советских воинов, из которых выжило лишь 1155055. Таким образом, до 78% случаев перехода на сторону агрессора имели, по сути, социально-политические, национально-политические или военно-политические мотивы, и лишь остальные руководствовались «мотивами трусости, бытового характера, малодушием, корыстью».

Что же касается целей сотрудничества с гитлеровцами, то среди них выделялись «месть советской власти за репрессии родственников» (29%), желание «причинить ущерб СССР в силу своей враждебной настроенности к Советскому государству» (13%), уклонение от воинской службы (12%), стремление спасти свою жизнь (20%), корыстные мотивы и желание облегчить страдания в плену (17%). Таким образом, около 55% «изменников Родины» преследовали вовсе не сугубо личные или бытовые цели.

Вряд ли приходится этому удивляться после страшной полосы насилия, начавшейся с октября 1917 г. В 1918—1922 гг. население бывшей Российской империи в результате войн, террора, эмиграции, голода и эпидемий сократилось на 13—15 млн. душ. Начало 1930-х отмечено миллионными жертвами голодомора в Украине, на Дону и Северном Кавказе, Казахстане. Лишь в 1937—1938 гг. к смертной казни приговорили около 682 тыс. советских граждан и лишили свободы 3,8 млн. «Население» ГУЛАГА (исправительно-трудовых лагерей, исправительно-трудовых колоний), по тщательным архивным подсчетам российского историка Виктора Земскова, к 1941 г. составило около 1,92 млн. человек (при населении СССР в 1941-м 195 млн. человек), из которых около 28% составляли осужденные за

«контрреволюционные преступления».

Отметим, что распространяемые отдельными авторами утверждения о том, что «70% узников ГУЛАГА составляли украинцы» не выдерживает проверки источниками. Так, по состоянию на 1 марта 1946 г. в исправительно-трудовых лагерях пребывало 600 тыс. человек, из них украинцев — 108 тыс. (всего в ГУЛАГЕ на то время — 1,7 млн. душ).

Не подтверждаются рассекреченными данными из Государственного архива Российской Федерации также измышления о чуть ли не поголовном репрессировании после 1945 г. военнопленных и угнанных в Германию гражданских лиц. До 1 марта 1946 г. репатриировали около 2,6 млн. гражданских лиц. При этом к местам прежнего жительства отправили 80%, 10% — в рабочие батальоны, 5% призвали в армию и лишь 1,7% передали органам НКВД. Из 1,5 млн. выживших военнопленных 43% вернулись в армию, 22% — в рабочие батальоны, 18% — в места прежнего проживания, около 15 % направили для дальнейшего разбирательства в органы НКВД для выявления воевавших на стороне врага.

По новейшим подсчетам сотрудников Службы безопасности Украины (2007 г.), в 1927—1990 гг. в Украине приговорили к высшей мере наказания свыше 140 тыс. человек, к лишению свободы — 331 274, было выслано 51 684, понесло другие наказания 23 901 человек. Непосредственно в период «Большого террора» 1937—1938 гг. на территории Украины органы НКВД арестовали 279 126 человек, из них к расстрелу приговорили 67 777 наших земляков.

4.3. Лидер ОУН Юго-восточных земель

В июле 1941 г. Василий Кук возглавил Киевскую группу членов ОУН и их приверженцев, примерно 30 человек, преимущественно выходцев из восточных областей, с целью повторить в Киеве провозглашение Украинского государства. Однако план реализовать не удалось. В конце лета немцы арестовали его в Василькове на Киевщине и поместили в концлагерь в Белой Церкви. Затем довелось побывать в тюрьмах Житомира, Ровно, Луцка, откуда ему и организовали побег — как правило, сотрудники СБ ОУН, когда организуя побег сами, когда просто подкупая надзирателей, неоднократно организовывали освобождение из немецких застенков функционеров ОУН. Так, Дрогобычский областной референт СБ К. Цмоць («Модест») освободил членов Провода ОУН Олексу Гасына (будущего

начальника Главного штаба УПА), Ярослава Старуха (погиб на посту командующего силами повстанцев в Польше в 1947 г.) и военачальника УПА Дмитрия Грыцая.

Осенью и зимой 1941/1942 гг. Василий Степанович, совместно с Краевым проводником Иваном Клымивым («Легендой») занимался организацией антинемецкого подполья. В конце сентября—начале октября 1941-го в с. Сороки под Львовом состоялась I конференция 10—15 руководителей ОУН(б). По свидетельствам членов Провода Н. Лебедя и Михаила Степаняка («Лекса», арестованного в 1945 г.), конференция решила перевести большую часть кадров в подполье, создать «легальную» сеть, готовить боевые кадры, вести пропаганду и в открытый конфликт с оккупантами пока не вступать. Создается Краевой войсковой штаб (объединял Ровенский и Львовский штабы), открывается 37 нелегальных войсковых школ по 300—500 курсантов в каждой. В 1941—1942 гг. через них прошло до 3 тыс. человек.

Проведенная в апреле 1942-го 2-я конференция ОУН(б) приняла более радикальные решения. При сохранении курса на уклонение от открытой борьбы и накопление сил предусматривался переход к «вооруженной борьбе в удобное время», давалось указание создавать собственные вооруженные формирования. Начинается организация «групп самообороны» (или «боевок»). Каждая местная организация ОУН обязывалась отрядить в немецкую вспомогательную полицию 10 добровольцев с целью приобретения опыта и оружия. Как признавал впоследствии нарком госбезопасности УССР Сергей Савченко, несмотря на репрессии нацистов, оуновцы не только не ослабили свои позиции, но и усилили их за счет нелегальной сети. К весне 1942-го в рядах ОУН(б) пребывало почти 12 тыс. членов и 7 тыс. резервистов-«юнаков».

Руководителем подполья ОУН(б) в Киеве и на землях Восточной Украины стал давний знакомый В. Кука еще по Люблинскому университету Дмитрий Мирон («Орлик»). Деятельность и гибель «Орлика» — убедительный довод против огульных обвинений украинских националистов в сотрудничестве с нацистами. Об этом расскажем подробнее, используя выявленный автором архивный документ.

…В январе 1949-го в Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области оперативно-войсковая группа МГБ УССР близ горы Шипкована обнаружила тайник подпольщиков — молочный бидон с документами. Среди них — уникальные и по сей день не опубликованные записки Надежды Романив («Наталки Тырсы»), супруги тогдашнего Главного судьи ОУН,

руководителя Краевого провода «Запад-Карпаты» Василия Сидора («Шелеста»). В свое время она участвовала киевском подполье ОУН(б) и лично знала «проводника «Орлика».

Автор записок высоко отзывалась о своем руководителе, характеризуя его как человека, преданного делу, с феноменальной памятью, эрудицией, выдержкой, требовательного и внимательного к соратникам, талантливого публициста и отличного конспиратора. Благодаря светским манерам и элегантности, знанию языка он выглядел «настоящим немцем». Немецкая контрразведка давно охотилась за лидером националистического подполья. С помощью предателя Скузя (содержателя конспиративной квартиры ОУН по улице Саксаганской) были установлены приметы и фамилия, под которой скрывался «Орлик».

24 июля 1942 г. около 15 часов два гестаповских филера близ Владимирского собора опознали в высоком человеке в сером плаще и с портфелем Д. Мирона, задержали его и повели в штаб-квартиру тайной полиции на Короленко, 33 (до войны там располагался республиканский НКВД). Внезапно возле Оперного театра задержанный кинулся бежать. Гестаповцы открыли огонь по ногам… Через несколько минут примчалась карета «скорой помощи», доставившая подпольщика в клинику мединститута на бульваре Шевченко. Спасти «Орлика», истекшего кровью из перебитых пулями артерий, не удалось. Вскоре прибыли высокие чины гестапо. Ознакомившись с документами покойного, старший офицер вскричал: «Кто позволил этому идиоту стрелять в него!». Но было поздно…

Для расследования обстоятельств гибели «Орлика» в Киев прибыл сам шеф СБ ОУН Николай Арсеныч. И он едва не стал жертвой гитлеровцев, сумев через окно и сад уйти от пришедших за ним гестаповцев. Однако «вычислить» предателя спецслужба ОУН сумела. Ночью 7 ноября сотник В. Сидор и хорунжий Юлиан Ковальский («Гарпун») застрелили Скузя как раз напротив места, орошенного кровью шефа киевского подполья. Уже в годы независимости Украины на стене Оперного установили мемориальную доску в честь Дмитрия Мирона.

В заключение отметим, что судьба Н. Романив также сложилась трагично. Среди захваченных чекистами документов подполья ОУН обнаружился листок со схематическим планом местности и пометками. По схеме удалось идентифицировать участок лесного массива в Перегинском районе Станиславской области… 14 января 1949-го поисковая группа МГБ услышала звук работающей пилы и обнаружила группу подпольщиков, строящих землянку. Увлекшись работой, они утратили

бдительность. В перестрелке погибли все до одного, среди тел опознали «Шелеста» и «Наталку Тырсу». Смерть соединила супругов-единомышленников навечно.

СБ осуществляла и другие акции возмездия по отношению к коллаборантам, ликвидировала агентов гестапо. Например, был расстрелян заместитель референта СБ Львовского областного провода ОУН(Б) «Кривой», изобличенный в сотрудничестве с гестапо, ликвидирован руководитель СБ краевого провода Галичины конкурентов-мельниковцев М. Соколовский, выдавший немцам члена Провода бандеровцев упомянутого И. Клымива.

Преемником «Орлика» на посту руководителя подполья Востока и Юга Украины стал Василий Кук, нелегально работавший там с весны 1942 г.

Деятельность подполья ОУН Юго-Восточных земель Украины — одна из наименее изученных страниц истории националистического движения. Провод ОУН(б) по Юго-Восточным землям, который «Лемиш» возглавил с весны-лета 1942 г., охватывал подпольной деятельностью Донецкий и Криворожский бассейны, индустриальное Приднепровье, Крым, Одессу и так называемую Транснистрию — «подаренные» фюрером союзной Румынии земли юго-запада Украины, а также Кубань с ее высокой долей украинского населения.

Походные группы ОУН(б) создали здесь Киевский и Южный (Днепропетровский) краевые проводы, объединявшие 14 областных и 30 окружных (около тысячи участников). В частности, Южный провод ОУН (руководители - Зенон Матла, слета 1942-го В. Кук, референт СБ Б. Яворский («Мирон») делился на Запорожский, Днепропетровский и Кировоградский областные, Днепропетровский и Одесский городские проводы. Областные проводы (как правило, 50—100 активных подпольщиков) делились на два окружные и районные.

Структуру и деятельность подполья ОУН на Востоке достаточно подробно описал сам В. Кук на долгих допросах в КГБ УССР. Его ближайшими помощниками выступали референт пропаганды Логуш («Иванив») и организационный референт Петр Дужий (арестованный в 1945-м и доживший до независимости Украины). Днепропетровский окружной провод возглавляли Петр Олийнык («Эней», будущий военачальник УПА, погибший 17 февраля 1946 г.) и «Лемко» (погибший в 1944-м на Ровенщине). Криворожского окружного проводника «Вермена» расстреляли немцы. В Запорожском областном проводе (Запорожский и Мелитопольские окружные звенья) работало до 50 человек. Правда, около 20% прибывших с Западной Украины подпольщиков пришлось вернуть, так как они не смогли

адаптироваться к условиям преимущественно русскоязычных регионов.

В целом работа на востоке стала серьезным испытанием для идеологии «интегрального национализма», провозглашавшей лозунги «Украина для украинцев» и «Нация превыше всего». Не случайно упомянутый проект новой программы ОУН, принятой в августе 1943 г.

(лишенной ксенофобии, национальной нетерпимости, основанной на универсальных демократических ценностях и идеях социальной справедливости), разработала именно группа подпольщиков во главе с Василием Куком и Омельяном Логушем. В частности, «Лемиш» предлагал ни в коем случае не восстанавливать против ОУН население восточных областей лозунгами возрождения капитализма.

Звенья ОУН вели пропаганду, распространяли националистическую литературу и листовки, срывали мероприятия оккупантов по набору рабочей силы и заготовки продуктов для рейха. Предпринимаются попытки организовать органы рабочего самоуправления. Так, в 1942-м в рудничном поселке имени 1 Мая в Криворожском районе по заданию окружного провода ОУН создается «районный рабочий комитет», в августе 1943 г. перешедший на нелегальное положение под давлением немцев. Готовились многочисленные учебные материалы по социально-экономическому положению на Востоке, об укладе жизни и психологии «схидняков».

Создаются и боевые группы, разоружавшие вспомогательную полицию из местных жителей, накапливавшие оружие и набиравшие добровольцев для Украинской повстанческой армии. Последних направляли в традиционный оплот украинских Робин Гудов — леса Холодного Яра под Уманью на Черкассчине. Последних снабжали нехитрым паролем: «Я пришел от Павла взять ваш чемодан» — «Чемодана нет, приходите завтра». «В задачу референтур СБ в период немецкой оккупации, — говорил сам В. Кук на допросе в КГБ УССР 9 июня 1954 г., - входило изучение методов работы немецкой разведки и контрразведки и с этой целью они засылали членов ОУН для работы в органах немецкой разведки и контрразведки».

Увы, и на Востоке не прекращалось противоборство между бандеровцами и мельниковцами, которых ортодоксальные националисты рассматривали как конкурентов и «мелкомещанскую политическую агентурную группу». Автор исследования по истории ОУН (М) периода Второй мировой войны В. Верига справедливо отмечает, что лидеры бандеровцев выступали «не за консолидацию всех революционно-

государственных сил, но за монополизацию их под своей командой, устраняли всех, кто стоял им на дороге… Ликвидацией нежелательных лиц занималась обычно «служба безопасности». По некоторым подсчетам, жертвами междоусобной вражды стали до 4 тыс. мельниковцев. Оперативные возможности СБ привлекались осенью 1942-го для изучения намерений функционеров ОУН(М) во время консультаций о возможности объединения двух ветвей националистов (положительный результат достигнут не был).

4.4. Тайный фронт на Востоке

Сбор социально-экономической, политической и военной информации на Востоке считался одной из ведущих задач подполья в регионе. Отличились референтуры СБ окружных проводов — Днепродзержинского (референт «Богдан», воспитанник специальных курсов СБ) и Криворожского (референт «Костя», который до назначения вел разведку в интересах ОУН под прикрытием должности переводчика гестапо в Сталино (нынешнем Донецке). Однако не приходилось забывать и о контрразведывательной защите рядов подполья.

В Украине оккупантами была развернута мощная сеть карательно-репрессивных органов специального назначения — тайной государственной полиции (гестапо), полиции безопасности (СД), полевой жандармерии, полиции порядка, подразделений абвер-3 (военной контрразведки). Кроме того, действовали спецорганы сателлитов Германии — тайная полиция (Сигуранца) и Служба специальной информации (военная разведка) Румынии, венгерская контрразведка. Эти спецорганы не только активно противодействовали нелояльному националистическому подполью, но и старались привлечь к сотрудничеству в интересах разведывательно-подрывной деятельности против СССР его участников. Уже в «Инструкции по борьбе с партизанами» № 1900/41 от 25 октября 1941 г. Генерального штаба Германии разведывательным подразделениям армейских штабов разных уровней предписывалось обратить особое внимание на вербовку украинских националистов.

Работа СБ против немцев активизировалась с 1942 г. В частности, осенью по указанию представителя Провода ОУН(б) М. Прокопа («Владимира») в Киеве на конспиративном заседании функционеров подполья принимается решение о создании специальных агентурных групп для сбора информации о немцах.

Контрразведка подполья обнаруживала и заводила дела разработки на агентов гестапо среди оуновцев. Кроме того, изучались сотрудники гитлеровских силовых структур, их связи среди местного населения.

Каждый референт СБ должен был дважды в месяц подавать руководству отчет о работе немецких карательно-репрессивных органов, проведенных ими арестах или розыскных мероприятиях, о лицах, подозреваемых в агентурных отношениях или официально сотрудничавших с оккупантами. Сбор упреждающей информации позволял выводить подпольщиков из-под ударов немецких спецслужб. По свидетельству В. Кука из протоколов его допросов в КГБ, в задачи референтур СБ «в период немецкой оккупации входило изучение методов работы немецкой разведки и контрразведки, и с этой целью … засылали членов ОУН для работы в органах немецкой разведки и контрразведки».

О деятельности антинемецкого подполья в индустриальных регионах Украины достаточно подробно рассказал в ряде интервью член ОУН Евгений Стахив, проживающий в настоящее время в Нью-Йорке. В феврале 1942 г. он прибыл на подпольную работу в Горловку (нынешняя Донецкая область), позже его коллегами создаются молодежные нелегальные группы ОУН в промышленных городах Мариуполе, Константиновке, Славянске, Макеевке, Краснодоне и Луганске. Работа подполья сосредоточивалась на разведке и пропаганде. Готовя фальшивые документы, помогали людям избежать отправки в Германию.

Подпольщики Е. Стахива встретили в Краснодоне своих родственников, срисовывавших опознавательные знаки с немецкой техники. Ими оказались участники группы советского движения сопротивления, позже обобщенно названной «Молодая гвардия». Однако на контакт с членами ОУН они не пошли. Гестапо нанесла удар по националистическому подполью, немало его участников расстреляли, а документы немецкой спецслужбы попали со временем в архивы НКВД. Там, считает пан Евгений, с ними и ознакомился писатель Фадеев. В его романе «Молодая гвардия» слились воедино сведения об антинемецких действиях комсомольского подполья Краснодона (до сих пор ведутся споры о персоналиях его руководителей и причинах гибели) и подполья националистического. О последнем, естественно, глава писательской организации СССР умолчал, зато придумал для главного отрицательного персонажа-предателя фамилию Стахович, дискредитируя не только Стахива, но и активного советского антифашиста Виктора Третьякевича (честное имя этого патриота восстановили лишь спустя десятилетия).

Не ставя под сомнение документально подтверждаемое

противостояние подполья ОУН нацистским оккупантам, заметим, что реальный вклад националистов в борьбу с немцами и их сателлитами нельзя сравнить с ударами по агрессору советских войск и партизан. По словам функционера ОУН(б) Евгения Врецьоны, «для соблюдения исторической правды и без лишнего патриотического стыда скажем себе откровенно, что украинцы в советской армии, от рядового до маршала, сыграли куда более важную роль в сохранении биологической субстанции нашего народа, обороняя ее перед полным уничтожением».

Нельзя не отметить, что возглавляемое В.Куком подполье установило контакты с центральным аппаратом и периферийными органами румынской Службы специальной информации (ССИ, военная разведка). В октябре 1943 г. в Одессе представитель Провода ОУН и руководитель сети ОУН на оккупированной румынами территории юго-западной Украины Лука Павлышин, его заместитель Семчишын связались с руководителями центра № 3 ССИ полковником Пержу и капитаном Аргиром, сообщившими о принципиальном согласии Бухареста на переговоры с националистами. Тогда же достигли договоренности о прекращении боевых действий.

В апреле 1944-го в Галаце эмиссары ОУН встретились с новым начальником разведцентра полковником Ионеску. Последний информировал о декрете румынского правительства о политической амнистии для украинских националистов и готовности предоставить им военно-техническую помощь; в распоряжение румынской спецслужбы отрядили 14 членов ОУН. Вскоре курсанты-украинцы уже обучались в разведшколе под руководством опытного подпольщика Л. Павлышина под Бухарестом, откуда их забрасывали в советский тыл, а в Галаце готовили радистов для УПА.

Серьезным противником ОУН являлось и советское подполье. Директива НКВД СССР № 364 от 14 августа 1941 г. поставила перед органами госбезопасности, в том числе, и задачи агентурной разработки украинских националистов. С ноября 1941 по март 1942 г. НКВД УССР совместно со специальной группой ЦК КП(б)У на территорию шести областей Западной Украины было переброшено 150 специальных формирований и отдельных 148 агентов и связников. Созданное в январе 1942 г. 4-е Управление НКВД УССР (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа) обязывалось продвигать агентуру в антисоветские группировки на оккупированной территории, в том числе для дальнейшего ее вывода в Германию и другие европейские государства.

Оставленная на оккупированной территории агентура

органов госбезопасности (свыше 12 тыс. человек), кроме собственно антинацистских мероприятий, не прекращала разработки националистической среды. В 1941—1942 гг. ею было выявлено 57 националистических организаций. В Одессе, например, советским подпольем велись разработки «Сателлиты» (на 60 мельниковцев) и «Одесские подонки» (на 50 членов ОУН(б). К негласному сотрудничеству удалось привлечь даже референта СБ одного из территориальных проводов ОУН(Б) на Востоке, в результате чего советская сторона получила сведения на 180 нелегалов ОУН и установила их 33 конспиративные квартиры. По собранным оперативными источниками данным, только на Левобережной Украине после ее освобождения от оккупантов было арестовано 153 функционера ОУН. На учете отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД по Запорожской области к 1 ноября 1943-го состояло 148 «активных националистов».

Органы НКВД и НКГБ сразу же после восстановления советской власти на временно оккупированных территориях принялись за выявление националистических организаций. Лишь в Днепропетровской области заводятся дела оперативной разработки «Националисты», «Самостийники», «Соборники», «Державники», «Проломщики», «Капелла». В 1946 г. в Днепропетровской и Запорожской областях провели 468 (!) оперативных мероприятий, арестовав 56 членов ОУН. С 1 августа 1951 по 25 октября 1952-го в восточных областях органы госбезопасности уничтожили 26 и захватили 22 члена ОУН.

Нужно сказать, что заложенные В.Куком со товарищи позиции на Востоке позволили им и в послевоенный период сохранять в регионе определенную активность (более того, на продвижение на Восток нацеливала отдельная тактическая схема ОУН «Орлик», или «Харьков»). Там предусматривалось вести пропаганду, создавать законспирированные звенья на случай войны между СССР и Западом («хаты-зацепки»), собирать разведывательную информацию. Предполагалось опираться на выходцев из Западной Украины, переброшенных в индустриальные районы в ходе их послевоенной реконструкции (27000 семей переселенцев, 125 тыс. мобилизованных в промышленность и на обучение в ФЗО). Проводы ОУН Галичины должны были устанавливать «шефство» над восточными и южными областями: Коломыйский провод — над Днепропетровской и Запорожской; Калушский — над Николаевской, Херсонской и Кировоградской, Дрогобычский — над Одесской и Измаильской.

4.5. Подруга по жизни и борьбе

Работая на Востоке, Василий Кук встретил и свою половину, разделившую с ним все тяготы подпольной борьбы и захваченной вместе с ним в мае 1954 г. Его будущая жена Ульяна Никифоровна Крюченко родилась в 1920 г. в селе Сурско-Литовское (по другим данным — в селе Еленовка Солонянского района) Днепропетровской области, училась в Днепропетровском институте инженеров железнодорожного транспорта. В 1941-м примкнула к национал-патриотическому движению, исполняла обязанности руководителя «Юнацтва» ОУН в Днепропетровске и области. В 1942 г. они с В.Куком, как говорят в Украине, «стали на рушник», и жена получила от супруга псевдоним «Оксана».

Ульяна Крюченко, несмотря на слабое здоровье и подорванную подпольем нервную систему, стойко переносила тяжкие условия неравной борьбы со сверхдержавой. Она непосредственно создавала подполье в Новомосковске, а с июня 1943-го состояла референтом по работе с молодежью в Криворожском окружном проводе ОУН. Когда в июле 1949-го ее задержали чекисты, стремясь использовать для поимки «Лемиша», «Оксана» для видимости дала согласие на сотрудничество, однако бежала к подпольщикам, едва оказавшись вне досягаемости органов госбезопасности.

В 1947 г. у супругов родился сын Юрий. Превратности подпольной жизни родителей отразились и на судьбе ребенка. Двух лет от роду Юрка забрали у дяди, Ивана Кука, отправили в специальный детский дом им. Крупской в Жданов (ныне Мариуполь), а затем в Петровский детский дом в Сталино, где он содержался как «Юрий Антонович Чеботарь, 1946 года, уроженец Сталино». Как уведомили органы госбезопасности информаторы-воспитатели, мальчик хорошо рисует и танцует, участвует в художественной самодеятельности. О родителях рассказывает, что «мама сидит в тюрьме, мой отец-коммунист расстрелян в Греции, оттуда и я прилетел». В апреле 1957-го сообщалось, что в третьем классе спецдетдома «мальчик хорошо успевает, много читает, увлекается шахматами, у детей пользуется авторитетом». Ивана Кука, его мать и отца осудили как «бандпособников» к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Возможно, молодость, специфические условия подпольной жизни порождали и романтические увлечения «Лемиша». Во всяком случае, как сообщали документы органов МГБ, в 1949-м ими была арестована близкая подруга В. Кука Галина Скаскив.

Впрочем, у руководителей подполья личные драмы не были редкостью, подтверждение тому - судьба близких одного из давних соратников и земляка В. Кука — Василия Галасы («Орлана»). Жена «Орлана», одного из руководителей ОУН и УПА

в Польше, Мария Савчин, будучи арестована местными органами госбезопасности, бежала, обманув стражу, уверенную, что мать не бросит пятимесячного ребенка. Мальчика усыновил ответственный работник Министерства общественной безопасности ПНР. Второй их ребенок Петр воспитывался под видом сына Анастасии Мартыновской из села Олексино Козовского района Тернопольской области (органы госбезопасности добрались и к ним).

11 июля 1953 г. супругов В. Галасу и М. Савчин («Маричку») захватила в Каменец-Подольской области спецгруппа МГБ (пребывание под следствием М. Савчин подробно описала в мемуарах «Тысяча дорог», изданных в серии «Летопись УПА»). Со временем она дала согласие сотрудничать с органами КГБ, однако, будучи вывезена в Западный Берлин, вместо выполнения заданий советской разведки тут же отправилась в консульство США, сообщив о планируемой с использованием ее мужа оперативной игре (по утверждению ветерана внешней разведки КГБ Георгия Санникова, с Марией шел агент КГБ «Матрос», оуновский псевдоним «Тарас»).

Сама «Маричка» с немалым трудом убедила сотрудников Службы безопасности Закордонных частей ОУН в том, что она — не «засланная казачка» (агентуру противника, реальную и, большей частью, мнимую, СБ безжалостно ликвидировала, замуровывая трупы под пол и в стены старой Егерской казармы в немецком городе Миттенвальде). В воспоминаниях «Маричка» уверяет, что ее замысел перейти на Запад был одобрен супругом.

Однако фактически «Орлан» и ребенок оставались заложниками чекистов. В уголовном деле В. Галасы сохранилась душераздирающая записка «заключенного № 10» от 6 марта 1956 г.: «Мне до сих пор трудно поверить, что «Оксана» (видимо, новый псевдоним М. Савчин. — *Авт.*) могла добровольно мне, детям и родным подписать смертный приговор. А она знала, что именно такой конец будет нам, если она предаст».

5 марта 1956-го против В. Галасы вновь возбудили уголовное дело и перевели под арест. Следует ради справедливости отметить, что председатель КГБ при СМ УССР генерал-майор В. Никитченко лично хлопотал перед военным трибуналом Киевского военного округа о смягчении «Орлану» наказания. 11 июня 1958 г. В. Галаса выступил с последним словом на судебном заседании. В ОУН, говорил он, меня привела шовинистическая политика Польши. Репрессии НКВД, выселение матери и сестры, шок от расстрелов в западноукраинских тюрьмах оттолкнули меня от советской власти. В последние годы я побывал в Москве, Харькове, Запорожье, много встречался с рабочими. Мне дали

закончить 10 классов, а XX съезд КПСС убедил в положительных изменениях в государстве. Однако я потерял жену, хотя и рекомендовал органам, как целесообразнее с ней работать, но ко мне не прислушались. Этого, такую грубую работу я им никогда не прощу..

Приговор — 10 лет исправительно-трудовых лагерей с исчислением срока с 1 февраля 1955 г.. «отбывал срок» в колонии № 4 в Житомире, колонии № 113 в Беличах под Киевом, работал маляром, давал свыше 200% производственной нормы, был членом группы гражданского порядка. Имел три благодарности за добросовестную работу, а с 22 декабря 1959 г. соратника В. Кука перевели в следственный изолятор республиканского КГБ.

Здесь с ним часто встречались начальник 1-го Управления (внешняя разведка) КГБ УССР Прокофий Савчук, начальник отдела Д. (бывший куратор спецагента КГБ Богдана Сташинского, убившего в 1959-м в Мюнхене Степана Бандеру, получил после удачного теракта своего подопечного орден Красной Звезды, погоны полковника). Постановлением Верховного Совета СССР от 6 апреля 1960 г. В. Галасу освободили и помиловали. Он не дожил нескольких дней до 60-й годовщины «лесной армии» и умер в столице суверенной Украины 5 октября 2002 г.

Глава 5. Тропами партизанской войны

5.1. Повстанческий военачальник

С весны 1943 г. деятельность Василия Кука связана с УПА, в которой он в до 1949 г. возглавлял Группу «Юг», а его супруга Ульяна Крюченко стала сотрудником политико-воспитательного отдела штаба УПА-«Юг». В рядах повстанцев Василий Степанович дослужился до очень высокого в УПА звания полковника, имеются и данные о присвоении ему Украинской главной освободительной радой (УГОР) к 10-летию УПА 14 октября 1952-го звания генерал-хорунжего. Зимой 1943/1944 г. силы повстанцев под командованием «Лемиша» переходят для продолжения борьбы через советско-германский фронт в Кременецкие леса на стыке Ровенской и Тернопольской областей.

До определенного времени лидеры украинских националистов не считали целесообразным открытые вооруженные выступления против немецких оккупантов. В одном из документов ОУН июня 1942 г. откровенно говорилось: «Нам сегодня жаль каждого человека, умирающего за интересы Москвы или Берлина… Наш час еще придет…», а пока нужно дожидаться взаимного истощения рейха и СССР. «Главный идеал у них, - докладывал командир Чехословацкого партизанского отряда капитан НКВД Репкин (будущий Герой Советского Союза словак Ян Налепка, погибший в конце 1943 года на Житомирщине),— чтобы немцы разбили большевиков, а немцев разбили англичане. Тогда они создадут Самостийную Украину». В этих словах — трагедия тысяч волынян и галичан, оказавшихся в пекле братоубийства по причине предвоенных эксцессов тоталитаризма.

Однако в начале декабря 1942 г. во Львове состоялась военная конференция Провода ОУН(б) под председательством Николая Лебедя, исполнявшего обязанности арестованного немцами Бандеры, с участием военного референта Ивана Клымива, военных референтов Краевых проводов бандеровцев Западной, Северо-Западной и Восточной Украины. Конференция приняла решение отказаться от прежнего курса на уклонение от вооруженной борьбы против немцев. Постановили приступить к формированию партизанских и регулярных войсковых формирований — «военных подразделений ОУН самостийников-державников», создали группу для разработки боевых уставов и

инструкций.

Не последнее место уделялось роли разведки и контрразведки: предусматривалось, что органы разведки, Службы безопасности и жандармерии возникнут при всех территориальных звеньях подполья ОУН. Подчеркивалась необходимость создания широкой агентурно-осведомительной сети. Служба безопасности (СБ) должна была заняться, в случае победы, решением «национального вопроса»: активных противников планировалось ликвидировать, этнических россиян — не трогать, поскольку они «срослись с украинцами». Поляков, евреев и армян ждала депортация, чехам, венграм и румынам гарантировалась неприкосновенность.

Вскоре были разработаны инструктивные документы «Партизанство», «Общие основы партизанства», «Советские партизаны», в которых закреплялись конкретные задачи украинского повстанчества. Среди них — организация агентурной разведки со стороны штабов повстанческих формирований, сбор информации о немцах и польских националистических организациях. В учебной работе использовался Устав Армии УНР, утвержденный в 1921 г. Главным атаманом Симоном Петлюрой, советские боевые уставы и наставления по партизанской войне.

Формирование первых подконтрольных ОУН(б) вооруженных отрядов началось на Волыни в октябре 1942-го под руководством Степана Качинского («Остапа»). 7 февраля 1943-го сотня Грыця Перегийняка («Коробки») напала на немецкие казармы во Владимирце на Ровенщине. 3-я конференция ОУН(б) 17 — 21 февраля того же года выдвигает курс на вооруженную борьбу с нацистами. Стратегия «двухфронтовой борьбы с московским и немецким империализмом» закрепляется III Чрезвычайным сбором в августе 1943 г. Путем слияния отдельных боевых отрядов ОУН(б), других вооруженных формирований национал-патриотической ориентации, организованного перехода на сторону повстанцев 5 тысяч украинских «вспомогательных полицейских» и мобилизации населения весной-летом 1943-го возникает Украинская повстанческая армия под политическим руководством ОУН(б). Правда, нередко УПА силовыми методами поглощала конкурентов — отряды мельниковцев, «вольных казаков», Фронта украинской революции. 18 августа 1943-го вышел приказ обезоружить Украинскую народно-революционную армию Тараса Боровца-«Бульбы» (УНРА), созданную как «Полесская Сечь» еще в 1941-м с политической ориентацией на Государственный центр Украинской Народной Республики (УНР) в эмиграции. Немало бойцов УНРА, достигавшей 6 тыс. штыков, и жена самого «Бульбы» Ганна Орочинская были уничтожены при

помощи СБ УПА.

Только во время осеннего наступления 1943 г. на немцев повстанцев и отрядов «кустовой самообороны», по подсчетам диаспорных историков, произошло 47 боев и 125 столкновений, вермахт потерял 1,5 тыс. солдат. Отметим, что в донесениях разведки красных партизан в Украинский штаб партизанского движения антинемецкая борьба УПА получила весьма серьезную оценку. В мае 1943 г., используя информацию агентуры СБ УПА, отряд «Месть Полесья» на шоссе Ковель—Брест разгромил из засады немецкую колонну. Среди убитых — начальник штаба СА обергруппенфюрер В. Лютце. Во время немецкого наступления на Черный лес в Прикарпатье через агента СБ заполучили план операции, благодаря чему успешно отбили наступление частей 7-й танковой дивизии вермахта и эвакуировали население из зоны боевых действий. Когда для карательных операций против УПА был создан во Владимире-Волынском специальный штаб «Банденбекемпфунг» во главе со штурмбанфюрером СС Плятте, СБ УПА внедрила и туда свою агентуру, а планы и приказы штаба оперативно передавались повстанцам.

Правда, в соответствии с приказом Главного командования УПА от 26 ноября 1943 г. и тактической инструкцией Главного военного штаба УПА повстанцы обязывались ограничиться обороной при насильственных действиях оккупантов против населения, «акциями отмщения», готовиться к противостоянию основному противнику — Красной Армии, которая приближалась к Правобережной Украине.

Как отмечается в выводах Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА, «на всех этапах существования УПА главным врагом украинских националистов была советская власть со всеми ее политическими и силовыми структурами.., война УПА была войной гражданской; украинские националисты вели войну за реальную независимость Украины; наибольшая трагедия исторического момента состояла в том, что это была братоубийственная война». Можно лишь согласиться с известным историком профессором Станиславом Кульчицким — простых сельских хлопцев вела под знамена повстанцев месть «сталинской державе за смерть и страдания близких и друзей».

5.2. «Лесная армия»

К маю 1943 г. образуется Главная команда УПА на землях Волыни и Полесья под руководством Дмитрия Клячковского («Клима Савура», убитого в ходе разведывательно-поисковой

операции Внутренних войск и НКВД в районе Клевани на Ровенщине 12 февраля 1945 г.). Фактически Савур заложил основы военной организации УПА (в 1952-м Д. Клячковский постановлением УГОР был награжден Золотым Крестом Заслуги ОУН, получил звание полковника УПА). Однако эту суровую, неоднозначную личность в летописи повстанческого движения затмила фигура Романа Шухевича («Тараса Чупрынки», генерал-хорунжего УПА с 1946 г.), ставшего с ноября 1943-го командующим повстанцами, дабы объединить в одних руках военное управление и руководство территориальной структурой ОУН в Украине.

Кстати говоря, большинство воинов преимущественно крестьянской по составу «лесной армии» не были членами ОУН. Причины, побудившие их взяться за оружие, следует искать в социальном и духовном протесте против политики сталинизма, достаточно проявившей себя на Западной Украине в 1939 — 1941 гг. Красноречивую информацию на сей счет дал упомянутый Репкин (29 марта 1943 г.). На переговорах о совместных действиях против немцев повстанческие командиры поясняли капитану, что воевать их заставила вовсе не враждебность к коммунистической идеологии. Причины — в насильственной коллективизации и преследованиях большевиками церкви. В случае гарантий частной собственности на землю и свободы вероисповедания повстанцы с радостью бы вернулись к мирной жизни.

Отметим, что не единичными были случаи подобных переговоров и даже соглашений о нейтралитете, что ужасно раздражало функционеров КП(б)У. В директиве Организационного бюро ЦК КП(б)У (март 1943 г.) командованию партизанских отрядов рекомендовалось не вести боевых действий против повстанцев; из этого же документа изъяли тезис о целесообразности координации антинемецких операций между партизанами и бойцами УПА. По словам секретаря Ровенского подпольного обкома Василия Бегмы, «отдельные командиры партизанских отрядов стали на путь переговоров» с полевыми командирами УПА и «даже заключали с ними договоры о нейтралитете».

Современное Украинское государство стремится к формированию официальной позиции относительно деятельности ОУН и УПА, усматривая в этом важный шаг к достижению согласия в обществе. Согласно п. 16 ст. 6 Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты» воины УПА, принимавшие участие в боевых действиях против нацистов, не совершившие военных преступлений и

реабилитированные в соответствии с действующим законодательством, признаются участниками боевых действий. Важно, что Закон четко распространил на участников повстанческого движения принцип индивидуальной правовой ответственности, неотъемлемый для правового поля демократического государства.

К сожалению, единый фронт повстанцев и партизан против гитлеровцев создан не был. 21 января 1943 г. состоялся первый крупный бой между отрядом УПА им. Богуна и ковпаковцами близ с. Владинополь Любомльского района Волынской области. При подходе партизан, сообщал их знаменитый командир М. Наумов (личным распоряжением Сталина его произвели из капитана в генерал-майора за беспримерный 2400-километровый рейд по тылам немцев), УПА, не раздумывая, вступает в бой. Известный трагический Карпатский рейд Сидора Ковпака привел к созданию в регионе Украинской народной самообороны под командованием Александра Луцкого. Хотя опытные партизаны и нанесли ей поражение, враждебное отношение местного населения и наскоки повстанцев явились не последней причиной больших потерь. Не зря комиссар ковпаковцев Семен Руднев (прошедший специальную подготовку к партизанской войне до того, как ее «прикрыли» в 1934 г.), настаивал на поиске компромисса с повстанцами в интересах борьбы с немцами.

В апреле—мае 1943 г. участились бои между УПА и партизанами в треугольнике Холм-Ковель-Маневичи, в бассейне Припяти и до Днепра. Особого ожесточения приобрели столкновения после передислокации крупных партизанских соединений на подконтрольную УПА территорию, достигавшую десятков тысяч квадратных километров — в октябре—ноябре 1943-го отмечено 54 боя УПА с партизанами. Особую активность повстанцы проявляли в уничтожении разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ.

Как отмечалось в записке агентурной разведки партизанского соединения И.Шитова (3 августа 1943 г.), даже закаленные в боях партизаны отмечали, что они «впервые вели такой ожесточенный бой с такими нахалами, которые идут на «ура» на станковые пулеметы». В конце сентября 1943-го Д. Клячковский (земляк В. Кука) провел совещание по планированию удара формирований УПА «Туров» и «Заграва» по партизанскому соединению А. Федорова. Даже летом 1944-го УПА хватало боевых возможностей, чтобы заблокировать вывод в Галичину 17-тысячного партизанского соединения.

Советские спецслужбы и партизанская разведка превратились в серьезных противников УПА. Приказ наркома обороны СССР №

00189 от 5 сентября 1942 г. ввел должности заместителей командиров партизанских отрядов по разведке и направил для их замещения 367 сотрудников НКВД. В конце 1942-го начальник разведывательного Управления Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) генерал-майор Аргунов поставил среди основных задач партизан Украины на зиму 1942/1943-го насаждение агентуры в среде националистических формирований. 3 ноября 1943-го заместитель начальника Украинского ШПД С. Бельченко и начальник разведотдела М. Анисимов направили директиву № 3762, обязывавшую создавать агентурные позиции в подполье ОУН и отрядах УПА, вести среди них разложенческую работу.

С октября 1942 по апрель 1943-го украинские партизаны добыли 800 ценных разведданных, из них 42 — по ОУН и УПА, а с лета 1943-го за партизанскими отрядами закрепили «оперативно-чекистские группы». Всего в 1942-1944 гг. разведывательный отдел УШПД получил 94 информационных сообщения о «бандоуновцах» (архивы упомянутого подразделения — кладезь правдивых сведений о положении на оккупированной территории, лучшее средство от «лакировки» истории партизанского движения).

Учитывая большой опыт противоборства с УПА, в августе 1944-го Политбюро ЦК КП(б)У передало партизанскую дивизию им. С. Ковпака в распоряжение НКВД для «использования ее в первую очередь для ликвидации националистических банд». На разведывательно-подрывной деятельности против УПА специализировались 7 и 12-й батальоны соединения А. Сабурова (не меньше хлопот они доставляли НКВД, чей шеф Л.Берия вынужден был информировать «инстанции» о мародерстве, насилии, убийствах крестьян со стороны сего «спецназа»).

Постепенно возрастала численность боевого состава УПА. По данным оперативных источников НКВД, в параде на День оружия 31 июля 1943 г. в Свинарском лесу на Волыни принимало участие 85 пехотных сотен по 150—170 бойцов и до 1,5 тыс. кавалеристов. Провод ОУН создал Главный Военный Штаб (ГВШ) и три краевые Группы — «Запад» (Прикарпатье), «Север» (Волынь и Полесье), «Юг» (Подолье), разбитые на военные округи. Тактическими единицами были отряды (эквивалент полка), курени (батальоны), сотни (роты), чоты (взводы), рои (отделения). Старшинские (офицерские) и под старшинские кадры готовили школы «Дружинники», «Лесные черти», «Олени». На основе боевых уставов Красной Армии создаются собственные нормативные документы, организуется система разведывательного и тылового обеспечения, Служба безопасности

и Военно-полевая жандармерия.

Всего, по оценкам современных историков, только через боевой состав УПА прошло от 100 до 300 тыс. человек.

В советские времена не принято было вспоминать, что классик партизанского искусства команданте Эрнесто Че Гевара в своем трактате «Партизанская война» называл среди своих учителей украинских повстанцев. Опыт Украинской повстанческой армии изучался в военных академиях США, создавших в 1952 г. «партизанские войска» — знаменитые «зеленые береты». Тактические приемы УПА творчески применялись, по их собственному признанию, партизанами Южного Вьетнама.

Командующий Группой УПА «Запад» Александр Луцкий (расстрелянный в 1946 г.) свидетельствовал, что до 15% личного состава соединения приходилось на «схидняков». По сведениям разведки партизанского соединения А.Сабурова (февраль 1944-го), до 40% личного состава повстанческой армии составляли лица неукраинского происхождения. Какой бы спорной не выглядела эта статистика (в современной литературе приводятся более правдоподобные 20%), повстанческие ряды и в самом деле во многом пополнялись представителями восточных областей Украины, этническими русскими, представителями народов Кавказа, Средней Азии, европейских государств (бежавших военнопленных).

Однако по мере приближения советских войск проводится мобилизация в УПА мужчин 16—47 лет из расчета 15—20 человек из села, широко применялись и принудительные методы набора рекрутов (в одном из сел Ровенщины в 1943 г. было зарублено 27 крестьян за отказ вступать в УПА). Понятно, что сформированные таким образом повстанческие подразделения не отмечались стойкостью (по разным оценкам часть мобилизованных достигала 50—60% личного состава), распространено было дезертирство. Список дезертиров сотни «Хомы» (октябрь 1943) насчитывал 49 бойцов (почти половину численности). В феврале 1944-го на Подолье разбежался целый курень мобилизованных; в феврале 1945-го на Буковине в полном составе капитулировал курень «Перебейноса» (400 штыков). Лишь в феврале — ноябре 1944 г. сдалось 13 тыс. воинов УПА. Своеобразным способом пополнения рядов были перехват призванных в армию: 28—30 июля 1944-го на Ровенщине УПА отбила и забрала в лес 1130 призывников.

Кстати говоря, сколько же активных бойцов насчитывали соединения красных партизан в Украине? После войны глава республиканской парторганизации Никита Хрущев назвал цифру

в 220 тыс., и ее канонизировала официальная историография (иные историки брали и «повышенные обязательства»). Вместе с тем в марте 1943 г. ЦШПД докладывал И.Сталину, что в Украине партизанят 12631 человек, до 50 тыс. насчитывалось в отрядах, с которыми утеряли связь (официальная цифра, как видим, получается завышенной в 3—4 раза). Более того, в 1976 г. Институт истории партии при ЦК Компартии Украины обнаружил, что в УССР, в отличие от других союзных республик, отсутствуют учетные карточки на партизан, и установить их достоверную численность уже вряд ли удастся.

5.3. Битва в Кременецких лесах

В литературе последних лет нередко встречается утверждение, что повстанцы воевали исключительно с «НКВДистами и карательными войсками», но не трогали красноармейцев. Увы, реалии войны были сложнее. Как свидетельствуют документы, только с июля по октябрь 1944-го в Волынской области УПА нанесла 800 ударов по армейским тыловым объектам. В сентябре—октябре на Станиславщине отмечено 33 нападения на военнослужащих РККА. Как докладывал в НКВД УССР командующий 1-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский (23 августа 1944 г.), отряды УПА силой по 150 бойцов на Волыни дерзко атакуют подразделения и тылы войск, рассеивают маршевые колонны, уничтожают командный состав. Зимой—летом 1944 г. Волынь и Подолье стали ареной ожесточенных боев украинских повстанцев с советскими войсками. Для усиления Красной Армии в антиповстанческих операциях на Волынь до апреля 1944-го перебросили Сухумскую и Орджоникидзевскую дивизии, пять бригад, 18-й кавалерийский полк войск НКВД, несколько бронепоездов, танковый батальон Особой дивизии Внутренних войск (ВВ) им. Дзержинского из Москвы; им содействовали семь отрядов и 42-й мотострелковый полк Пограничных войск НКВД. Общевойсковые армии выставили для борьбы с повстанцами по 20—25 тыс. штыков каждая.

Вверенная В.Куку Группа УПА «Юг» провела наиболее крупное сражение с Внутренними войсками (ВВ) НКВД — Гурбенский бой в Кременецких лесах (21—27 апреля 1944 г.). Путем допроса пленных повстанцев органы НКВД выяснили, что в Кременецких лесах дислоцируется курень УПА Владимира Лукащука-«Крапивы» и другие повстанческие подразделения. Силами 14 батальонов ВВ НКВД, казачьего полка и 16 легких танков начался охват и прочесывание лесов Кременецкого и

Шумского районов. С воздуха наносили удары штурмовики ИЛ-2, их осколочные бомбы и пушечно-пулеметный огонь наносили немалый урон и ощутимо деморализовали не имевших фронтового опыта повстанцев. Общее командование осуществлял начальник Управления ВВ НКВД Украинского округа генерал-майор Марченко.

Им противостояло несколько куреней Группы УПА-«Юг» Василия Кука (начальник штаба майор УПА Василий Процюк, начальник оперативного отдела штаба майор Николай Свистун). По словам В. Кука, в боях участвовало 10 тыс. повстанцев и 30—40 тыс. советских военнослужащих (в диаспорных публикациях по истории национально-освободительного движения называется соответственно 5 и 30 тыс.). В результате боя значительной части повстанцев удалось вырваться из кольца.

За время боевых действий «уничтожено свыше тысячи бандитов и четыреста бандитов пленено», бодро рапортовал в ЦК Тернопольский обком партии. Зато по данным НКВД, повстанцы потеряли уже 2018 убитыми, 1570 пленными (ВВ НКВД — 11 убитыми, 86 ранеными), 7 орудий, 15 минометов и даже исправный самолет У-2). Повстанцы признали 200 человек погибшими (что соответствует рекомендации делить на 10 реляции о потерях противника), зато в пропагандистских документах не забыли «уложить» 800 «краснопогонников». Поскольку нигде, как известно, так не врут, как на войне и охоте, попробуем разобраться с боевой статистикой Гурбенского сражения. Штатная численность батальона мотострелковой бригады ВВ НКВД составляла 713 человек. Даже если допустить, что в бой шли укомплектованные на 100% подразделения (что маловероятно в условиях непрерывных боевых действий), то численность ВВ не намного превышала 10 тыс. штыков и сабель. Численность повстанцев, конечно же, была, если выдерживать предложенное В.Куком соотношение 1:3—4, 2,5—3 тыс. бойцов (действовать крупными соединениями в условиях подавляющего военно-технического превосходства противника было для повстанцев смерти подобно).

По мнению современных научных изданий по истории ВВ, их потери в 1944-м составили 6% от потерь УПА, тогда признанные УПА 200 погибших повстанцев выглядят вполне допустимыми, а «нанесенные противнику потери» — также примерно в 10 раз завышенными.

Да и если суммировать советские данные, то выйдет, что все повстанцы (а то и больше) были перебиты или захвачены, в то время как часть их прорвалась. Свои же потери советская сторона, видимо, назвала точно — для сравнения: почти такая же по

численности группировка при проведении Станиславской антиповстанческой операции (весна 1945 г.) потеряла 13 человек убитыми и 19 ранеными.

Обращает на себя внимание и тот факт, что количество «ликвидированных бандитов» в несколько раз меньше трофейного оружия, видимо, в «боевые» успехи зачисляли и мирных жителей — всегда можно было списать на «бандпособников», или просто раздували статистику — ведь в Москве не проверишь. Впрочем, щепетильной правдивостью в подсчете убитых партизан отличались до поры до времени разве что немецкие карательные команды, указывая только достоверно обнаруженные трупы (потом стали дописывать и уничтоженных мирных селян).

Всего по «горячим следам» было подсчитано: в 1944—1945 гг. состоялось 8696 боев с УПА, погибло 19,8 тыс. повстанцев, включая 433 командира, в плен попало 17962 человека. Называется и цифра в 22 тыс. убитых и раненых советских военнослужащих. Статистика более поздних лет «хвалится» за этот же период почти 130 тыс. убитых, задержанных и сдавшихся повстанцев. Как говорится, без комментариев.

5.4. «Два медведя в одной берлоге»

В опубликованной журналом «Зона» статье-воспоминаниях о командующем УПА и лидере Провода ОУН(Б) в Украине Романе Шухевиче да и в других современных публикациях В. Кук тщательно подчеркивает, что между членами высшего руководства ОУН и УПА никаких противоречий и разногласий не существовало. Так ли это? Похоже, что традиция к облагораживанию «дел давно минувших дней» не обошла и Василия Степановича…

В информации НКВД УССР секретарю ЦК КП(б)У Н.Хрущеву от 20 ноября 1944 г. отмечалось, что рост потерь среди участников ОУН и УПА, осведомленность населения о связях руководителей движения с немцами вызывают отток рядовых участников повстанческого движения и сокращение его поддержки местным населением. В свою очередь, это стимулирует усиление карательных мероприятий «против уходящих из банд и населения, отрицательно относящегося к оуновцам». Ухудшение положения вызвало разногласия среди лидеров движения сопротивления, к которым добавились и личные трения между отдельными членами Провода ОУН(Б) в Украине (группой Н. Лебедя, В. Кука и М. Степаняка с одной стороны, Р. Шухевича и остальных членов Провода — с другой). В

частности, М. Степаняка Р. Шухевич еще в мае 1943-го отстранил от руководства подпольем Галичины, назначив вместо него своего ставленника Василия Охримовича.

Как сообщил на допросах арестованный УНКГБ по Ровенской области 2 августа 1944-го член Провода Михаил Степаняк («Лекс»), им, Николаем Лебедем и Василием Куком была инициирована конференция руководителей звеньев ОУН в Волынской, Ровенской и Тернопольской областях. Некоторые участники конференции предложили отмежеваться от ОУН, объявить Р.Шухевича главным виновником сотрудничества с немцами и вывести подполье упомянутых областей из-под руководства Провода ОУН. Решили, что новое крыло национал-патриотического движения будет называться Народно-освободительной революционной организацией (НОРО), а ее программу поручили составить имевшему законченное юридическое образование «Лексу», чем он и занимался до ареста. О создании НОРО объявили руководителям местных звеньев ОУН Волыни. Правда, в октябре 1944-го новая организация самораспустилась, однако концом разногласий между лидерами ОУН и УПА это не стало.

К слову, о судьбе единомышленника В. Кука. Получив в марте 1947-го 25 лет лагерей, М. Степаняк был 12 апреля 1961-го помилован Президиумом Верховного Совета УССР со снятием судимости. Выступил с заявлением об осуждении прежней «националистической деятельности» (тогда же КГБ организовал публичное «самобичевание» в СМИ около 200 бывших функционеров ОУН). Степаняка принимал для бесед заместитель председателя КГБ УССР генерал-майор Борис Шульженко, сторонник мягкой линии по отношению к идейным противникам коммунистического режима, носивший под официальным пиджаком украинскую вышиванку. «Лекс» признал, что ориентация то на нацистскую Германию, то на страны НАТО была политической ошибкой ОУН, и дивиденды от сотрудничества с Западом, полученные зарубежными центрами ОУН, не стоили жизней тысяч патриотов в Западной Украине. Как позитив оценил старый националист и знание украинцами русского языка, что позволяло им расширять свой культурный кругозор - «украинцы не потеряют свой язык, а последствия русификации будут преодолены». Скончался член Провода ОУН в 1967 г.

Интересные показания об отношениях между «генералом Чупрынкой» и «Лемишем» дала в МГБ УССР личная связная и любовница Р.Шухевича Екатерина Зарицкая: «Шухевич хотя обычно и давал высокую оценку «Лемишу» как энергичному и способному человеку, но всегда отмечал, что «Лемиш» не умеет и

не хочет с ним работать и всегда индивидуально решает все вопросы. В свою очередь, «Лемиш» как организационный референт Главного провода ОУН и руководитель оуновского подполья на Волыни, Подольском крае и на Востоке всегда тщательно берег свои организационные связи на этой территории и при решении тех или иных вопросов избегал советоваться с Шухевичем и даже устранил его от участия в руководстве ОУН в этих областях».

«Документальными данными установлено, — сообщала ориентировка органов госбезопасности, — что между Шухевичем и «Лемишем» существуют серьезные разногласия по организационным вопросам, которые вызвали личную неприязнь друг к другу». Захваченные подпольщики показали, что в 1947 г. «Лемиш» распорядился исключить из пропагандистских материалов лозунг «Да здравствует командир УПА Тарас Чупрынка!» (т.е. Р. Шухевич).

Зимой 1945-го В. Кук не допустил к личной встрече связную Р.Шухевича «Анну» (Галину Дидык), да еще и направил своему шефу письмо с упреками в нарушении установленных правил конспирации линий связи. Летом 1947-го «Лемиш» не пустил своих подчиненных на проводимое Р. Шухевичем совещание в Рогатинских лесах Карпат и не реагировал на распоряжения «Чупрынки» сдать командование движением сопротивления на вверенной ему территории. Конспиратор до мозга костей, В. Кук сурово выговаривал Р. Шухевичу за опасные и дерзкие поездки на кардиологическое лечение в Одессу в сопровождении «Анны» в 1948-1949 гг. (критику «Лемиша» «Чупрынка» воспринял близко к сердцу).

Думается, сказывалась и социально-психологическая несовместимость двух лидеров. Роман Шухевич, в отличие от «черной кости» Василия Кука, представлял галицкую элиту, пусть и скромного уровня (насколько цесарская и польская власть позволяли национальному большинству региона подниматься по социальной лестнице). Происходил из рода священников, дядя — известный адвокат, сам владел рекламной фирмой. Перед польским судом за участие в террористической деятельности один из родственников советовал Роману: «Держись гордо, чтобы голота видела, кто тут пан!». Совет, видимо, запомнился. Как свидетельствовал член Провода ОУН Михаил Степаняк, Шухевич свое отношение к общественному устройству нередко выражал словами: «Хлоп не смеет политиковать».

Правда, обоснованные претензии были к В.Куку и у командарма УПА. Так, по словам командующего Группою УПА «Запад» Александра Луцкого, поскольку Провод ОУН официально

выступал против контактов с немцами, в январе 1944 г. за переговоры с немцами о ненападении угроза наказания нависла над командиром УПА «Юг» «Лемишем», и его спасли только большие личные заслуги. Р. Шухевич обвинял подчиненного и в том, что при его попустительстве на Волыни произошла массовая физическая «чистка» Службою безопасности ОУН рядов подполья, приведшая к его расколу. Но это отдельная страница биографии В. Кука.

5.5. На вершине повстанческого Олимпа

О реальном влиянии В. Кука на формирование основ деятельности ОУН(б) убедительно говорит то, что именно он стал одним из ведущих инициаторов и разработчиков коренных изменений в программу организации, принятых на III Большом Чрезвычайном сборе в августе 1943 г.

В «Программных постановлениях» Сбора выдвигался лозунг борьбы «против империалистов и империй» — как против СССР, так и против «немецкой «Новой Европы». Стратегической целью деятельности националистического движения провозглашалось создание Украинской Самостийной Соборной Державы (УССД), обеспечение права народов на самостоятельное государственное существование и строительство, справедливого политического и социального строя.

В качестве магистрального пути рассматривалась «революционная борьба» украинской нации в союзе с другими порабощенными народами против «империализма Москвы и Берлина» с перспективой возрождения национальных государств. ОУН провозглашалась единственным последовательным политическим предводителем национально-освободительного движения. Целесообразно детальнее остановиться на представлениях националистов об устройстве будущей УССД.

В аграрной сфере декларировалось, что земля является собственностью народа и власть не станет навязывать селянству определенной формы пользования ею. Допускалось как индивидуальное, так и коллективное землевладение. Аграрные ресурсы (помещичьи, монастырские и церковные земли) должны были бесплатно перейти крестьянству.

Ряд пунктов программного документа определял порядок организации промышленного производства и социальные гарантии рабочих. Предусматривалась национализация крупной промышленности и «кооперативно-общественная» форма собственности для мелкой. Говорилось об участии рабочих в

управлении производством и получении ими части прибыли (в кооперативном секторе) и премий (на государственных предприятиях). Не обошлось, конечно, без наивных тезисов об устранении «комиссарско-партийного принципа» управления промышленной сферой, хотя, как бы ни назывался этот «принцип», для реализации своих требований правящей ОУН пришлось бы укрощать рыночную стихию именно комиссарскими рычагами. Трудящимся гарантировались свободный выбор профессий и места работы, свобода профсоюзов, 8-часовой рабочий день. Запрещалось привлекать женщин на тяжелые и вредные производства. Предлагалось внедрить государственную систему защиты материнства, пенсионное обеспечение и поддержку инвалидов труда.

Наряду с государственной торговлей разрешалась кооперативная и частная торговля, создание добровольных ремесленных артелей.

Говорилось об обязательном среднем образовании, свободном доступе молодежи к высшему образованию, обеспечении студентов стипендиями, общежитиями и учебными материалами, создании условий для умственного, культурного и физического развития новых поколений. Подчеркивалась необходимость развертывания широкой сети культурно-просветительных учреждений, укрепления интеллектуального слоя нации, государственной поддержки интеллигенции.

В Украинской державе предусматривалось ввести систему бесплатного здравоохранения и отдыха. Гарантировалась свобода печати, слова, убеждений, вероисповедания, отделение церкви от государства. Национальные меньшинства имели бы полные права на развитие собственной культуры и равные с украинцами гражданские права.

Иначе как гибридом социалистической и социал-демократической идеологией программу назвать трудно. Ее выдвижение красноречиво свидетельствовало, что наиболее гибкие представители руководства ОУН, ознакомившиеся к тому же с настроениями, предпочтениями населения индустриальных регионов и колхозного крестьянства, поняли — иная перспектива массовой поддержки соотечественников не обеспечит. По горькой иронии истории в бескомпромиссном противоборстве на Западной Украине сошлись движение с подобными программными установками и государство, во многом их уже реализовавшее. Драматизма ситуации придавало и то, что вооруженное подполье ОУН в послевоенный период, стремясь к срыву советизации как условию борьбы за самостийность Украины, объективно препятствовало претворению в жизнь

лозунгов, полностью ими же разделяемых.

Пройдя через этап «мобилизационного социализма», трагическими страницами которого стали голодоморы, массовые незаконные репрессии, ограничение де-факто гражданских свобод, закрепленных в «сталинской конституции», материальные лишения и внеэкономическое принуждение (ГУЛАГ, «прикрепление к земле» колхозников), советский строй быстро (по меркам исторического времени) эволюционировал к обществу социальной защищенности и достаточно высокого уровня жизни (более зажиточного, чем у 85% населения планеты, достигнутого без тех источников роста, что у «золотого миллиарда» — наследников колониальных империй, ибо, по подсчетам всемирно известного историка Ф. Броделя, из одной только Индии Англия выкачала треть средств на индустриализацию). К 1991 г. личные сбережения советских людей составляли 372 млрд. рублей (50 млрд. долларов по курсу 2001 г.), из них 116 млрд. рублей сбережений были отняты у населения Украины теми, кто громче всех кричал о «святости, неприкосновенности частной собственности».

Уже в 1949 г. Нобелевский лауреат Альберт Эйнштейн констатировал: «Я убежден, что имеется единственная возможность устранить эти тяжелые дефекты (капиталистической системы, — *Авт.*) — посредством установления социалистической экономики, дополненной системой образования, ориентированной на социальные цели. В этом типе экономики средства производства находятся в руках общества и используются в плановом порядке. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с общественными потребностями, распределяя работу между всеми, способными работать, и гарантирует существование всем людям, всем женщинам и детям. Воспитание личности, кроме того, чтобы стимулировать развитие ее внутренних способностей, культивирует в ней чувство ответственности перед согражданами, вместо того, чтобы прославлять власть и успех, как в нашем нынешнем обществе».

К концу 1950-х ликвидируется ГУЛАГ, еще раньше — внесудебные преследования. 300 осужденных за 20 лет диссидентов (ставших, во многом, заложниками наступательной «психологической войны» Запада против СССР) уже не шли в сравнение с сотнями тысяч незаконно осужденных к пресловутой высшей мере наказания. Лучшим реальным показателем состояния межнациональных отношений стал неуклонный рост браков между людьми разных национальностей — в ЗАГС решениями партийных съездов не загонишь (в 1959 г. число

смешанных национально браков на тысячу семей в Украине составляло 150, в 1989-м - 253).

Колхозная система, которую обличал В. Кук в книге «Колхозное рабство», обеспечила СССР к 1980-м годам 6—7 место в мире по качеству питания при рискованном земледелии (по данным ФАО -Всемирной организации продовольствия).

Действительностью стали высокий технологический уровень, совершенная и гуманистическая система образования и культуры — во главе «внутренних ударных отрядов» разрушения советского строя шли вовсе не уцелевшие повстанцы, а люди, получившие от него, помимо бесплатного образования, звания академиков и Государственные премии (в том числе — за неустанное бичевание «бандеривських ризунив»), высокие посты в науке и писательских организациях, гарантированные тиражи книг и полный набор благ из общественных фондов потребления. Им активно сочувствовала масса интеллигентов, немало из которых сейчас сменили НИИ и университетские кафедры на киоски с сигаретами и презервативами.

«На этом пути, — пишет известный современный мыслитель Сергей Кара-Мурза, — советский строй добился признанных всем миром успехов, в СССР были устранены главные источники массовых страданий — бедность, безработица, бездомность, голод, преступное, политическое и межнациональное насилие, а также массовая гибель в войне с более сильным противником. Ради этого были понесены большие жертвы, но уже с 60-х годов возникло стабильное и нарастающее благополучие».

Показателем эволюции советского строя стала и судьба самого Василия Степановича. При всех перенесенных страданиях, он быстро адаптировался к окружению советских людей. Как отмечалось в документах органов госбезопасности, с оперативными работниками КГБ уже амнистированный «Лемиш» ведет себя недружелюбно, всячески уклоняется от бесед «на заданные темы», зато с коллегами и окружающими его членами новой исторической общности людей (с новыми социальными и поведенческими установками, но отнюдь не с единой национальной принадлежностью) держится приветливо, по-товарищески. И если В.Куку угрожала гибель в бою или расстрел по воле ретивых партийных функционеров, то уже сын командарма, пройдя через спецдетдом, получил престижное университетское образование, пошел в науку.

Водоразделом между В.Куком, его соратниками и советской властью стали, видимо, два момента — стремление к подлинной государственной независимости Украины и протест против насилия при проведении форсированной интеграции

цивилизационно своеобразной Западной Украины в советскую систему (увы, но опыт всех форсированных модернизаций, включая построение капитализма в феодальной Европе, обходился крайне дорого европейцам и еще дороже народам нынешнего «третьего мира»).

…В 1944 г., на совещании членов Провода ОУН(б) в Одесском лесу на Львовщине В. Кук вновь вводится в высший руководящий орган национально-освободительного движения как организационный референт. «С 1945 года, — пишет в автобиографии Василий Кук, — я непосредственно руководил деятельностью ОУН на Восточно-украинских землях, в Подольском крае, а после смерти Проводника Северо-Западных Украинских Земель «Клима Савура» также и на Северо-Западных Украинских Землях, и все время постоянно находился в этих местностях».

Несмотря на разногласия с Р.Шухевичем, военно-политический опыт и способности руководителя заслуженно обеспечивали В.Куку второе по значению место в иерархии движения самостийников-державников, как именовала себя бандеровская фракция ОУН. Кроме руководства подпольем Волыни, Подолья и Востока Украины, подразделениями УПА на этой территории, он с 1947 г. являлся заместителем Р.Шухевича как по командованию повстанцами, так и в Проводе ОУН(б) в Украине.

11—15 июля 1944 г. в лесу близ села Лужок-Горышний Турковского района Дрогобычской области под охраной бойцов УПА проходит Учредительное собрание Украинской главной освободительной рады (УГОР) — надпартийного демократического высшего руководящего органа национально-освободительного движения (своеобразный предпарламент). УГОР призывалась руководить борьбой «против московско-большевистского и немецко-гитлеровского империализмов, за создание Украинской Самостийной Соборной Державы вплоть до создания органов независимой государственной власти в Украине». Принимаются Платформа, Устав и Универсал, избирается Президиум, куда вошли и не связанные с ОУН общественно-политические деятели. Президентом УГОР избрали бывшего члена Украинской Центральной Рады 1917-1918 гг., политзаключенного 1930-х гг. Кирилла Осьмака. 13 сентября 1944-го К. Осьмака арестовали, в рядах УПА погибла его дочь Ляля. Как сообщал в июле 1955 г. внутрикамерный агент — сосед по Владимирскому централу, — первый президент УГОР «остается убежденным националистом, сторонником целиком самостоятельной, независимой Украины, против любого

объединения с Россией… Осьмак говорит, что отдал жизнь украинскому народу, за счастье которого боролся — это было и остается целью его жизни». Там же во Владимирской тюрьме для «политических» он и умер 16 мая 1960 г.

В конце 1944-го 20 из 25 членов Президиума УГОР уходят за границу, образовав там Закордонное представительство УГОР (ЗП УГОР) во главе с греко-католическим священником Иваном Гриньохом. Главой же Генерального Секретариата (предправительства) УГОР становится Р. Шухевич, а его заместителем — В. Кук. После гибели «генерала Чупрынки» 5 марта 1950-го В. Кук занимает место председателя Генерального Секретариата, превращаясь в одну из ключевых политических фигур движения сопротивления, претендентом на высшие государственные посты в эвентуальной Украинской державе.

Основной резиденцией «Лемиша» в заключительный период войны служило село Дермань Мизочского района Ровенской области. Вокруг мест пребывания руководства ОУН и УПА Служба безопасности вводила усиленное агентурное обеспечение. Референт СБ Василий Андрощук («Вороной») создал плотную агентурную сеть и перебросил несколько боевок СБ в Дермань, где с осени 1943 по начало 1945 г. находились известные повстанческие командиры Дмитрий Клячковский, Василий Кук, Яков Бусел, Петр Олейник, шеф СБ ОУН Николай Арсеныч, начальник тыла УПА Ростислав Волошин (по одной из версий, последний был негласно ликвидирован СБ как противник ее неограниченных полномочий). Однако нельзя не признать, что действия ретивых эсбистов в этом населенном пункте привели к известной «Дерманской трагедии» — по данным местных властей и КГБ в 1944-1948 гг. в селе эсбисты уничтожили около 450 человек, из которых лишь 28 были советскими военнослужащими.

В сентябре 1955-го один из последних нелегалов ОУН в Волынской области «Борис», боевик охраны местного руководителя подполья «Рыжего», сдался органам госбезопасности, сам ликвидировал своего патрона и выдал три молочных бидона с архивами подполья. Захваченные материалы свидетельствовали, что Дерманская резня стала следствием спланированной референтурой СБ на Волыни акции запугивания и ликвидации подозрительных. В 1957 г. извлеченные из колодцев и братских могил останки жертв были торжественно перезахоронены, а В. Андрощук, разоблаченный показаниями выживших очевидцев, на открытом судебном процессе в Дубно в 1959-м признал, что лично совершил 73 убийства.

Позднее, в 1960-х, материалы о Дерманской трагедии приобщили к подборке «компрометирующих материалов» на В.

Кука (тогда уже помилованного Президиумом Верховного Совета СССР), призванных лечь в основу повторного возбуждения, в случае политической целесообразности, против него уголовного дела. При этом каких-либо определенных доказательств личной причастности «Лемиша» к гекатомбам волынского села не приводилось. Сомневаться же в исходе судебного процесса не приходилось, однако он не состоялся — к этому эпизоду мы еще вернемся.

5.6. Трагедия «чисток»

Тяжкие последствия для боеспособности УПА и подполья ОУН принесли физические «чистки», развернутые в УПА Службой безопасности начиная с 1943 г. По словам члена Провода ОУН(б) Михаила Степаняка, распоряжение о «чистке» в УПА отдал «Клим Савур» в конце этого года. В дальнейшем внутренние репрессивные кампании неоднократно повторяются. Их причиной руководители движения ОУН и УПА называли, прежде всего, необходимость избавления от агентуры противника и «ненадежных элементов». Инициаторами «чисток» могли выступать не только высшие проводники, а и руководители региональных формирований ОУН и УПА. Так, 3 марта 1944-го организационная референтура Краевого провода на ЗУЗ среди основных задач указывает на устранение ненадежных участников, а также лиц неукраинского происхождения. Такая же установка содержалась и в приказе командующего УПА «Запад» Василия Сидора № 12 от 28 апреля 1945 г.

Несомненно, ведущей причиной «чисток» следует считать возрастание эффективности агентурно-оперативной работы органов госбезопасности (в том числе - и с позиций партизанского движения), которые быстро приобретали опыт действий в условиях региона. В 1944—1945 гг. количество оперработников НКВД-НКГБ на ЗУЗ достигло 22 тысяч. Агентурно-информационный аппарат включал 359 резидентов, 1473 агента, 13085 информаторов (по тогдашней чекистской практике информаторы поставляли соответствующие сведения, а агенты непосредственно привлекались к активным оперативно-розыскным мероприятиям). Оперативно разрабатывалось почти 400 повстанческих формирований (до 6 тыс. участников). Упор делался на создании позиций спецслужбы непосредственно в повстанческой среде, целенаправленном ее разложении, включая компрометацию «бандглаварей» через агентурно-оперативные комбинации.

То, что подготовка и засылка агентуры в районы действий подполья ОУН поставлена «на конвейер», не составляло секрета для контрразведчиков СБ. Немало сведений о профессиональных методах органов госбезопасности выведывалось у захваченных советских разведчиков, которых готовили для работы на Западной Украине на спецкурсах в Москве, Киеве, Горьком, Ульяновске, Коломне и других городах. Сохранился составленный эсбистами как учебное пособие томик материалов о разработке следователями СБ выпускника специальной школы № 2 МГБ УССР некоего Байды. Достаточно долго он излагал свою легенду — дескать, сын раскулаченных, попал к одесской шпане (даже пел знаменитую «Мурку», добросовестно записанную эсбистами), приехал в Галичину на заработки (действительно, в регион хлынуло немало жителей Востока Украины, «заробитчан», а затем и спасавшихся от голодомора 1946—1947 гг.). Постепенно, действуя то «рукой», то уговорами, то изобличением противоречий в показаниях, эсбисты «слой за слоем» снимали наносное, обещали сохранить жизнь и наконец «раскололи» Байду. Для поощрения к откровенному разговору подследственному щедро давали кружку спирта.

Разведчик поведал, что законченное им учебное заведение до войны находилось в Москве, а затем эвакуировалось в Куйбышев, подготовив за годы войны 240 диверсантов и радистов для зафронтовой работы. В Киеве же оно работало в режиме 3-месячных курсов для подготовки негласных сотрудников госбезопасности для действий в Западной Украине. В спецшколу набирали мужчин 28-40 лет, овладевавших ремеслом портного, жестянщика, столяра, сапожника, чтобы без подозрений оседать в селах и общаться с широким кругом людей. Основными предметами были «Как распознать подпольщиков и следить за ними», «Устройство крыивок» (конспиративных убежищ подпольщиков), «Легенды». Курсанты пребывали на положении военнослужащих. Получали содержание в 300 рублей и полное гособеспечение, жили и питались в старом здании школы. О быте подопечных заботился старшина Иванов, водивший их в баню и ежедневно устраивавший беседы «о товарищеском поведении». До 18 часов курсанты посещали занятия под руководством офицеров и занимались самоподготовкой, в полночь объявлялся отбой. Учеба завершалась экзаменом и торжественным обедом с пивом, выпускник получал полкило консервов и буханку хлеба, 300 целковых, инструменты для работы по специальности прикрытия и отбывал в назначенный район мятежной Галичины. Байда в конце «работы» с ним припомнил свои украинские казацкие корни и сожалел о работе на «советы», объявленный ему суровый

приговор встретил спокойно…

Во-вторых, давали о себе знать значительные потери «лесной армии» в боях с крупными контингентами регулярных войск, усиленных оперативным составом, истребительными батальонами из местных жителей, агентурно-боевыми группами и «вооруженным активом». Части и соединения Внутренних войск были отлично оснащены боевой техникой и тяжелым оружием. Так, по штату мотострелковая бригада войск НКВД имела 4025 штыков, 50 легких танков, 50 бронемашин, 335 автомашин, 45 минометов и 30 станковых пулеметов. Применялась и штурмовая авиация, бронепоезда.

Наконец, советские партийные и властные структуры создавали условия для отрыва от подполья его участников и активных помощников. 12 февраля 1944 г. выходит обращение Президиума Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров «К участникам так называемых УПА и УНРА» с предложением амнистии и социальных гарантий участникам сопротивления, сложившим оружие. 12 февраля 1945 г. подобное обращение повторили, а за год мирными инициативами воспользовались свыше 30 тыс. человек (что лишний раз подчеркивает массовый состав антисоветского движения сопротивления).

Активно действовала и советская пропагандистская машина. К маю 1945-го в регионе работало 3,5 тыс. агитационных коллективов, роздано 20 млн. листовок, 1 млн. газет, 100 тыс. брошюр. Распространялись листовки-обращения от имени пленных командиров УПА (например, захваченного в конце января 1945 г. командира одного из соединений УПА на Волыни Юрия Стельмащука) с компрометацией предводителей повстанческого движения (в том числе апеллируя к их контактам с немцами и бессмысленным «чисткам») с призывами сдать оружие.

Итак, существовала объективная необходимость защиты повстанческих рядов от разведывательно-подрывной деятельности спецслужб противника. Эффективность работы СБ ОУН неоднократно признавали противники, рассматривая ее как один из основных факторов длительности и упорства подпольной борьбы. В мае 1943-го контрразведчики повстанческой армии разоблачили группу советских разведчиков. «Мы недооценили силы вашей Службы безопасности, — заявили они, — мы думали, что будет легче работать среди вас, чем среди глупых немцев, и ошиблись». По признанию польского полковника Я. Герхарда, их агентурная разведка в среде повстанцев «не дала никаких положительных результатов».

Наряду с этим специфика деятельности СБ (часто вопреки

установкам руководства ОУН, приказам командования УПА и элементарной служебной целесообразности) нанесла ощутимый урон повстанческой борьбе. По свидетельству одного из руководителей подполья ОУН (А. Мельника) Олега Штуля, нормальному процессу управления повстанческими подразделениями препятствовало чрезмерное вмешательство эсбистов в боевое планирование. Жесткая система контроля «загнала оппозицию под землю. Никто откровенно не осмеливался высказывать никакой критики… Глупейшие и ужасные приказы выполнялись».

Боевые и вспомогательные повстанческие подразделения были густо пронизаны агентурой СБ УПА. В отчете одного из руководителей повстанческой контрразведки «Аскольда» (первая половина октября 1943 г.) говорилось, что в сотнях «Негуса» и «Макса» соединения «Богун» (Группа УПА «Север») из 220 стрельцов в агентурную сеть СБ привлечено 26 человек (2 сотенных, 6 взводных и 18 «роевых» командиров), в медицинском подразделении — 1, санитарной школе — 2 человека. О чрезвычайно широких полномочиях СБ свидетельствует приказ командующего УПА Группы «Север» № 27 от 14 января 1944 г.: все воины, независимо от служебного положения, должны сотрудничать с СБ, требования которой имеют безоговорочный характер. Аппарату СБ предоставлялась полная свобода действий. Организационная инструкция повстанцев, подготовленная в связи с приходом советских войск (не раньше марта 1944) определяла СБ как «ведущий участок» движения сопротивления, настаивала на том, что весь актив ОУН и УПА должен с нею сотрудничать и безусловно выполнять все поручения эсбистов. Командиры и руководители, принимавшие новых участников ОУН и УПА без предварительной проверки их СБ, приравнивались к «явным врагам».

Понять сложившуюся ситуацию вряд ли возможно без учета общей атмосферы тогдашнего лихолетья. По словам участника повстанческого движения на Волыни Михаила Подворняка, «не было тогда у людей никакого милосердия, не было наименьшей искры совести, так как люди превратились в зверей. Казалось, что дьявол со своей темной силой восстал из бездны и овладел человеческими сердцами… Наиболее запомнилось нам бандеровская СБ… Этих двух букв наши люди боялись не меньше чем НКВД ли Гестапо, так как кто попал в их руки, живым уже не выходил. Свою жестокость они объясняли тем, что теперь война, революция, которая требует жесткой руки, твердой власти. Но это не было оправданием, так как садисты всегда являются садистами, и во время войны и в мирное время». Автор

усматривает в терроре СБ одну из причин разложения повстанческих рядов: «Через некоторое время много наших хлопцев, служивших в УПА, бежали домой. Они были идейными хлопцами, пошли в УПА из патриотических побуждений, из чувства национального долга, но теперь не могли согласиться с тем, что делалось в самой УПА, не хотели поднять руку на своего брата и разочарованные пошли домой».

Атмосфера шпиономании и внутреннего террора удачно использовалась чекистами для внесения раздора между повстанцами, компрометации их командного состава. Как отмечалось в специальном сообщении НКГБ УССР (март 1945 г.), вследствие усиления разложения в подразделениях УПА и дезертирства значительно активизировалась террористическая деятельность СБ против «капитулянтов». Это обстоятельство, наряду со специальными агентурными мероприятиями, … вызывают брожение и разложение в их рядах», рост настроений в пользу нецелесообразности и бесперспективности дальнейшей борьбы с советской властью. Сама Компартия (большевиков) Украины настаивала на активном применении провокационных методов компрометации и раскола подполья и УПА. Например, прямо предписывалось возводить подозрение в сотрудничестве с НКВД на зажиточных крестьян с целью ликвидации их руками СБ.

Однако было бы несправедливым не замечать, что эсбисты несли значительные потери в ходе боевых действий. В перечне погибших тактического участка УПА «Черный лес» (Группа УПА «Запад») за сентябрь 1944 — июль 1945-го из 30 погибших в боях 12 были сотрудниками СБ. Об активном участии в боях сотрудников СБ и полевой жандармерии вспоминает участник УПА Юрий Борец.

Однако «чистки» приобрели неадекватный масштаб. По словам подпольщицы Марии Савчин, уже в 1944 г. советские органы госбезопасности имели сильные позиции в среде УПА, однако «не всюду и не в каждом случае Служба Безопасности сориентировалась в коварной тактике агентов, и при ликвидации агентов порой становились жертвами невинные люди», ситуация из «критической переросла в трагическую».

Заметим, что осуществление «чисток» не предусматривало обязательного физического уничтожения подозрительных лиц, тем не менее по инициативе отдельных руководителей СБ ликвидация «ненадежных элементов» становилась самоцелью, основным методом противодействия реальной или вымышленной агентуре, теряла рациональную обоснованность. Николай Козак («Смок»), который возглавлял СБ в Группе УПА «Юг» и на Северо-Западных украинских землях, в конце 1944-го отдал приказ

поголовно уничтожать подозрительных, в том числе среди руководящего состава. О стиле работы этого эсбиста красноречиво свидетельствует его распоряжение сжечь «нелояльное» село Боривку Деражнянского района Ровенской области, дабы отомстить за гибель «Клима Савура».

О направленности террора СБ можно, например, узнать из отчета референтуры СБ военного округа УПА «Заграва» (15 сентября— 15 октября 1943), которая ликвидировала 50 «сексотов», 18 коммунистов, 5 немецких информаторов, 33 поляка, двух немцев, еврея и голландца.

Масштаб и механизм внутреннего террора иллюстрируют репрессии в Группе УПА «Юг». По словам политического референта провода ОУН на Волыни Николая Мельника (24 сентября 1945 г. он был со следами пыток отбит у эсбистов оперативно-войсковой группой НКВД на Ровенщине), его обвинили в развале работы в восточных областях и передали в СБ. Следователи Н. Козака выбивали из него «свидетельства» о «засоренности» командного состава советской агентурой. Лжепоказания спровоцировали «чистку», уничтожившую к маю 1945-го до 40 повстанческих командиров (среди них — начальник штаба Группы «Тырса», политический референт «Архип», начальники школ минеров и медсестер, несколько куренных командиров и инструкторов). Почти полностью истребили подразделения «Матроса», «Черных гайдамаков», «Крут», немало членов семей этих повстанцев.

По данным источника НКГБ «Прасковьи», в конце 1944-го на пункте связи в лесном массиве Вербского района Ровенской области состоялось совещание с участием В. Кука, его заместителя «Вереса», и.о. командующего УПА «Юг» Петра Олейника («Энея»). Рассматривался вопрос «чистки» через СБ руководящих кадров ОУН и УПА. Упомянутые руководители опрашивали командный состав УПА, определяли круг лиц с «предательским расположением духа», которые в дальнейшем уничтожались.

Общее количество жертв репрессий среди повстанцев составляло тысячи людей. Доведенные до отчаяния бессмысленными преследованиями, повстанцы поворачивали оружие против боевок СБ (БСБ). Так, в январе 1945 г. в лесном массиве близ поселков Любиковичи и Марьяновка Сарненского района Ровенской области состоялся настоящий бой отряда УПА и БСБ, с жертвами с обеих сторон. 18 пленных эсбистов повесили, а остальных расстреляли. Перед этим повстанцы принудили эсбистов на общем сходе крестьян «рассказать об их террористической деятельности и содеянных зверствах над

местным населением», сообщала агентура НКГБ УССР.

Известно о подразделениях УПА «Адама» и «Слюсара», разоружавших СБ и военно-полевую жандармерию, защищавших от них население. В подчиненной В.Куку Группе УПА «Юг» возник заговор командиров против произвола СБ, участниками которого стали начальник старшинской школы «Хмара» (руководитель), куренные командиры «Недоля», «Шрам» и другие. Однако мятежников разоблачили, «Хмару» повесили, ряд его сообщников расстреляли. Член краевого руководства «Камень», избежавший расправы, создал на Кременетчине (где СБ уничтожила до 60 лучших командиров повстанцев) группу для ликвидации Н. Козака, изобретателя орудия пыток «станок».

Проводя весной 1945-го расследование деятельности СБ и узнав о методах, которыми действовал «Смок», отмечается в документе НКВД, член Провода ОУН «Коваль» (В. Кук) заявил: попади он на «станок» к этом эсбисту, то признал бы себя «абиссинским негусом». Впрочем, «Смок» стал жертвой собственной же лютости. Став с февраля 1945-го краевым проводником ОУН на Северо-Западных украинских землях, он имел обыкновение уничтожать по ложным обвинениям подпольщиков, строивших ему конспиративные убежища. В конце-концов его охранник «Черный», дабы избежать верной гибели, сдался властям и навел на шефа оперативно-войсковую группу МГБ. 8 февраля 1949 г. в селе Петушкив на Ровенщине кавалер Золотого креста заслуги ОУН Н. Козак застрелился при попытке задержания.

Помимо неравного противостояния с мощной советской оперативно-войсковой группировкой, серьезной проблемой, с которой столкнулся В. Кук, стал раскол в подполье ОУН Волыни. Упомянутая вакханалия жестокости СБ вызвала настоящий раскол подполья ОУН на вверенной «Лемишу» территории Волыни, Полесья и Подолья. В знак протеста против неоправданного внутреннего террора подчиненный В. Кука Степан Янишевский («Далекий») с весны 1945 г. развернул подготовку обособления краевого провода ОУН «Одесса» (Ровенская и часть Тернопольской областей) от подконтрольного Н. Козаку провода Северо-Западных украинских земель.

По словам прибывших разобраться с «сепаратистами» сотрудников СБ «Модеста» и «Волка», мятежный лидер не верил в размах работы советской агентуры («агентура — болезненная выдумка нездоровых людей»), в духе вольницы Гуляй-Поля запрещал брать в контрразведывательную разработку жителей «республики командира Далекого» и «не выполнил приказа о ликвидации схидняков» (повстанцев - уроженцев Востока

Украины). 5 декабря этого же года провозглашается организационная самостоятельность провода, действовавшего в 15 районах Ровенской и смежных областей. В междоусобных столкновениях враждующих проводов погибло до 120 членов ОУН.

Суд ОУН 25 августа 1948 г. приговорил С. Янишевского к «смертной казни без права реабилитации». Однако 13 августа «Далекий» раненым попал в плен к оперативно-войсковой группе МГБ. На допросах, в частности, дал показания о бесчинствах СБ как причине раскола подполья Волыни: «Самым распространенным методом пыток был так называемый «станок». Работники СБ связывали своей жертве руки, закладывали их ниже колен, связывали ноги, а затем между связанными руками и ногами вставляли крепкую палку и вешали ее со своей жертвой на два колья. Затем допрашиваемого избивали палкой по ступням ног и ягодицам и требовали сознаваться в сотрудничестве с органами МГБ-МВД. Безусловно, таких пыток «допрашиваемые» не выдерживали и, стремясь скорее умереть давали угодные эсбистам «показания». Считаю, что изобретателем «станка» был «Смок», ибо впервые он начал применяться на территории края «Одесса», «Омельком», ранее работавшим в подчинении «Смока».

Расстреляли С. Янишевского 29 ноября 1951-го по приговору военного трибунала ПрикВО. В соответствии с действующим законодательством Украины в реабилитации ему было отказано — к уголовному делу приобщены справки местных органов власти об уничтожении боевиками «Далекого» более тысячи гражданских лиц в ходе действий подполья по срыву мероприятий советской власти.

Тут будет уместным вспомнить о вышедших недавно 44 и 45-м томах «Літопису УПА» (так называемая «канадская серия»), в которых, вопреки предостережениям профессиональных архивистов, опубликовали протоколы допросов Службою безопасности ОУН лиц, обвиненных ею в негласном сотрудничестве с органами госбезопасности. Действительно, несложно представить моральную травму, нанесенную потомкам людей, которых в атмосфере шпиономании эсбисты зачастую безосновательно выставили «сексотами» (таковые, как правило, ликвидировались).

Не ставя под сомнение размах привлечения информаторов и агентов органами госбезопасности, укажем: большинство людей, попавших под маховик репрессий СБ, никакого отношения к советским спецслужбам не имело. Так, при допросе сотрудником СБ «505-м» (Белорусский окружной провод ОУН) захваченного агента-боевика «Назара» последний назвал 19 фамилий агентов.

Из них, как выяснилось при анализе протоколов допросов в МГБ, таковыми в действительности оказалось лишь шестеро (чем не красноречивый КПД работы эсбистов).

Фальсификация материалов следствия приобретала немалые масштабы. Так, в 1946—1947 гг. шеф Закарпатского окружного провода «Тымиш» и референт СБ «Летун», желая оправдать отсутствие успехов в работе среди местного населения, обвинили членов провода в сотрудничестве с МГБ. Сфабриковав протоколы, они казнили большинство членов провода. Затем охранник проводника убрал «Летуна», сам «Тымиш» расстрелял своих боевиков, кроме двоих, с которыми и отправился в Галичину, представив там руководству фальшивые протоколы допросов «зрадныкив». И подобные типичные документы (только с Подолья) явили общественности как истину в последней инстанции!

Зная методы получения СБ признательных показаний (не менее жуткие, нежели у «сталинских опричников» — и у тех, и у других, например, существовали понятие «конвейера» при допросах, а также степеней устрашения подследственных), систему приписок перед вышестоящими референтами СБ, можно с полным основанием утверждать, что большинство репрессированных контрразведкой подполья граждан стали жертвами ложных обвинений. «Літопис УПА» фактически же подтвердил «обоснованность» этих эксцессов, заодно продемонстрировав отсутствие не только принципов морали, гражданской ответственности, но и источниковедческих навыков анализа документов того страшного времени (представьте резонанс от публикации «за чистую монету» уголовных дел на невинных жертв сталинского «Большого террора», эдаких сплошь японских и польских шпионов). Составители томов подчеркивали, что являются принципиальными противниками цензуры при публикации исторических документов, но не утруждали себя обстоятельными пояснениями специфики их появления.

Размышляя над проблемой «чисток», в немалой степени сокративших существование самого антисоветского движения сопротивления, трудно не согласиться с выводами известного богослова, диакона Андрей Кураєва: «Постоянная жизнь в подполье накладывает неизгладимый след на психику человека. В условиях многолетнего и безысходного подполья люди неизбежно мутировали. Если жить в состоянии страха и напряжения от того, что все кругом доносчики и предатели, то через несколько лет начинаются необратимые процессы».

Действительно, широкое применение насилия (особенно в «войне без линии фронта») неизбежно открывает простор для

худших качеств человеческой натуры, патологических личностей, в нормальное время «загнанных в подполье» силою закона и морали. Бескомпромиссное противостояние на Западной Украине лишний раз подтвердило эту печальную закономерность братоубийственной войны.

5.7. Новое назначение

С 11 января по 10 апреля 1946-го войсками МВД и армейскими частями при содействии органов госбезопасности осуществляется масштабная антиповстанческая операция, известная в литературе как «Большая блокада». Практически все населенные пункты Западной Украины заняли гарнизоны армии и ВВ. Мобильные группы проводили облавы в горно-лесистой местности. По разным оценкам, силы движения сопротивления сократились на 40—60%.

Большие потери привели к изменениям в тактике ОУН и структурной реорганизации УПА, минимизации ее боевых выступлений, сокращению численности повстанческих сил, которые в период наибольшей активности достигали нескольких десятков тысяч активных штыков. По советским данным, на 1 апреля 1946-го в УПА находилось 3735 воинов. Во второй половине 1945 — начале 1946-го повстанческие подразделения большей частью сливаются с сетью вооруженного подполья под политическим руководством ОУН(б), которое в следующем десятилетии выступает ведущей формой антисоветского движения сопротивления в Западной Украине.

28 августа 1949 г. УГОР постановила приостановить деятельности УПА. На его основании издается приказ по УПА № 2 от 3 сентября 1949-го о временном приостановлении деятельности подразделений и штабов повстанческой армии. Вскоре кольцо сжимается вокруг объекта розыскного дела «Волк» — Романа Шухевича, за которым «охотилось» одновременно 700—800 оперативников МГБ УССР. Через ловкую комбинацию с применением агента гестапо, а затем и НКВД-МГБ «Розы» у арестованной связной «Чупрынки» Дарьи Гусяк удалось выведать место укрытия командира УПА на конспиративной квартире в селе Билогорша под Львовом.

Там, утром 5 марта 1950 г., Р. Шухевич погиб в перестрелке (это по довольно путаной официальной версии чекистов, до того трижды рапортовавших Москве о «ликвидации бандглаваря»). Судя по фото и свидетельству его сына, Героя Украины Юрия Шухевича, генерал-хорунжий застрелился. Содержатель

конспиративной квартиры Галина Дидык, пытавшаяся отравиться, вышла на свободу лишь в 1971 г., описав свои злоключения в открытом письме в Президиум Верховного Совета СССР: «Меня беспощадно избивали, первые полгода делали это каждый день, днем и ночью мне не давали спать. Такое «следствие» длилось свыше двух лет. Мучили, теряя при этом человеческое подобие, — следователи МГБ Гузеев (в 1970-х годах ставший … заслуженным деятелем культуры УССР. — *Авт.*), Солопа, Пивоварец (будущий начальник Следственного отдела КГБ УССР. — *Авт.*), Клименко, Линиченко приходили поиздеваться надо мною ради пьяного развлечения».

К осени 1950-го о гибели Р. Шухевича становится известно в Закордонных частях ОУН и руководству УГОР. Тогда же Василию Куку поручается возглавить антисоветское движение сопротивления в Западной Украине, номинально он же становится последним командующим УПА.

Чтобы наглядно представить размах украинского повстанчества и степень поддержки его населением, приведем такую статистику. Согласно справке, подготовленной КГБ УССР для Верховного Совета УССР в 1973 г., в 1944-1953 гг. силы ОУН и УПА совершили 4904 теракта, 195 диверсий, 457 нападений на истребительные батальоны из числа местных жителей, 645 нападений на колхозы, органы власти, заведения социально-культурной сферы, 359 вооруженных «экспроприации».

По официальным данным, в 1943—1956 гг. погибло почти 156 тыс. участников движения сопротивления, по обвинению в причастности к ОУН и УПА арестовано 103866 и осуждено из них 87756 человек, а около 77 тыс. участников движения и лиц, которые их поддерживали, «вышли с повинной». И это на 6 млн. довоенной общей численности этнических украинцев на Западе республики! Общие трофеи советской стороны в противоборстве с ОУН и УПА за 1944— 1955 гг. насчитывали 2 БТР, 61 орудие, 595 минометов, 77 огнеметов, 358 противотанковых ружей, 844 станковых и 8327 ручных пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 100 тыс. гранат и 12 млн. патронов. По данным КГБ УССР, в 1972 г. только в Украине проживало 132 тыс. участников движения ОУН и УПА и «активных пособников» повстанцев. Вот вам и «бандитская армия», как обозвало УПА, либеральное казалось бы, российское «Независимое военное обозрение».

Глава 6. Глубокое подполье

6.1. Новые условия — новая тактика

Укрываясь от преследования, «Лемиш» неоднократно менял места дислокации. В 1944—1945 гг. скрывался в Подгаецких и Бережанских (Тернопольская область), Рогатинских лесах Станиславской области. Созданный там особый Рогатинский надрайонный провод ОУН (криптоним «Роксоляна») специализировался на обеспечении нелегального пребывания лидеров движения сопротивления, его руководитель Алексей Демский («Шувар») был одним из старожилов подполья и вел борьбу до его захвата в 1954 г. (в ноябре 1955-го приговорен к высшей мере наказания). В 1946—1948-м В. Кук вновь перебазировался в Подгаецкие леса, временами совершая выходы на запасной пункт связи «100» в Золочевском районе Львовской области.

Из мест укрытия поддерживались контакты с руководителями подотчетных «Лемишу» краевого провода на Северо-Западных украинских землях под началом Ярослава Дударя («Вереса», убитого в 1946 г.), упомянутого Н.Козака, «Дубового» (застрелился 18 января 1951-го), Василия Галасы и краевого провода «Подолье» во главе с Беспалко («Остапом», убит в 1947-м), «Бурланом» (погиб в 1951-м) и Василием Беем («Уласом»; в феврале 1951-го он был захвачен органами МГБ, однако обманул их обещанием сотрудничества и вновь ушел в подполье, погиб 23 мая 1952 г.). Отдельные линии связи устанавливались с руководителями других крупных проводов. Так, на хуторе Теребижъе (Олесский район Львовщины) разгромили пункт связи «91» к В. Куку от шефа краевого провода «Запад-Карпаты» Романа Кравчука («Петра»).

Правила конспирации обязывали регулярно менять места пребывания, псевдонимы при переписке, шифры «грипсов» и «штафеток» — записок, передаваемых по эстафете курьерами. Для работы в каждой конкретной местности избирался определенный псевдоним. Каждая территория или мероприятие получали собственные условные обозначения: «Замок» — УПА «Запад», «Степь» — Тернопольская область, «Бассейн» — Словакия, «Троя» — создание позиций в городах, «Сад» — работа в учебных заведениях, «Феникс» — сохранение кадров, «Комар» — подготовка к войне, «Пионер» — кадры для Востока, «Нечай» — конспирация и так далее.

На курьерских линиях, достигавших Баварии, под контролем СБ оборудовались «живые» пункты связи — бункера с криптонимами («Бездна», «Яр», «Улик» и т.п.), где менялись курьеры. Широко применялись и «мертвые» пункты для бесконтактной связи — в заброшенных строениях, под камнями, в дуплах деревьев. Последние, в случае обнаружения чекистами, нередко минировались, и в отчетах появлялись сакраментальные детали: «По найденным в обрывках френча запискам можно предположить…». Функционеры ОУН обзаводились документами прикрытия на чужие имена (при задержании у В. Кука изъяли паспорт и военный билет на имя Крупенко Николая Борисовича).

Обеспечением безопасности и курьерской связи «Лемиша» с подчиненными ему звеньями подполья и Р.Шухевичем в 1944 г. занималось свыше 100 человек, хотя число охранников и связных постепенно уменьшалось - около 20 в 1950-м, 3—4 - в 1953 г., когда погиб начальник связи В. Кука «Байда». Трудности в сношениях с Закордонными частями ОУН через западную границу даже вынудили командарма УПА продумывать возможность налаживания канала связи через Закавказье и Афганистан!

Документы органов госбезопасности сохранили для истории имена и псевдонимы его отдельных телохранителей: командира группы охраны Ивана Демчука, боевиков Романа Луцива («Бояна»), Василия Лубонько («Степовика»), Ярослава Семенько («Демьяна»), Василия Кузива, Ивана Луцива («Игоря»), «Мухи», «Байрака», «Славка», «Чабана», «Юрия» и других самоотверженных повстанцев, вдвойне рисковавших из-за близости к лидеру подполья.

Кстати, недавно в подземном тайнике у села Озерная Тернопольской области нашли архив подчиненного В. Куку краевого провода ОУН «Подолье», опубликованный исследователями Н. Мызаком и В. Горбатюком в книге «За тебя, святая Украина».

6.2. В прицеле всесоюзного розыска

Стоит ли говорить, что на розыск В. Кука нацелили значительные оперативно-войсковые силы. В 1944 г. органы госбезопасности Украины завели оперативное дело «Берлога» по розыску членов Центрального провода (ЦП) ОУН(б). За каждым из «бандглаварей» закреплялись группы сотрудников Управления по борьбе с бандитизмом республиканского НКВД и соответствующих подразделений УНКВД западных областей Украины. К 1946 г. было убито или захвачено 5 членов ЦП и 138

руководителей ОУН и УПА среднего звена (всего за десятилетие борьбы ликвидировали или арестовали 21 члена ЦП, 7800 командиров подразделений УПА и функционеров территориальных звеньев ОУН).

Новый всплеск активности подполья, начавшийся в 1947 г., вынудил власть принять дополнительные меры по укреплению антиповстанческого оперативно-войскового аппарата. В соответствии с указанием ЦК ВКП(б), Совнаркома СРСР, совместным приказом МВД-МГБ СССР № 0074/0029 от 21 января 1947 г. противодействие националистическим движениям передается в компетенцию органов госбезопасности. Им переподчиняются Внутренние и Пограничные войска, истребительные батальоны, передаются соответствующие оперативные учеты и техника, и временно — органы милиции.

Во 2-м Главном управлении МГБ СССР (контрразведка) создается отдел 2-Н как координационнное подразделение по борьбе с «буржуазным национализмом». В Украине главным орудием борьбы с ОУН и УПА выступало Управление 2-Н МГБ УССР во главе с заместителем министра. Он же, как правило, руководил Оперативной группой МГБ во Львове. По состоянию на 10 сентября 1949-го Управление 2-Н во главе с замминистра ГБ генерал-майором В.Дроздовым имело по штату 126 сотрудников, а 1-й его отдел ведал розыском членов Центрального и краевых проводов ОУН(б). В 1949-м для более плотного поиска и уничтожения подполья на стыках областей районов создается около 30 оперативных секторов, за которыми закрепляются оперативные группы и подразделения ВВ МГБ. К 1 ноября 1946 г. агентурный аппарат в регионе насчитывал 644 резидента, 2249 агентов и 18165 информаторов.

В системе КГБ УССР противоборством с подпольем и оперативными играми с закордонными центрами ОУН (до 9 марта 1960 г.) занималось 4-е (Секретно-политическое) Управление. Отделы 2-Н открываются в УМГБ западных областей Украины. Партийное руководство принимало меры к наращиванию численности УМГБ западных областей. Так, к 11 сентября 1947-го лишь в Станиславское УМГБ отрядили 312 оперработников из 9 областей Нечерноземья, 161 — из Ленинградской области, 25 — Карело-Финской АССР, 60 — из Прибалтики.

К 1947 г. в Западной Украине сосредоточили 62, 65, 81 и 82-ю стрелковые дивизии Внутренних войск (почти 22 тыс. штыков), 14 отрядов (эквивалент полка) Пограничных войск. К 1948 г. численность вооруженных «групп охраны общественного порядка» («ястребки») из местных жителей достигла 86 тыс. человек.

Усовершенствование тактики ВВ и переход подполья к пассивной, «бункерной», форме сопротивления резко изменили соотношение потерь в пользу советской стороны. К середине 1946-го составляло 1:2,5, а в 1950 г. В ходе операций погибло 1582 подпольщика, потери же ВВ составили убитыми 86 человек (159 ранено), то есть соотношение безвозвратных потерь достигло 1:18.

Персонально по розыску В. Кука заводится оперативное дело «Барсук», ответственность за которое возлагается на 1-й отдел Управления 2-Н, Управления МГБ в Тернопольской и Львовской областях. К августу 1951-го непосредственно за «Барсуком» охотились оперативно-войсковые группы Львовского УМГБ (во главе с его заместителем начальника полковником Фокиным, в составе 27 оперработников, 17 офицеров и 270 солдат ВВ) и Тернопольского УМГБ (замначальника УМГБ полковник Хорсун, 15 оперативников, 5 офицеров и 104 солдата ВВ). Для сравнения — всего по членам ЦП тогда работало 82 оперативника, 65 офицеров и 1224 солдата ВВ МГБ.

В ориентировке МГБ УССР от 2 сентября 1949-го о «Лемише» говорилось: «Часто носит простую крестьянскую одежду, также одеваются его боевики. При общении с населением и подпольщиками «Лемиш» и его боевики ведут себя строго конспиративно, кличек и имен друг друга не называют, свое прошлое конспирируют, откуда пришли и куда будут направляться тщательно скрывают». Сообщалось, что В. Кук «говорит спокойно, уверенным голосом, не выговаривает букву «л», а также страдает болезнью желудка, отчего постоянно носит при себе фляжку с настоем полыни, а на совещаниях руководящего состава личный повар готовит ему диетическую гречневую кашу».

6.3. Смертоносные «сюрпризы»

Подпольная работа таила немалые риски, ведь органы госбезопасности шли на различные ухищрения, чтобы физически уничтожить лидеров ОУН и УПА. 4-й отдел в составе Управления по борьбе с бандитизмом НКВД и пришедшего ему на смену в 1947 г. Управления 2-Н МГБ УССР занимался разработкой оперативной и специальной техники, включая различные смертоносные «сюрпризы». Сам «Лемиш» едва не стал жертвой спецоперации МГБ. Перехватив одну из его линий связи, чекисты через «проверенную агентуру» отправили В.Куку почту в тюбике из-под зубной пасты, начиненном горчичным газом - «Лемиш»

едва успел выскочить из замкнутого пространства бункера на воздух и на некоторое время потерял зрение.

Соратник В. Кука по подполью Волыни, командир Группы УПА «Север» Василий Галаса и его жена Мария Савчин через агента — «связного УПА» получили пакет с подпольной почтой с вмонтированной бомбой. На привале в Цуманском лесу под Ковелем в октябре 1951-го боевик В. Галасы Максим Ат, открывая пакет, был разорван на куски, а сами супруги ранены. Коварством удалось ликвидировать и других подчиненных «Лемиша». В сентябре 1951 г. референта СБ Тернопольского окружного провода «Шляха» и двух его боевиков мина-сюрприз в почте разметала в радиусе 25 метров.

Через агентуру заминированную батарею для радиоприемника передали организационному референту подчиненного В.Куку краевого провода «Москва» (Волынская и часть Ровенской областей) «Верховинцу» (после гибели 18 января 1951-го шефа провода «Дубового» он оставался последним руководителем «Москвы»). 11 декабря 1951 г. он и его охранники «Конон», «Андрон» и «Адам» пришли к бункеру, оборудованному в хозяйстве Корецкого, жителя села Радомышль Луцкого района. Хозяина весело пригласили «зайти послушать музыку», но через минут 15 в убежище грянул мощный взрыв… Провод «Москва» прекратил существование, распавшись на отдельные очаги сопротивления, потеряв от оперативно-войсковых ударов 59 человек убитыми, 320 арестованными, 111 бункеров и 3 подпольные типографии.

Для захвата подпольщиков живыми применялся жидкий спецпрепарат «Нептун-47», который «надежная агентура» добавляла в продукты питания. Последствиями употребления «Нептуна» были сильная головная боль и жажда, а передозировка вела к смерти. Когда «отрута», как ее называли подпольщики, начинала действовать, отравившихся соратников могли пристрелить, равно как и хозяина-агента, которому предусмотрительно давали на пробу харчи. Газ «Нептун 7/93» запускался в бункеры, «Нептун-22» заделывался в каблуки для обнаружения следа собаками. Для своевременного оповещения о приходе нелегалов ОУН в домах агентуры устанавливался радиосигнализационный аппарат «Тревога» — нажав его кнопку, негласный помощник чекистов отправлял сообщение о приходе подпольщиков прямо на пульт местного органа МГБ. До 10 сентября 1949 г. установили 600 таких аппаратов, с их помощью до декабря 1951-го ликвидировали 136 повстанцев. Двумя «Тревогами» оборудовали и бункер-ловушку, где взяли самого Василия Кука.

Подпольщики пытались противодействовать «тонким чекистским мероприятиям». Как сообщил на допросах в КГБ В. Кук, СБ ОУН занималась сбором сведений о формах и методах агентурно-оперативной работы органов госбезопасности, применении «снотворных и взрывчатых веществ». Для подпольщиков составлялись сводки о наиболее опасных приемах работы противника с рекомендациями по их нейтрализации.

Но самым коварным и безжалостным противником нелегалов ОУН стали их же недавние боевые друзья — захваченные или добровольно сдавшиеся подпольщики, превратившиеся в завербованных органами госбезопасности агентов-боевиков. Фатальную роль эти оборотни сыграли и в судьбе Василия Степановича.

6.4. Под личиной повстанцев

Чтобы реалистичней представить изощренные методы противоборства на Западной Украине, следует коснуться и проблемы «легендированного подполья» ОУН, созданного советскими органами госбезопасности, тем более что именно оно сыграла фатальную роль в судьбе самого В. Кука. Инициатором создания «конспиративно-разведывательных групп» выступил капитан госбезопасности Виктор Кащеев. Директива НКГБ УССР № 1697 от 3 августа 1944 г. нормативно закрепила использование спецгрупп, выступавших под личиной повстанцев. В них включали бывших партизан, перевербованных «лесовиков» и оперработников-кураторов.

Энергично действовала спецгруппа «Хмара» (60 партизан и 40 бывших воинов УПА) под командованием самого В. Кащеева, изображавшего «Тимоша», начальника охраны командира сотни УПА. В роли последнего выступал агент-боевик «Хмара», бывший командир диверсионной группы УПА. Спецгруппу направили в кавалерийский рейд в январе 1945-го для ликвидации подразделений УПА «Чумака» и «Недоли», совершивших нападение на райцентр Городницу на Житомирщине. В ходе рейда несколько отрядов повстанцев были уничтожены или подведены под удары войск НКВД. При этом спецгруппа действовала настолько артистично, что прослыла грозой «сталинских салоедов», а восхищенные полевые командиры преподнесли «другу Тимошу»… советскую медаль «За отвагу». Да что уж медаль! Командира спецгруппы «Быстрого» (УНКВД по Тернопольской области) майора Соколова начальники представляли к Золотой Звезде Героя Советского Союза!

До 1 мая 1945-го на счету спецгрупп числилось 1163 ликвидированных повстанца; действовало 246 таких формирований с 1011 участниками и 212 боевиков-одиночек. Органы НКВД—НКГБ к тому времени внедрили в ОУН и УПА 1000 агентов, из них 125 попали в руководящие звенья, 30 использовались по линии разработки ЦП ОУН(Б).

В первую очередь к негласному сотрудничеству старались привлечь сотрудников СБ ОУН - им не приходилось рассчитывать на снисхождение советской Фемиды, они же отлично знали методы деятельности нелегалов ОУН и могли реалистично имитировать допрос подпольщиков от имени СБ вышестоящих проводов (в МГБ это именовалось литерным мероприятием «ЛСБ», ложная СБ). Так, агент «Веселый» (тут и далее псевдонимы агентов изменены, — *Авт.*), бывший районный референт СБ (погиб в 1951-м во время операции) со своей спецгруппой уничтожил 12 и захватил 100 подпольщиков, содействовал ликвидации члена ЦП Олексы Гасына (январь 1949-го) и шефа краевого провода «Буг-2» Зиновия Тершаковца.

Директива МГБ СССР № 22 от 25 марта 1949 г. регламентировала использование агентурно-боевых групп (АБГ) в наиболее квалифицированных оперативных мероприятиях по разложению и ликвидации подполья в Украине и Прибалтике (в Литве, к примеру, одна из АБГ способствовала ликвидации повстанцев в 10 районах, заменив полсотни оперработников и полк ВВ!). Только в июле 1948 — марте 1949-го агенты-боевики в Украине уничтожили 238 и захватили 328 подпольщиков. По словам одного из наиболее опытных «бандоловов» (жаргонное название) Игоря Куприенко, агенты-боевики «под руководством оперативных работников готовили и разыгрывали целые спектакли с мизансценами. Это была настоящая актерская работа».

Агентов-боевиков поощряли, освобождая от уголовной ответственности, возвращая со спецпоселений родственников. В 1952 г. спецагент получал в год на экипировку 1,5 тыс. рублей и столько же на ежемесячное содержание. Активные участники оперативных игр получали не менее 3,5 тыс. в месяц (200-300 рублей на руки, остальные шли на сберкнижку). Большую группу боевиков МГБ и УМГБ западных областей представили к медалям «За охрану государственной границы» и «За охрану общественного порядка».

Однако нельзя не помнить, что применение АБГ сопровождалось многочисленными актами насилия, грубыми нарушениями законности, о чем красноречиво говорилось в докладной военного прокурора войск МВД Украинского округа

полковника юстиции Г. Кошарского от 15 февраля 1949-го, направленной секретарю ЦК КП(б)У Никите Хрущеву. В ней приводились многочисленные случаи убийств, изнасилований, грабежей жителей Западной Украины агентами-боевиками, осуждался «грязно-провокационный характер их деятельности». «Действия т.н. спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский антисоветский характер и, понятно, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями».

Нередкими стали и случаи измены агентов-боевиков. Так, в мае 1951-го, благодаря оперативной комбинации, задержали руководителей Чертковского окружного провода «Клима», «Крыгу» и «Косача». «Клим» согласился сотрудничать с МГБ, обещая за несколько дней уничтожить всех известных ему нелегалов. Ему придали трех лучших агентов-боевиков. Однако «Клим», встретившись с подпольщиками, перебил агентов, перешел на нелегальное положение и подробно сообщил о ставших ему доступными методах приобретения негласных помощников органами госбезопасности.

Процесс склонения к сотрудничеству описал в письме к референту пропаганды краевого провода «Запад-Карпаты» «Гомину» вернувшийся в подполье агент-боевик Станиславского УМВД «Шварно». Сразу после захвата к нему на хорошем украинском языке обратился заместитель начальника Управления Арсений Костенко: «Как себя чувствуешь? Думаю, ты неглупый человек и будешь с нами работать?» В кузове машины «Шварно» сразу же начали «обрабатывать» опытные агенты-боевики: дескать, за сотрудничество все простят, как и нам, подарят свободу. В кабинете Костенко беседу продолжили одетые в гражданское бывалые «бандоловы» Алексей Нечаев, Петр Форманчук и Слепов: «Борьба бессмысленна, будь благоразумен. Соглашаясь на сотрудничество, спасешь жизнь не только себе, но и своим друзьям, принесешь пользу украинскому народу. А иначе — ты знаешь, что тебя ожидает. Твоя судьба в твоих руках, все простим — даю слово коммуниста».

Появились вино и закуска. Сломавшийся «Шварно» написал 30-стра-ничный отчет о структуре Станиславского окружного провода ОУН, дал подробные данные на функционеров подполья. Сразу же улучшилось питание, а затем нового негласного помощника обрядили в его же одежду, вооружили и повели на захват подпольщиков, дабы повязать конкретными действиям «на крови».

Отличившихся командиров АБГ старались морально поощрить и воспитать примерами советской действительности. Оперативник-куратор описал поездку в Киев своего подопечного,

командира весьма результативной спецгруппы, в прошлом занимавшего достаточно солидную должность в подполье Карпатского края (назовем его «Орест»).

Сев во Львове в мягкий вагон столичного экспресса, выросшие в глухом гуцульском селе «Орест» и его жена долго не могли прийти в себя от удивления, по-детски восхищаясь убранством купе, ощупывая никелированные штучки и мягкие диваны. Рано утром спецагент был уже выбрит, одел чистую сорочку, и, волнуясь, прохаживался коридором — «я ведь сегодня буду впервые в жизни голосовать на выборах в украинскую Верховную Раду», пояснил он свое настроение офицеру МГБ. В столице УССР их поселили в люксе гостиницы, кормили в ресторане, водили в оперу и кинотеатры, за покупками в ЦУМ. Затем «доверительно» отпустили с дочерью погулять по Киеву (под негласным присмотром двух—трех бригад 7-го отдела МТБ, «наружки»). «Орест» был потрясен увиденным, и смутило его лишь две вещи — почему в музее Тараса Шевченко так и не смогли провести экскурсию на родном языке поэта и почему в Киеве «так много евреев».

МГБ УССР осуществило кадровую «чистку» АБГ: из 191 групп (733 участников) оставили 25 из 150 лучших боевиков. Постепенно перешли к формированию целых легендированных территориальных организаций подполья, сыгравших решающую роль в устранении или задержании лидеров антисоветского движения сопротивления, а также в оперативных играх с закордонными центрами ОУН и спецслужбами стран НАТО. В 1951—1953 г. действовало 7 легендированных проводов (Калушский, Коломыйский и Каменец-Подольский окружные и четыре районные), 6 отдельных спецгрупп. С их помощью только в Станиславской области до 1954 г. уничтожили или захватили 300 участников подполья, ликвидировали или пленили ряд членов Провода ОУН в Украине: руководителя подполья Галичины Романа Кравчука (21 декабря 1951), референта пропаганды Петра Федуна (23 декабря 1951), шефа подполья Подолья и Востока Василия Галасу (11 июля 1953) и В. Кука (23 мая 1954). Всего на счету «оборотней» — 1163 убитых, свыше 2000 захваченных и 700 выведенных из подполья участников движения ОУН и УПА.

Попутно отметим, что «легендированное подполье» охотно применялось и западными демократиями в борьбе с антиколониальными движениями. Так, лжеповстанческие отряды из завербованных африканцев создал в Кении капитан британской Специальной авиадесантной службы Ф. Китсон. Он же разработал методику привлечения на свою сторону повстанцев по

принципу «запугивания и поощрения». Только в апреле—августе 1954 г. «оборотни» ликвидировали или захватили 14 командиров больших повстанческих формирований и во многом обеспечили нейтрализацию антибританского движения «Мау-Мау». Сам Ф. Китсон стал со временем генерал-лейтенантом и рыцарем Британской империи.

6.5. Свет и тени советизации

В первые послевоенные годы Василий Кук, являясь фигурой № 2 в иерархии антисоветского движения сопротивления в Западной Украине, выступил в роли одного из творцов новой стратегии и тактики вооруженного подполья под политическим руководством ОУН, а после гибели 5 марта 1950 г. Романа Шухевича объединил в своих руках военно-политическое руководство вооруженным подпольем и т.н. «легальной сетью» ОУН(б). Поэтому не лишним будет хотя бы кратко ознакомить читателя с ситуацией в регионе после 1945 г. и радикальными изменениями в деятельности ОУН(б).

…Послевоенное десятилетие в Западной Украине прошло под знаком ожесточенного противоборства между силами, выступавшими за государственную самостоятельность Украины, и сталинским режимом, проводившим социально-экономические преобразования методами «мобилизационного социализма», ранее апробированными в других регионах СССР и Украины. Этот конфликт сочетал черты национально-освободительного движения и гражданской войны, поскольку в него оказались втянуты десятки тысяч не просто граждан одной страны, но и этнических украинцев, самих галичан и волынян.

С одной стороны, украинская нация была совместными усилиями народов СССР спасена от уничтожения или порабощения III рейхом. В июне 1945-го, после вхождения Закарпатья в УССР, в целом завершился процесс объединения исторических земель в составе единого, пусть даже квази-государственного, образования. Украинская ССР стала членом ООН с момента ее основания. Вместе с тем Советская Украина как государство сохраняла формальный статус в фактически унитарном СССР. В этих условиях ОУН выдвигает лозунг — «Украинская Самостийная Соборная Держава есть точное понятие и не может подменяться никакими «советскими Украинами» или представительствами чужого империализма». Меморандум Украинской главной освободительной рады (украинская аббревиатура — УГВР) председателю Парижской мирной

конференции подчеркивал, что правительство УССР не сформировано путем свободного волеизъявления, а навязано «московским центром компартии».

С высоты десятилетий не приходится сомневаться, что поступательная, толерантная к специфике региона политика модернизации социально-экономического уклада отсталой полуколонии Польши встретила бы поддержку большинства населения, измученного годами кровопролития. Однако реалии советизации оказались куда более противоречивыми и драматическими.

Нельзя, разумеется, нигилистично относиться к объективно прогрессивным плодам политики советской власти. Только в 1944 г. на восстановление производительных сил региона изможденная войной страна выделила 100 млн. рублей, в строй ввели 1700 промышленных объектов. Наряду с традиционными ускоренное развитие получили новые отрасли — нефтехимия, электроэнергетика, машино- и приборостроение, легкая промышленность, и к 1949 г. тут работало 2,5 тыс. предприятий. В 1946—1948 гг. на ЗУЗ прибыло 2 тыс. инженеров и техников, 14 тыс. квалифицированных рабочих. К 1950 г. действовало 24 вуза (против 4 при Польше). На ЗУЗ приехало 35 тыс. учителей из других областей Украины, а 93% школ стали украинскими. Разворачивалась инфраструктура культуры и здравоохранения.

Не стоит забывать, что средства для финансирования развития западных земель Украины (сырьевого придатка зарубежных держав, разделивших их в 1918—1923 годах) изыскивались исключительно из внутренних источников подорванной войной экономики СССР. Притока средств из-за рубежа не ожидалось. В принципе, их можно было получить, вопрос стоял о цене.

Уже в сентябре 1945 г. в Москве состоялись переговоры с американской делегацией во главе с М. Кольмером о предоставлении займов СССР. Американская сторона выдвинула условия получения средств. В обмен на помощь недавний союзник по антигитлеровской коалиции и войне с Японией потребовал вывести советские войска из Восточной Европы, не оказывать ее странам политическую помощь, сообщить об условиях торговых договоров с ними. Москва обязывалась сообщать Вашингтону основные данные о военно-промышленном комплексе, экономике в целом с правом предоставить возможность проверять эти данные! Одно из условий убедительно демонстрирует, что уже тогда существовали планы информационно-психологической войны против СССР — от него требовали не только гарантировать неприкосновенность

американской собственности в Союзе, но предоставить свободу распространения в нем своей печатной продукции и фильмов.

Разумеется, выполнение этих условий не просто лишало страну, разгромившую 507 из 607 дивизий агрессоров, статуса великой державы, но и реального суверенитета как такового. «Братскую помощь» отклонили. Остается только отметить, что за 10 дней до переговоров в США подписали Меморандум № 329, где закреплялось 20 важнейших целей для атомной бомбежки СССР — крупнейшие города с населением в 13 млн. человек (к концу 1945-го в США имелось до 200 ядерных бомб).

Однако форсированная советизация ЗУЗ проводилась традиционными для сталинского режима командно-административными методами, игнорируя местный хозяйственный и духовно-культурный уклад, форсированными темпами, и сопровождалась массированными репрессивными мерами. Советская же статистика показывает, что в 1944—1953 гг. погибло, осуждено или депортировано около полумиллиона жителей Западной Украины, не считая потерь периода войны и предвоенных репрессий. К 1947 г. лишь 16,2% партийных и управленческих должностей (не выше районного уровня) занимали местные уроженцы. Прибывшие с Востока управленческие кадры отличались низким культурно-образовательным уровнем, всячески демонстрировали презрение к «аборигенам». В 1946-м ЦК КП(б) У пришлось обращать внимание на «многочисленные нарушения в кадровой политике», злоупотребление администрированием, «неправильное отношение к кадрам местного происхождения». Фактически была разогнана пользующаяся огромным моральным авторитетом среди украинцев греко-католическая церковь, а 344 ее священника репрессированы.

Насильственный характер «социалистических преобразований» ярко проявился в колхозном строительстве. Веками в сложных аграрных условиях складывался единоличный, хуторской тип хозяйствования, а собственность на землю рассматривалась селянином как высшая ценность. Первый удар пришелся по зажиточным и середняцким хозяйствам, в колхозы загоняли методами экономического принуждения и уголовного преследования, а надлежащей материально-технической базы под внедрение новых форм хозяйствования еще не подвели. Об отчаянии селянина свидетельствует высказывание переселенца на Волынь из Чехословакии И. Мархевква: «Я прошел Болгарию, Польшу, Францию, Чехословакию … но худшей жизни не видел… Причиной всему колхозы… Я своими руками вырежу семью, но в колхоз не пущу. Если у кого-то увидят коня, корову и в комнате у

него чисто, сразу его в Сибирь — кулак!».

Принципиальную оценку результатам послевоенного десятилетия «социалистического строительства» на Западной Украине дал Пленум ЦК Компартии Украины 2—4 июня 1953 г. Констатировалось, что «среди значительной части населения западных областей существует недовольство хозяйственными, политическими и культурными мероприятиями, которые проводятся на местах». В руководстве сельским хозяйством допущены «серьезные ошибки», оно ведется «без учета местных особенностей», население недовольно действиями местной власти. «…Почти все руководящие должности в партийных и советских органах западных областей Украины заняты работниками, командированными из восточных областей УССР, а также других республик Советского Союза» (даже в 1953-м из 742 секретарей органов компартии только 62 были местными, в низшем властном звене они составляли 44%, в прокуратуре — 12% работников).

Делался вывод, что «такое положение … создает почву для подрывной работы врагов советской власти, особенно буржуазно-националистического подполья», которое «несмотря на многолетнюю борьбу по его ликвидации, все еще существует, а его банды продолжают терроризировать население». Критиковались односторонние методы противодействия антисоветскому движению сопротивления: «…Борьбу с националистическим подпольем нельзя вести лишь путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, бессмысленное применение репрессий вызывает лишь недовольство населения… На протяжении 1944—1952 гг. в западных областях подвергнуто разным репрессиям очень большое количество людей». Особое сопротивление вызывали насильственные методы коллективизации аграрного региона, преследование греко-католической церкви, активная русификация «украинского Пьемонта».

6.6. Западная Украина, которой не было

Как видим, в Западной Украине протекали противоречивые процессы — социально-экономический облик региона радикально обновился, однако форсированная модернизация обошлась дорогой людской ценой.

Среди огромного количества публикаций (нередко с полярными оценками конфликта на Западной Украине) нам до сих пор не встретилась научная работа, где бы рассматривалась

возможная в тех конкретно-исторических условиях альтернатива развитию событий в регионе. Когда-то выдающийся английский историк Арнольд Тойнби написал целое эссе, в котором попытался смоделировать ход истории в случае, если бы Александр Македонский умер в возрасте 67 лет.

Ему же, кстати, принадлежит интересное высказывание: «Сторонний наблюдатель … сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII столетии — это лишь *контрнаступление*… В XIV столетии … почти вся Белоруссия и Украина были оторваны от православного христианства и присоединены к западному христианству… Польские завоевания извечной русской территории … были возвращены России только в последней фазе мировой войны 1939 — 1945 годов… Верно, что и российские армии воевали на западных землях, однако, они всегда приходили как *союзники одной из западных стран* в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства действительно показывают, что русские становились жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами. Русские (из контекста слов А. Тойнби видно, что он имеет в виду восточнославянские народы. — *Авт.*) испытывали враждебное отношение Запада из-за упрямой преданности своей цивилизации».

Действительно, как сложилась бы судьба западноукраинских земель, если бы, скажем, в 1947 г. Москва, в условиях ограниченности ресурсов для восстановления экономики и создания собственного ядерного щита (в ядерном проекте непосредственно задействовали 700 тыс. человек) дала Западной Украине «вольную». Армия и дивизии Внутренних войск потянулись бы на восток, прикрывая эшелоны с партийно-советским аппаратом, специалистами и наиболее ценным оборудованием.

Вариант, безусловно, невероятный. В условиях реальной угрозы войны с коалицией западных держав во главе с США это означало бы приближение на сотни километров границы к Киеву и индустриальным центрам юго-востока УССР, потерю сообщения с подконтрольными «странами народной демократии» в Восточной Европе и коммуникаций с размещенными там войсками, не говоря уже об отказе от одной из основных на то время нефтегазоносных провинций СССР.

Потенциальный противник получал бы плацдарм для разведывательно-подрывной деятельности, массированных десантных операций и «непотопляемый авианосец» для армад «летающих крепостей» - носителей ядерного оружия. Это прямо подтверждается настойчивыми указаниями западных спецслужб

разведке подполья — выявлять площадки, удобные для десантирования, оборудования аэродромов, вскрывать дислокацию группировок советских войск, вести сбор совершенно бесполезных для самих повстанцев сведений об объектах атомной промышленности СССР или системе ПВО Одесского порта. Но все же попробуем предположить…

Геополитические и внешнеторговые условия для молодой государственности (назовем ее условно Западно-Украинской Республикой (ЗУР), в составе нынешних трех областей Галичины, Волынской, Ровенской, Закарпатской и Черновицкой областей — реально территория могла бы быть и меньше — уж как бы решил Сталин) складывались наихудшие. Кроме отсутствия выхода к морю, ЗУР окружали просоветские государства «народной демократии». В них, по ялтинско-потсдамским договоренностям между Кремлем и западными демократиями (с их неизменным уважением к праву выбора народами своей судьбы) устанавливалось преобладающее влияние СССР (в Польше, например — 90%, считать подконтрольность в процентах предложил У.Черчилль).

Вполне вероятно, что Кремль просто закрыл бы глаза на территориальные аппетиты своих новых союзников в Восточной Европе, и те вернули бы себе те земли, оккупированные ими до 1939—1940 годов. Несомненно, что продолжились бы неравные боевые действия, прежде всего — в Галичине и Западной Волыни между украинскими повстанцами и отлично вооруженным СССР Войском Польским — продолжились бы (только на Закерзонье против УПА действовали с 1945 года 1, 5, 8 и 9-я армейские дивизии, силы Корпуса безопасности, органов внутренних дел при поддержке чехословацкой горнострелковой бригады). Стоит ли говорить, что не имевшая военно-промышленного комплекса ЗУР могла бы противопоставить двум полноценным армиями того же Войска Польского лишь оснащенные оружием пехоты милиционные формирования.

Нетрудно спрогнозировать и репрессии по принципу круговой поруки, для подрыва социальной базы повстанчества, причем не менее свирепые, нежели «за советів» То же польское коммунистическое руководство доказало готовность к этому акцией «Висла» по насильственному переселению около 150 тыс. украинцев с их этнической территории на юго-востоке страны в северо-западные районы ПНР.

Но нас больше интересует возможное внутреннее устройство виртуальной ЗУР. Движение сопротивления (с учетом предшествующей ликвидации советами многопартийности) оказывалось единственной организованной, отмобилизованной

силой, имевшие сильные позиции и авторитет во всех основных слоях населения. Греко-католическая церковь, даже при условии ее стремительного возрождения по образцу конца 1980-х — начала 1990-х, вряд ли бы оспаривала лидерство ОУН, тем более, что ее функционеры, в случае необходимости, не останавливались перед ликвидацией «нелояльных» иерархов и священников.

Кроме того, целиком возможными представляются репрессии новой власти, а также стихийные расправы родственников пострадавших от советской власти над ее сторонниками, активом, сведение счетов под маркой наказания «подсоветчиков». Эксцессы как наследие былого противоборства, а также морально-полтические последствия гражданского конфликта могли быть продолжительными. Для сравнения приведем пример Испании, пережившей в 1936 — 1939 годах гражданскую войну, осложненную вооруженным вмешательством извне. Процесс национального примирения там начался в 1956 году (!) по инициативе Испанской компартии, а закончился лишь в 1976-м всенародным референдумом, на котором победила идея предать забвению братоубийственную войну. Активную миротворческую роль сыграла и католическая церковь.

Нельзя исключать, что в таких условиях окрыленная внезапной победой ОУН(б) вернулась бы к более понятным «старым» участникам националистического движения установкам о монопартийном устройстве политической системы (в духе первой программы ОУН 1929 года), основанной на постулатах «национальной диктатуры» и власти вождя, подконтрольного только своей совести. Вряд ли бы место «Вождя ЗУР» имел реальные шансы получить Степан Бандера, давно уже превратившегося в символ национально-свободительной борьбы. Маловероятно, что лидеры ОУН в Украине стали бы делиться властью с восстановившимися партиями национал-демократического, национал-либерального, национал-клерикального толка. Неизбежным становился конфликт между лидерами ОУН(б) — носителями левоцентристских, «народнических» взглядов на государственное устройство и социально-экономическое развитие, и сторонниками авторитарного управления с элементами ксенофобии, выходцами из верхушки галицкого общества.

Скорее всего, не обошлось бы без разногласий вокруг места в истеблишменте ЗУР среди бывших предводителей повстанческого движения. Наверняка в них активную роль (если не самодовлеющую) играла бы Украинская государственная служба безопасности с влившимися в нее кадрами СБ ОУН (привыкшими

действовать вне правового поля описанными выше брутальными методами) во главе с патологически подозрительным и жестоким Николаем Козаком-«Смоком». Проект создания такого ведомства, жестко проводящего политическую линию националистов, и имеющего командные кадры исключительно из их числа, был разработан в ОУН(Б) еще в 1940 году.

Трудно судить, получил бы тот же В. Кук солидную должность в правительстве ЗУР (например, пост министра сельского хозяйства, с учетом его познаний в аграрном вопросе), или же отправился каторжанином на озокеритовые копальни по обвинению в сотрудничестве с нацистами (напротив, для западных политических кругов создавался бы имидж Р. Шухевича как борца с гитлеризмом).

Авторитарный, жесткий стиль правления мог быть вызван не только политическими традициями правящей ОУН, социально-психологическими особенностями ее функционеров-подпольщиков (в своих френчах и «мазепинках» чем-то напоминавших победивших «барбудос» Фиделя Кастро). Сложным было бы и экономическое положение региона. Даже если представить, что сателлиты СССР не установили бы торговую блокаду ЗУР, единственными источниками получения средств на развитие промышленности могли быть экспорт энергоносителей и эксплуатация села. Не было бы солидных капиталовложений из советского единого народнохозяйственного комплекса, тысяч присланных специалистов, врачей и учителей. Вряд ли бы Запад подпитывал 8-миллионное население по воздушному мосту на манер Берлинского 1948 года. Охваченной проблемами аграрно-сырьевой стране как раз бы подошло бы авторитарное монопартийное правление. Тезис Р. Шухевича «хлоп не смеет политиковать» мог бы превратиться в базовый принцип общественно-политического устройства и кадровой политики, а сельский мальчик с Ровенщины Леонид Кравчук вряд ли бы окончил университет и сделал карьеру государственного мужа…

Но как бы ни складывалась историческая судьба региона, сама ОУН никогда не рассматривала будущее Западной Украины в отрыве от остальных украинских земель, выдвинув лозунг соборности Украины, единства всех ее этнических земель. К этому же стремились и творцы исторического акта Злуки 1919 г. между Украинской Народной Республикой и Западноукраинской Народной Республикой. Подход, весьма поучительный и сейчас.

6.7. От «лесной армии» — к «бункерной войне»

Стратегической целью движения украинских националистов в послевоенный период стало свержение советской власти в Украине путем «национальной революции» и построение Украинского государства на основах демократии и социальной справедливости, определенных III Чрезвычайным большим сбором ОУН(б) в августе 1943 г. В основу тактики подполья была положена установка о сохранении «политической и воинской революционной организации, которая в освободительный период создаст стержень народа и его руководство», развитии «революционно-подпольных клеток во всех средах жизни СССР». Ближайшие задачи движения сопротивления состояли в мероприятиях по срыву советизации региона методами антисоветской пропаганды и агитации, саботажа мероприятий режима в социально-экономической сфере силовыми (боевыми и диверсионно-террористическими) средствами.

Значительные потери и неравенство сил, наряду с необходимостью сохранения собственных рядов и срыва советизации региона, привели к появлению новой тактики вооруженного подполья ОУН. Акцент делается на минимизации столкновений с силовыми структурами противника, сохранение собственной организационно-кадровой структуры, а острие борьбы оборачивается против гражданской администрации, колхозного строительства и других социально-экономических мероприятий власти, а также лиц, активно сотрудничавших с нею. При этом суть тактики ОУН принципиально ничем не отличалась от аналогичных примеров в истории народов мира (взять хотя бы антиколониальные движения, изобиловавшие примерами жестокости по отношению к представителям метрополии и «предателям» внутри своих наций). Одновременно новая тактика придала ситуации в Западной Украине характер гражданского конфликта, сформировала у жертв противоборства и их потомков механизм аффективной памяти, до сих пор препятствующий национальному примирению.

В докладной записке Управления по борьбе с бандитизмом НКВД УССР (сентябрь 1945 г.) говорилось, что ОУН осуществляет переход от массовой организации к «ордену верных». Акцент в работе смещается к низовым звеньям «район-боевка». Существенные изменения вносятся в организационное построение подполья: ликвидируются областные, уездные и подрайонные проводы (вместо последних вводятся «кустовые», охватывающие несколько населенных пунктов). Распускается ряд отраслевых референтур — воинская, женская, Украинского красного креста (считалось, что она особенно «засорена сексотами»), «юнацтва», хозяйственная. Вводится специальная референтура связи в

составе Центрального, окружных и надрайонных проводов. Первоочередное внимание отводилось сохранению референтур пропаганды и СБ, что само по себе подчеркивало приоритеты послевоенной деятельности подполья.

Организационно сеть подполья приобретает такой вид:

— Провод ОУН в Украине во главе с Р.Шухевичем (до 5 марта 1950) и Василием Куком (до 23 мая 1954);

— «Большие» краевые проводы «Галичина» (в составе «малых» краевых проводов «Запад-Карпаты» (Станиславская, Черновицкая, Закарпатская области); «Буг-2» (Львовская и Дрогобычская области); «Северо-Западных украинских земель» («малые» краевые проводы «Москва» (Волынская и частично Ровенская области, южные районы Белоруссии), «Одесса» (Ровенская и частично Тернопольская области) и «Подолье»).

Куратором подполья «Северо-Западных украинских земель» непосредственно выступал заместитель Р. Шухевича — В. Кук («Лемиш»);

— окружные проводы (охватывали 10—15 районов);

— надрайонные проводы, по 3—6 в окружном;

— районные проводы, по 3—5 в надрайонном. Районные проводы считались ведущим звеном нелегальной сети;

— кустовые (по 2—4 в районном), которые состояли из «станичных» организаций (населенный пункт).

Краевой провод Закерзонья (юго-восток Польши) имел отдельный статус и подчинялся Центральному проводу. Кроме подполья, вводилась так называемая «легальна сетка» из членов ОУН и «симпатиков», живших открыто и выполнявших разнообразные функции по обеспечению борьбы нелегалов.

К 1 декабря 1946 г. действовало, по оценкам МГБ УССР, 5 краевых, 17 окружных, 38 надрайонных, 117 районных проводов (в рамках проводов - 2694, в отдельных группах - 1785 человек, подпольщиков-одиночек — 2151). Как правило, реальная численность подпольщиков была выше проходившей по оперативным учетам органов госбезопасности. Разгромленные проводы восстанавливались, в том числе за счет перехода на нелегальное положение людского резерва: «Запад-Карпаты» — шесть, «Подолье» — пять, «Буг-2» - три раза!

Подполье прибегало к строительству законспирированных, замаскированных хранилищ («бункеров», «крыивок») разнообразных конструкций. Лишь за январь—апрель 1946-го во Львовской области разрушили в ходе оперативно-войсковых операций 2517 бункеров. В поселке Топильское Перегинского района Станиславской области они были обнаружены в 44 домах из 105. «Бункерной войне» способствовали и природно-

географические условия региона (так, 65% территории «наиболее пораженной бандитизмом» Станиславской области приходилось на горно-лесистую местность, до 80% северных районов Волынской и Ровенской областей охватывали лесисто-болотные массивы).

После «чисток» СБ и вывода из подполья ненадежных участников, отмечали чекисты, в нем «остались наиболее сведущие в нелегальной работе националисты, которые удачно маскируются, а во время проведения чекистских операций по их захвату оказывают отчаянное сопротивление и лишь в редких случаях сдаются живыми». Отчаянный характер сопротивления последних участников подполья подчеркивался в директиве главы МГБ СССР С. Игнатьева и генпрокурора СССР Г.Сафонова от 8 сентября 1952 г. Указывалось, что продолжительность и масштаб сопротивления обеспечивают разветвленность подпольной сети, которая действует при поддержке «легальной сетки»; широкое содействие населения, в том числе разведывательной информацией, пополнением молодежью; наличие опытных кадров со стажем подпольной работы еще с польских времен; конспиративность и высокая дисциплинированность подпольщиков; эффективность работы СБ по контрразведывательной защите подполья; детальная осведомленность о формах и методах деятельности спецслужб противника.

Как признавалось в партийных документах, «значительная часть сельского населения активно оказывает поддержку бандам ОУН-УПА путем предоставления им квартир для укрытия, средств передвижения, сбора продуктов питания и одежды, а также … выполняя задачи руководства ОУН-УПА по разведке». В большинстве селений существуют мужская и женская «сетки» ОУН, а в больших населенных пунктах — по 2—3.

6.8. «Три кита» подполья

В 1945-1946 гг. лидеры ОУН в Украине Роман Шухевич, Василий Кук, Олекса Гасын, Василий Сидор, Роман Кравчук и Петр Федун выработали три краеугольные тактические схемы деятельности националистического подполья («три кита») под названиями «Дажбог», «Олег» и «Орлик». Их положения корректировались применительно к текущей ситуации на проходивших на лесных стоянках совещаниях членов Центрального провода и отдельных краевых проводников летом 1945—1946 годов (Рогатинский район Станиславской области), в

июне 1947-1948 годов (Иловский лес Николаевского района Дрогобычской области), в июне 1949 г. (Бобриковский район Львовской области). «Лемиш», как и другие, прибывал на совещания в сопровождении охранников, с немалым риском пробираясь конспиративными линиями связи.

Главной была тактическая схема «Дажбог», которая определяла принципы выживания подполья в новых условиях. Схема предусматривала сохранение кадров путем легализации и минимизации открытых выступлений; создание позиций подполья в органах власти и управления, подготовку к возможному захвату власти в Украине; срыв различными способами советизации региона; усиление конспирации.

Исключительное значение придавалось развитию «легальной сетки» — групп или отдельных «симпатиков», имевших возможности создавать ячейки содействия подполью в органах власти и других государственных учреждениях, колхозах и предприятиях, учебных заведениях, на объектах транспорта и связи. Участникам движения рекомендовалось вступать в партию и комсомол, «легальщики» рассматривались как кадровый источник для пополнения на случай войны между СССР и Западом.

В 1945—1947 гг. «легальная» сеть покрыла практически всю сельскую местность. Чтобы проиллюстрировать ее масштаб, приведем такие данные: в 1950—первые три месяца 1951 г. только в Станиславской области разоблачили 103 легальные ячейки ОУН, из них 69 в колхозах, 7 в учебных заведениях, 10 в лесной промышленности. Они объединяли 677 участников, среди которых 7 председателей колхозов, 56 председателей поселковых советов, 53 учителя, 40 колхозных активистов, 35 комсомольцев, 8 бойцов самообороны, 84 ученика и студента. С. Бандера в указаниях Р. Шухевичу (лето 1949 г.) подчеркивал необходимость пронизать сетью участников движения сопротивления армию, колхозы, индустриальные центры, учебные заведения, решительно привлекать к сотрудничеству образованную молодежь.

Перестройка деятельности по рекомендациям «Дажбога» позволила подполью даже после сокрушительных ударов «Большой блокады» и «Красной метлы» быстро восстановить активность. Так, по данным Станиславского УМВД, в марте 1946-го зафиксировали 53 открытые акции ОУН, а уже в апреле —159, мае —218, июле — 235.

Тактическая схема «Олег» предусматривала воспитание и подготовку к борьбе молодежных кадров как основного источника пополнения живой силы движения сопротивления. Каждый год на

нелегальное положение переводилось от нескольких сотен до 2 тыс. молодых людей. Только в 1948 — первой половине 1949 г. на ЗУЗ органы МГБ разоблачили 561 молодежную организацию (6405 участников).

Тактическая схема «Орлик» (другое название — «Харьков») предусматривала распространение влияния ОУН на восточные и южные области УССР, а в 1948-м Р. Шухевич выдвинул лозунг «Лицом к Востоку!».

Положения тактических схем конкретизировались на совещаниях высшего руководства и в инструктивных документах типа «Оса» или «Муравей». Они разрабатывались в виде комплексных годовых или сезонных (на лето, на подготовку к зимовке и т.п.) «тактических указаний», инструкций (например, по срыву выборов в Верховные Советы УССР и СССР, колхозного строительства, сбора урожая), инструкций по направлениям работы (пропаганды, разведки, внутренней безопасности), указаний для проводников определенных уровней или территорий.

Большое значение придавалось пропагандистской работе «шепотом», распространению листовок и брошюр — всего органами госбезопасности было выявлено до 100 подпольных типографий ОУН! Тираж подпольных типографий одного лишь Дрогобычского областного провода за зиму 1949—1950 гг. превзошел 300 тыс. экземпляров. На подконтрольной В. Куку территории Волыни работал талантливый художник-гравер, член краевого провода «Москва», инвалид Нил Хасевич («Зот»). В подпольной переписке В. Кук отмечал, что этот творец и пропагандист, несмотря на «своеобразный характер, высоко поднял значение революционного слова». Хасевичу, в частности, принадлежит разработка дизайна наградных крестов и медалей ОУН, свыше 150 гравюр на темы сопротивления и обличения сталинского режима. Его альбомы «Волынь в борьбе» та «Графика в бункерах УПА» попадали даже делегатам Генеральной Ассамблеи ООН. 4 марта 1952-го на хуторе Сухивцы Клеванского района Ровенской области «Зот» погиб с учениками в забросанном гранатами бункере в усадьбе крестьянина Стасюка.

Сам Василий Степанович под псевдонимом «Василий Лиманыч» также отдал должное пропагандистской работе, выступив автором популярных брошюр «О чем нам говорит бюджет СССР на 1945 - 1946 годы» и «Колхозное рабство». Однако главным способом борьбы оставалось оружие…

6.9. «Вас убьют кольями…»

К апрелю 1952 г. органами МГБ в западных областях Украины разыскивалось 1514 вооруженных участников движения сопротивления. Лишь с 1 августа 1951 по 17 апреля 1952-го, докладывало МГБ УССР, было уничтожено 635, захвачено живыми 252 и вышло с повинной 62 «вооруженных оуновских бандита» (92 нелегальные группы и 22 организации, участники которых проживали легально). Система круговой поруки «за бандпроявления», установленная «рабоче-крестьянской» властью, привела к выселению за этот период 649 семей (2470 человек).

Бескомпромиссный характер противостояния между антисоветским движением сопротивления и сталинской репрессивной машиной, эскалация обоюдного насилия, стремление ОУН и УПА любой ценой не допустить советизации региона неизбежно порождали террор как направление деятельности подполья. Как отмечал в 1954 г. на допросах В. Кук, «следует сказать, что террор до 1950 года считался в организации украинских националистов необходимым условием борьбы против Советской власти и рассматривался как продолжение и одна из форм вооруженной деятельности антисоветского националистического подполья. Именно поэтому в антисоветской литературе и листовках, которые нелегально издавались различными звеньями, организация украинских националистов нередко призывала участников националистического подполья к проведению вооруженной и террористической деятельности против Советской власти.

В силу этих общих установок и господствовавших тогда в националистическом подполье взглядов совершение терактов и убийств являлось обычным делом. Поэтому указание на совершение того или иного террористического акта над работником партийно-советского актива или сотрудником органов МГБ мог дать руководитель того или иного звена организации украинских националистов, в частности, районный «проводник» ОУН. Его указание участниками националистического подполья, безусловно, выполнялось. Однако к 1950 году стало совершенно очевидно, что вооруженная борьба, тем более террористическая деятельность, являются нецелесообразными в борьбе против Советской власти, не способствует усилению антисоветской подрывной работы, а, наоборот, способствует обнаружению и ликвидации участников антисоветского националистического подполья. Именно поэтому в 1950 году лично мною вооруженная и террористическая деятельность националистического подполья была запрещена».

На допросе в КГБ УССР 9 июня 1954 г. В. Кук сообщил: «Говоря правдиво, следует сказать, что на допросах в СБ нередко

применялись меры физического воздействия над лицами, которые подвергались задержанию и допросу. Над задержанными издевались и таким путем получали от них показания, которые во многих случаях не соответствовали действительности. Соответственно этому составлялись неправильные протоколы и, следовательно, принимались неправильные решения об убийствах и расстрелах. Такие факты имели распространение в тех случаях, когда СБ сталкивалась с лицами, подозреваемыми в сотрудничестве с органами МГБ. Что же касается работников партийно-советского актива и сотрудников органов МГБ, то обычно эта категория людей на допросах не могла скрывать и не скрывала своего занимаемого положения в партийно-советском аппарате или в органах МГБ. Как правило, эти лица после допросов подвергались убийству.

Решения об убийствах в случаях, когда имелись какие-либо сомнительные данные у работников СБ, принимались надрайонным «проводом» ОУН и являлись обязательными для референтур СБ районных «проводов». В тех случаях, когда факты были совершенно очевидными и не требовали какой-либо дополнительной проверки, то решения по таким фактам мог принять сам референт СБ и дать соответствующие приказания о принятии тех или иных мер, вплоть до убийства человека. Документы убитых, в частности партийные билеты, паспорта и другие документы, направлялись по организационным связям и поступали в архив центрального «провода» ОУН, где подавляющее большинство таких документов и хранилось».

По данным КГБ УССР, в 1944-1953 гг. безвозвратные потери советской стороны в боевых столкновениях и от «бандпроявлений» составили 30676 человек. Среди них 697 сотрудников органов госбезопасности, 1864 — органов внутренних дел, 3199 военнослужащих, 2590 бойцов истребительных батальонов; представителей органов власти — 2732; функционеров Компартии — 251; комсомольских работников — 207; председателей колхозов — 314, колхозников, крестьян — 15355; рабочих — 676; представителей интеллигенции — 1931; детей, стариков, домохозяек — 860. Напомним для сравнения, что в результате боевых действий и репрессивных мероприятий советской стороны погибло и пострадало примерно в 15 раз больше участников ОУН-УПА и жителей-некомбатантов Западной Украины.

Непосредственно в подконтрольных В.Куку областях было убито: в Ровенской — 3997 человек, Волынской — 3500, Тернопольской — 3557, Хмельницкой — 133, Житомирской — 150 человек.

В обращении ОУН «Смерть вражеским изменникам» говорилось: «…Большевики своей системой предательства и доносительства воспитали несметное количество шпиков, сексотов, изменников, янычаров… Цепочка измены начинается от артельного сторожа, а кончается членами политбюро ЦК ВКП(б)… Если большевистские палачи миллионами истребляли украинцев — то и у нас не дрогнет рука снять голову каждому, кто будет помогать оккупанту удерживать наш край. …Вас убьют кольями, жаль будет пуль на такую нечисть».

О взаимном ожесточении участников вооруженного конфликта, переходе борьбы в иррациональную плоскость взаимного устрашения свидетельствует директива МГБ УССР № 57 от 31 мая 1947 г. Там отмечалось, что личным составом органов и войск госбезопасности во время операций трупы подпольщиков «обезображиваются до такого состояния, что исключаются какая-либо возможность проведения их опознания», с трупов снимается одежда и обувь, допускается «бесцельное фотографирование трупов убитых в… позах, не имеющих практического значения при проведении опознания». Подобное изуверство допускали и подпольщики. В 1949 г. в селе Рожнов Кутского района Станиславской области были убиты майор МГБ Иван Сибирцев и сержант Иван Бормотов. Тело несчастного майора, добитого хозяйкой дома, выкопали из могилы, нарезали ремней, четвертовали, а голову выставили на колу при дороге.

6.10. Штык в землю

Массированные оперативно-войсковые мероприятия сокращали ряды подполья. Тяжелые условия зимовок под землей и постоянное психологическое напряжение порождали легочные и кожные заболевания, авитаминоз, дистрофию и нервные расстройства. Референт СБ «Ромб» сообщал вышестоящему начальнику, что за зиму в бункере он «едва не сошел с ума, научился писать частицы «не» и «ни» и привык курить как сапожник.»

Полной мерой ощутил на себе тяготы нелегального положения и кочевой жизни Василий Кук. Когда его осмотрел начальник поликлиники КГБ, заслуженный врач УССР, подполковник медслужбы Гуменюк, то выявил у «заключенного 300-го» миокардиодистрофию, гипопластический гастрит, астению нервной системы, а проведенный 27 ноября 1954-го рентген и обследование профессора Михнева и доцента Букреева диагностировали язву двенадцатиперстной кишки.

Сельскую местность к сентябрю 1950 г. коллективизировали на 96—99% и поставили под контроль системой местного управления и агентурного аппарата. Сказывалась страшная усталость от длящегося с 1939-го кровопролития и насилия. Начали давать плоды социально-культурные программы новой власти. По словам члена Яворовского надрайонного провода «Ульяны» (28 апреля 1951 г.), «население по сути перестало поддерживать нас. В селах невозможно оставаться, население доносит о нас органам МГБ… Колхозники не дают никакой материальной помощи, угрожают выдачей… Большей частью приходится сидеть в бункерах, а продукты питания доставать в ночное время и в большинстве случаев силой оружия».

Как докладывал организационный референт Буковинского окружного провода шефу краевого провода «Карпаты» «Ефрему», подпольщики ликвидируют председателей колхозов, участковых милиционеров, оперработников райотделов МГБ, жгут колхозные строения, а власть отвечает арестами, круговой порукой и выселениями в Сибирь: «следует признать, что большинство населения усматривает причину своего несчастья только в нас…». Командир дрогобычской городской боевки СБ, кавалер двух Серебряных крестов заслуги ОУН Роман Резняк («Макомацкий») признавался в частном письме: «…из-за меня советская власть вывезла много семей в Сибирь, много людей просили меня выйти с повинной, но я этого не сделал, так как советская власть меня не простит и расстреляет».

Органы МГБ достаточно эффективно разлагали подполье, компрометируя его функционеров через агентов - бывших участников ОУН и УПА, а скрыться от «оборотней» было практически невозможно. Доходило до того, что в отдельных районах Ровенщины СБ держала под подозрением 50—85 % подпольщиков! По словам жены шефа подполья Галичины Р. Кравчука Галины Турченяк, среди подпольщиков отдельных проводов воцарилась атмосфера раскола и взаимного недоверия, они «ищут друг друга, чтобы физически уничтожить как провокаторов». Значительная часть нелегалов ОУН «готова бросить подпольную работу, начать мирную жизнь, но их сдерживают репрессии руководителей оуновского подполья».

Понимая, что дальнейшее открытое сопротивление углубляет разрыв с населением, приводит к бессмысленным жертвам и не в силах остановить советизацию, В. Кук с начала 1950-х гг. неоднократно издает распоряжения о минимизации боевых и террористических акций, переходе в глубокое подполье или легализации его участников, сохранении сил на отдаленную перспективу, укреплении молодежного резерва. Ликвидируется

сеть референтур СБ.

Движения сопротивления все больше приобретало очаговый характер, утеряв стройную организационную структуру и активность второй половины 1940-х гг. К августу 1953 г. органами ГБ насчитывалось в Западной Украине около 160 вооруженных подпольщиков, разыскивалось 725 членов ОУН, действовал В. Кук как единственный из уцелевших членов провода ОУН(Б), имелись звенья Львовского и Карпатского краевых проводов, двух окружных, 4 надрайонных, 13 районных проводов и 22 отдельные группы подполья. С 1 января по 1 августа 1953 г. отмечено всего лишь 17 акций подполья, включая 9 терактов (9 убитых и раненых) и 14 случаев распространения листовок.

Однако, признавали чекисты, «состояние агентурной работы продолжает оставаться неудовлетворительным», не удалось внедрить надежных негласных помощников в центральный и краевые проводы, отсутствуют «прямые агентурные подходы к главарям этих проводов». Посему планами оперативных мероприятий предусматривались «решительные меры к розыску и ликвидации в ближайшее время членов т.н. Центрального провода ОУН Кука, Галаса и Охримовича», для чего создавались специальные оперативные группы во главе с начальниками и заместителями начальников управлений МГБ УССР. Эти группы, укомплектованные наиболее опытными оперативниками, подразделениями войск Внутренней охраны и транспорта, обязывались путем внедрения агентуры в состав руководящих звеньев подполья подвести их участников под «оперативный удар».

Руководство МГБ СССР вынуждено было даже 24 января 1953 г. издавать приказ «О мерах по ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд в западных областях Украинской и Белорусской ССР, в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». Стоит ли говорить, что розыск «Лемиша» находился на особом контроле в ЦК Компартии Украины и рассматривался на самом высоком уровне. Так, 31 декабря 1953-го ЦК КПУ указывало МВД УССР на неудовлетворительную работу по «полному разгрому националистического подполья», а 15 марта 1954 г. Политбюро ЦК КПУ приняло постановление о причинах «провала операции по ликвидации» В. Кука в Хмельницкой области.

Забегая вперед, следует отметить, что, утвердившись военным и командно-административным путем в Западной Украине, советская власть и коммунистическая идеология не смогли изменить формировавшихся столетиями в лоне западно-

католической цивилизации Польши и Австро-Венгрии глубинных социально-психологических, ментальных основ региона, национальной сознательности и религиозности его жителей. Местные жители, словно руководствуясь схемой «Дажбог», могли успешно делать карьеру в советской системе, пользоваться плодами индустриализации и социально-образовательных программ, сохраняя при этом внутреннюю самобытность и латентную оппозиционность (впрочем, как и в не «переваренных» «ленинской национальной политикой» Прибалтике, Средней Азии и на Кавказе). Даже половинчатые горбачевские либеральные изменения немедленно привели к росту политической оппозиции. Так что дело Василия Кука и его товарищей победило в не такой уж далекой исторической перспективе. Правда, современные националистические организации, набирая на парламентских выборах десятые доли процента, так и остались на маргинесе украинского политикума из-за практически полного отсутствия конструктивизма в социально-экономической сфере.

Глава 7. В тенетах противоречий

7.1. Запад нам поможет?

Отдельно следует коснуться установки о столкновении между Западом и СССР как предпосылки победы национально-освободительной борьбы, тем более что в советской литературе этот аспект тактики ОУН с понятной целью гиперболизировался. Декларация ОУН, выпущенная по случаю окончания Второй мировой войны, четко провозглашала «независимую политику и ориентацию на собственные силы». При этом трезво констатировалось, что «бездержавному народу в борьбе за волю можно, а часто и надо иметь союзников, но никогда — империалистических опекунов». Потенциальный вооруженный конфликт между США и СССР («Чума» в зашифровке ОУН) занимал одно из первостепенных мест в нормативно-инструктивных документах подполья. «Мы в вопросах социально-экономических выступаем как против большевистской системы, так и против буржуазно-капиталистической. В возможной войне западных альянтов против СССР мы заинтересованы постольку, поскольку она несет еще один шанс порабощенным народам освободиться от всякого империализма».

Отмечалось, что приход войск Запада — еще не гарантия суверенитета Украины, и в случае их победы необходимо быть готовыми отстаивать и перед Западом интересы независимости Украины. Одновременно предписывалось внушать рядовым членам подполья уверенность в скорой войне, собирать необходимую противникам СССР информацию об оборонном потенциале «советов», скрывая при этом, для кого она предназначена (в бункерах подполья находили разведотчеты даже об армейских частях и соединениях, дислоцированных в Восточной Пруссии, Забайкалье, Порт-Артуре!).

В инструкции Провода ОУН 1950 г. «Направления деятельности во время войны» предписывалось после ее начала активизировать работу, взрывать мосты и железные дороги, ликвидировать командный состав и представителей партийно-советского аппарата, захватывать небольшие административные центры и архивы, вести агитацию среди военнослужащих с целью склонения их к сдаче.

Нельзя не заметить, что отношение к западным державам лидеров подполья и закордонных центров ОУН имело существенные отличия. Первые, находясь в эпицентре борьбы с

советским режимом, обостренно воспринимали прагматическое отношение к ним Запада, нежелание понимать важные нюансы положения подполья и социально-экономической ситуации в регионе, Украине в целом. Уже в 1946 г. в одном из запасных бункеров В. Кука чекисты нашли экземпляр письма на английском языке к У.Черчиллю от «группы украинских политических деятелей», с замечаниями о позиции Запада относительно Украины.

10 апреля 1948 г. первый секретарь Львовского обкома партии Иван Грушецкий получил письмо с предложениями провести консультации о возможных мирных переговорах между ОУН и советской властью, автор которого прикрывался псевдонимом «Сова». Как выяснили органы МГБ, письмо составила доверенная особа Р.Шухевича, художница Ярослава Музыка, с 1944 г. выступавшая посредником в сношениях между движением сопротивления и советами. Автор утверждала, что вероятная война между США и СССР может привести к оккупации Украины войсками Запада. В этих условиях Украина вряд ли получит независимость и станет «определенного рода колонией США». Тогда перед ОУН возникнет дилемма: ориентация на Москву или на Вашингтон, и националисты считают, что им «все таки легче будет говориться с Москвой, нежели с Вашингтоном», а большинство населения вряд ли одобрительно отнесется к присутствию западных армий. Более того, в случае глобального конфликта ОУН «совместно с компартией» будет бороться против оккупации англо-саксами.

В августе 1950 г. член ЦП ОУН, руководитель Бюро информации УГОР Петр Федун («Полтава») составил критическое послание относительно содержания радиопередач на Украину «Голоса Америки». Администрацию США упрекали в непонимании отрицательного отношения населения УССР к капитализму, социальному неравенству, того, что ОУН и УПА выступают за плюрализм форм собственности. По словам В. Галасы, в 1952 г. В. Кук поручил ему написать аналогичное критическое письмо «радиоголосам».

Кстати говоря, Роман Шухевич был реалистом и понимал иллюзорность надежд на глобальный конфликт. Когда жена его друга, полковника УПА и военного референта Провода ОУН Олексы Гасына («Лыцаря») рассказала на допросах, что Шухевич высмеял рассуждения ее мужа о будущей войне как шансе для националистов. Америка, саркастично заметил генерал-хорунжий, почему-то не желает прислушиваться к соображениям «Лыцаря». Ольга Гасын поинтересовалась: почему бы им, больным и изнуренным длительной борьбой, не пойти на Запад? С горькой

усмешкой Шухевич ответил, что они нужны здесь, в Украине, и никому не нужны там, на Западе.

Хотя члены Провода ОУН(б) В. Кук, П. Федун и Р. Кравчук согласились поставлять сведения американской разведке, передача их за кордон была проблематичной — линии курьерской связи пресекли органы безопасности СССР, Польши и Чехословакии. Подготовленный для эмиссара ЗП УГОР В. Охримовича разведотчет содержал лишь фрагментарные сведения о режиме охране госграницы, артиллерии в Черном лесу, отчет солдата о службе в Германии. В мае 1952-го В. Кук запретил вести разведывательную работу в пользу Запада из-за угрозы расконспирации кадров и недовольства рядовых участников подполья.

Отметим, что все это происходило на фоне разработки в США (при наличии ядерной монополии) планов превентивного (то есть не спровоцированного, первого) удара оружием массового уничтожения по СССР. План «Дропшот», к примеру, предусматривал сброс 300 ядерных боеприпасов на 70 советских городов, а также 250 тыс. тонн обычных фугасов.

7.2. Паны дерутся, а у хлопцев чубы трясутся…

В июле 1950-го в письме закордонным центрам ОУН В. Кук отмечал: «Весьма унылый и отталкивающий образ являет собой украинский политическо-партийный лагерь. Основной тон — это партийная грызня, худшего сорта ругань, очерняющая каждого «не своего». Уже после достижения Украиной независимости, возвращаясь к ситуации начала 1950-х, В. Кук писал: «Конфликтные страсти в то время разгорелись до такой степени, что всякое критичное, аналитическое мышление притупилось, отодвинулось на задний план, а на первое место выдвинулось непреодолимое желание любой ценой взять верх над своим оппонентом».

Речь шла о том, что с 1946 г. нарастают разногласия между лидером Закордонных частей ОУН (ЗЧ ОУН, подконтрольных английской разведке) Степаном Бандерой, претендовавшим на единоличный контроль над националистическим движением в эмиграции, и функционерами ЗП УГОР во главе с Николаем Лебедем и Ярославом Стецько (сотрудничавших со спецслужбами США). Ряд конференций ОУН конца 1940-х гг. ничего не дали, С. Бандера отрицал необходимость демократизации националистического движения и даже распорядился физически устранить соперников.

Необходимо отметить, что центры украинских националистов в эмиграции признавали над собой главенство руководящих органов подполья в «воюющей Украине». Именно вотум доверия повстанцев легитимизировал «ОУН в изгнании», позволяя закордонным центрам выступать перед зарубежными политическими кругами от имени Украины. Отсюда возникала задача получить «мандат доверия» от лидеров подполья, приобретшая особое, почти сакральное значение в связи с резким обострением противоречий между предводителями Закордонных частей ОУН и Закордонного представительства (ЗП) Украинской главной освободительной рады (УГОР).

При этом обе стороны апеллировали за морально-политической поддержкой к лидерам подполья в Украине, направляя туда эмиссаров за «мандатом». Зная остроту разногласий, советские спецслужбы одной из основных задач оперативных игр с закордонными центрами ОУН и разведками стран НАТО (с использованием захваченных эмиссаров и радистов) считали углубление раздора между ЗЧ ОУН и ЗП УГОР.

Понимая, что радисты не станут добросовестно сотрудничать под принуждением и всегда могут вставить в радиограмму условный сигнал «работаю под контролем», их тщательно, исподволь готовили к смене «хозяина». Заброшенного из ФРГ радиста «Марко» (Юлиан Магур, захваченный 16 декабря 1953 г.), вспоминал оперработник НКВД-КГБ Игорь Куприенко (имевший пять ранений за войну, он участвовал в рискованных розыскных мероприятиях, случалось, по несколько месяцев зимовал в бункерах вместе с настоящими подпольщиками), долгое время деликатно «воспитывали» агенты-боевики на легендированной «базе» подполья. Лишь после отправки им на радиоцентр во Франкфурте радиограммы о прекращении связи на зиму, «Марко» захватили. «Спецсамолетом он был отправлен в Киев и в тот же вечер, не успев отдышаться от спертого воздуха бункера, сидел в оперном театре и, потрясенный, слушал оперу «Запорожец за Дунаем». Наутро попросил бумагу и ручку».

Для предводителей ОУН в Украине разногласия секретом не были, и в конце концов В. Кук запретил подпольщикам именовать себя «бандеровцами», склонившись к поддержке более демократичного ЗП УГОР. Одним из курьеров, отправившихся 5 сентября 1950-го через Польшу в Германию с почтой от «Лемиша» к ЗП УГОР был Лев Чепиль. 12 августа 1952 г. Л. Чепиль и его напарник Юрко Стефюк были заброшены с американского самолета с заданием разведки сети ПВО в Карпатах и поиска площадок, пригодных для десантов. Однако вскоре их обезоружили и связали… чабаны Боринского района Львовской

области. «Сколько мы не твердили этим людям, — вспоминал Ю. Стефюк, — что мы им поможем «освободиться», что мы прибыли к подполью — все это вызывало у них смех и сочувствие нашей наивности… Эти люди всю ночь удивлялись, какое фантастическое представление имеем мы о своем родном Крае». Льва Чепиля, отказавшегося участвовать в оперативной игре, расстреляли в Киеве в 1953-м…

В июле 1953-го от имени В. Кука на Запад передали письмо, уполномочивающее на создание Коллегии по разрешению конфликта в составе Степана Бандеры, Льва Ребета и Зенона Матлы, однако переговоры между ними в августе ничего не дали, и в январе 1954 г. С. Бандера вышел из Коллегии.

6 октября 1952 г. с помощью агентов-боевиков был захвачен заброшенный в мае 1951-го с американского самолета руководитель политико-информационной службы (разведки) ЗП УГОР Василий Охримович («Грузин»). Интересно, что оправившись от первого шока, «Грузин» увидел солдата-казаха и потребовал: «Уберите его, все, что здесь происходит, касается только нас, украинцев, и казаху делать здесь нечего!». Однако бывший неподалеку от места операции боевик «Петро» сумел бежать, таким образом, известие о захвате или гибели В. Охримовича дошло и до В. Кука.

Курьерская группа в октябре 1951-го доставила важного гостя к местам базирования В. Кука в северной части Золочевского района Львовщины. Как сообщил на допросах Охримович, они вели с Куком долгие беседы о состоянии националистического движения. «Лемиш» пессимистически оценивал перспективы борьбы, подчеркивал оторванность от реальности политических установок закордонных центров ОУН. Лидер подполья поручил «Грузину», члену ОУН с 1930 года, написать книгу с критикой взглядов основателя идеологии «интегрального национализма» Дмитрия Донцова, сделав упор на несостоятельности ксенофобии в современных условиях. Перезимовав с В.Куком, присвоившему эмиссару ЗП УГОР звание майора-полит-воспитателя УПА, 26 мая 1952 г. В. Охримович отправился в Карпаты, где по поручению «Лемиша» возглавил Львовский и Карпатский краевые проводы ОУН и по совместительству стал политическим референтом Главного штаба УПА.

Главной задачей эмиссара было получение от В. Кука мандата доверия для ЗП УГОР. «Лемиш» как председатель Генерального Секретариата УГОР согласился выдать ему мандат доверия, для передачи на Запад написанный «Грузином» на папиросной бумаге еще 5 сентября 1952 г. Более того, наградил «Грузина» Золотым Крестом заслуги ОУН.

Кстати, с такой же миссией конкуренты — ЗЧ ОУН — забросили в Галичину британским самолетом шефа своей СБ Мирона Матвиейко, также захваченного в 1951 г. спецгруппой МГБ (по оценке В. Кука, Матвиейко способен на провокации, мог добиться признания даже от безвинного человека). Мирон Васильевич стал главной фигурой оперативной игры «Звено», которую советская сторона вела до 1960 года с ЗЧ ОУН, английской и итальянской разведками.

Участников захвата Охримовича щедро отблагодарили, освободив от спецпоселения родственников. «Грузин» лично показал в лесу около села Калшув Золочевского района Львовской области расположение бункера, в котором застрелились при попытке захвата боевики «Лемиша» «Тарас», «Вишневый» и «Илько», а в селе Курники-Иванченские Збаражского района Тернопольщины по его же показаниям ликвидировали бункер, предоставленный В.Куком для зимовки в 1951—1952 гг. При этом погибли подпольщики «Андрей», «Чубатый» и «Мыкола». 22 января 1953-го в селе Стратин Рогатинского района Станиславской области у содержателя пункта связи курьерской группы В. Кука Михаила Проца разгромили бункер, где погибли охранники «Лемиша» «Петро», «Дмитро», возлюбленная Охримовича «Зенка» и сам хозяин. Всего же по наводке «Грузина» вскрыли 4 бункера (7 убитых подпольщиков), использовавшиеся В.Куком, ликвидировали двух курьеров повстанческого командарма.

Пока эмиссар закордонного центра смотрел в порядке «перевоспитания» советские блокбастеры «Падение Берлина», «Ленин в Октябре» и «Сказание о земле Сибирской», изучал купленную по его просьбе книгу «Стратегия и тактика шахматной игры», осматривал Днепрогэс и передовые колхозы Киевщины, от имени Охримовича составили письмо к «Лемишу», в котором «пропавший» проводник Карпатского края объяснял «уважительные причины» личной неявки на встречу. Охримович писал, что подполье стоит «перед неминуемым и напрасным уничтожением остатков своих кадров, перед бесперспективной и бессмысленной потерей крови украинских людей».

В ночь с 26 на 27 мая 1953-го в Вишневском лесу Букачевского района Тернопольщины агентурно-боевая группа вновь передала охранникам В. Кука во главе с «Орестом» «почту» от В. Охримовича. Однако сам «Лемиш» на пять последующих встреч не прибыл. Лишь позднее стало известно, что в июне 1953г. В. Кук сообщил В. Галасе — им раскрыта оперативная игра, ведущаяся с ним от имени В. Охримовича с 1952 г., однако он намерен ее продолжать, дезинформируя противника.

Осведомленность «Лемиша» сорвала и задуманную игру с выводом за кордон спецагента, «добровольно изъявившего согласие нанести ему огнестрельное ранение» для имитации правдоподобности «прорыва» на Запад.

Впрочем, оправившись от потрясений первых месяцев неволи, В. Охримович категорически отказался сотрудничать с органами госбезопасности, чем сорвал начавшуюся от его имени оперативную игру «Трасса», где Охримович должен был «играть роль» шефа легендированного провода ОУН. 23 ноября 1953-го подконтрольный радист «Берест» послал в эфир согласованную с чекистами радиограмму - «последнюю радиограмму»: «Меня окружают, жгу шифры…» «Продолжает вести себя враждебно, — докладывали «опекуны» из МВД 25 мая 1953 г., — выполняет наши задания только в силу ареста… Ведет себя неискренне, открыто заявляет о своем враждебном отношении к советскому государству и его политике, высказывает свои националистические убеждения и категорически отказывается от сотрудничества с органами МВД. Трижды отказывался от выполнения наших заданий, настаивал на окончании следствия и предании его суду».

«Да, я испугался и сдал многих, — заявил «Грузин», — «посыпал» организационные тайны. Но моя совесть не позволяет участвовать в захвате «Лемиша». Думаю, отказ ускорит расправу надо мной, но я готов к этому!». На уровне ЦК принимается решение о казни Охримовича с сообщением об этом через СМИ. 29 марта 1954 г. Военный трибунал КВО приговорил его к высшей мере наказания. 18 мая приговор привели в исполнение в Киеве, а на следующий день появились сообщения об этом в печати и по радио.

7.3. «Закат» подполья

Социально-экономические мероприятия новой власти, оперативно-войсковые удары и механизм круговой ответственности за поддержку инсургентов подорвали некогда массовую базу поддержки подполья. К 1953 г. подполье удалось подавить в 147 административных районах региона, хотя еще в 44 оставались отдельные проводы ОУН — как правило, руководящий функционер с 1—2 охранниками. Всего в розыске пребывало на 10 декабря 1953-го 98 вооруженных нелегалов, состоявших в 12 проводах и 18 отдельных группах, распределенных по 37 районам Западной Украины. К августу 1954-го было «учтено» до 70 не сложивших оружия подпольщиков.

В письме от апреля 1953 г., предназначенном для передачи на Запад, В. Кук так оценил текущее состояние подполья: «Положение организации в целом катастрофическое… Руководящие кадры ликвидированы. Вся работа состоит в самообеспечении и сохранении на лучшие времена… Длительная подпольная жизнь изнурила даже сильнейших, нервное истощение, физическое переутомление, болезни и раны…».

Отметим, что последнее вооруженное столкновение произошло 14 апреля 1960 г. в Бережанском районе Тернопольской области. Там в результате оперативно-войсковой операции были убиты нелегалы ОУН Петр Пасичный («Петро») и Олег Цетнарский, захвачена гражданская жена Пасичного Мария Пальчак, пытавшаяся застрелиться.

По-прежнему одной из главных задач органов госбезопасности считался розыск последних членов Центрального провода в Украине В. Кука и В. Галасы. Для захвата последнего создали спецгруппу «Закат» во главе с бывшим начальником курьерской группы Центрального провода и шефом одного из окружных проводов «К-62» (псевдоним изменен. — *Авт.*). О степени доверия к нему лидеров ОУН свидетельствует присвоение ему В. Галасой звания поручика УПА, награждение Крестом заслуги и двумя медалями «За борьбу в особо сложных условиях», назначение краевым проводником Подолья. Не зная, с кем имеет дело, В. Кук выделил «перекинчику» 15 тыс. рублей. Под началом «К-62» создали легендированный Кременецкий районный провод — упомянутый «Закат».

Боевики «Заката» вошли в доверие к руководителю пункта связи Центрального провода «Бурому», и в его сопровождении 28 июня 1953-го прибыли к местам базирования объекта розыскного дела «Крот» — Василия Галасы («Орлана»), шефа подполья Волыни и Подолья. В рамках оперативного мероприятия «Капкан» «Орлана» удалось убедить в наличии подполья в восточных областях, куда он и решил перебраться, отправив к «Лемишу» курьеров с сообщением о своем решении. Ждать ответа остался в обществе «К-62» и верного охранника, содержателя пункта связи Волынского краевого провода Николая Примаса («Чумака»). 11 июля 1953-го «Орлан» с женой и «Чумаком» прибыли в лесной массив около села Ямполь Белогорского района Хмельницкой области. «Чумака» под благовидным предлогом отправили в село на «конспиративную квартиру».

После завтрака, около 7.30 утра, Василий Галаса и Мария Савчин прилегли отдохнуть, укрывшись плащ-палатками. «К-62» моргнул двум своим боевикам, и спящих мгновенно обезоружили и связали. У задержанного проводника изъяли 21 тыс. рублей,

самозарядную винтовку, пистолет ТТ и револьвер. Вскоре прибыли оперработники Рудык и Салабай с войсковой группой. Галасу с женой доставили во внутреннюю тюрьму МВД УССР в Киеве по улице Короленко, 33, и уже 14 июля майор Птичкин приступил к допросам члена Центрального провода.

«Орлан» в отдельном протоколе подробно рассказал о контактах последних лет с «Лемишем», который в августе 1952-го приказал ему убыть в Каменец-Подольскую область для организации подпольной работы на Востоке. Судя по всему, В. Кук готовил из него преемника на случай гибели или захвата. В августе 1952-го ознакомил его с почтой от закордонных центров ОУН и деталями острых разногласий между их лидерами. Для встреч «Лемиш» и «Орлан» выбрали условные точки «Прачка» (собор в Ровно) и «Колхоз» (в полукилометре от пересечения шоссе Дубно-Кременец с железной дорогой у села Шепатин Кременецкого района). Очередное рандеву планировалось на 14—15 июля 1953-го: «Орлан» должен был три раза сказать «ку-ку» и сломать ветку, а «Лемиш» — трижды ударить камень о камень и залаять. Пароль: «Рим» — «Рига».

На последней личной встрече в августе 1952-го могикане подполья выработали ряд решений: подготовить для передачи в закордонные центры ОУН тезисы о бедственном положении антисоветского движения сопротивления, предложить создать совместный руководящий орган из числа как сторонников С. Бандеры, так и оппозиционных ему функционеров ЗП УГОР, свернуть активные акции подполья, сделав акцент на воспитании молодой смены. «Лемиш» поручил Галасе готовить письмо радиостанции «Голос Америки» с критикой политического курса США. Встретиться договорились в 1953 г. «А если вы погибнете?» - спросил «Орлан». «Завещания не оставляю, нечего и некому передавать. Решайте сами — оставаться или пробиваться за границу».

Задержанному «Орлану», страдавшему дистрофией, миокардитом и холециститом, предоставили лечение, дали возможность закончить среднее образование. Марию лечили от туберкулеза, обеспечили хорошее питание. Супругам показывали достопримечательности и передовые предприятия, водили в театры и кино под прикрытием бригад «наружки». С четой неоднократно встречались киевские и московские «граждане начальники», что дало повод «Маричке» привести в мемуарах интересное сравнение — те оперработники, с которыми довелось иметь дело на западе Украины, были «худые как борзые собаки» и резко контрастировали с вальяжными и откормленными «товарищами по партии» с генеральскими звездами.

«Заключенный 10», как конспиративно именовали В. Галасу чекисты, 21 августа 1953-го подготовил «Несколько вариантов возможной поимки живым Лемиша». До того, 11 августа, он написал документ под названием «Мое отношение к последним переменам в СССР и связанным с ними вопросам о подполье». Дальнейшая борьба подполья бессмысленна и лишена моральных основ, писал сын батрака и член ОУН с 1937 г., кавалер Серебряного и Золотого крестов заслуги ОУН «Орлан». Социализм и коммунизм — единственно приемлемые модели общественного развития. Советское правительство борется за улучшение жизни людей. В этом меня убедили решения сессии Верховного Совета СССР, министра финансов Зверева. Ради построения общества социальной справедливости я готов отречься от националистических убеждений в пользу существования единого союзного государства. К борьбе нас подтолкнул курс на построение государственного капитализма и возрождение новой Российской империи с проповедью превосходства русского народа. Однако десталинизация жизни советского общества, рост благосостояния народа заставили меня пересмотреть свою точку зрения. Я считаю, что гибель людей пора прекратить, и готов пойти к «Лемишу», чтобы убедить его отдать приказ от имени Провода ОУН и УГОР о сложении оружия.

В. Галаса назвал около 50 мест укрытия подпольщиков и архивов Центрального провода, с его участием провели ряд оперативно-войсковых операций. С помощью ставшего проводником В. Галасы 6 ноября 1953-го во Львовской области захватили курьера В. Кука с 1946 г. «Левка» (псевдоним изменен. — *Авт.*). Тот сообщил, что весной 1954 г. в бункере на окраине Пеняцкого леса они должны встретиться с «Лемишем», а также выдал места укрытия 7 бидонов документов подполья и 75 тыс. «организационных» рублей. Развязка приближалась…

Глава 8. Заключенный «300-й»

8.1. Последний бункер

Непосредственно розыск и задержание В. Кука (оперативное мероприятие «Западня») организовывал 1-й отдел 4-го (Секретно-политического) Управления КГБ УССР во главе с самым молодым начальником отдела в республиканском Комитете Петром Свердловым и его заместителем Григорием Клименко. В Иванцевском лесу Львовской области подготовили для встречи «Лемиша» один из подземных бункеров, где он останавливался в 1947—1952 гг. Укрытие разминировали, побелили изнутри, высушили примусами и придали ему обжитой вид. Там же замаскировали два радиосигнализационных аппарата «Тревога», выведя их антенны под кору деревьев. В ночь с 20 на 21 апреля 1954 г. туда вселились спецагенты «Богун», «Живой» и «Петро» (псевдонимы изменены. — *Авт.*), чтобы даже запах убежища не вызвал подозрения у опытного конспиратора «Лемиша». История захвата Василия Кука в деталях описана в отчетах его участников, что позволяет реалистично восстановить события дня 23 мая 1954 г.

…В ночь на 23 мая шел дождь. Около 4 утра «Богун» вышел на поверхность подышать и услышал треск веток в кустарнике. «Чи-чи-чи» - послышался характерный условный сигнал подпольщиков, имитирующий клекот лесной птицы. К бункеру прибыли В. Кук, его жена Ульяна Крюченко и два охранника Владимир Задворный («Довбуш») и Михаил Фенин («Назар»). Подробно расспросив «Богуна» об обстановке, «Лемиш» велел ему идти за полотенцем, чтобы завязать глаза боевикам (их оставили на некотором удалении от бункера), а сам с женой отправился в укрытие.

В бункере царил порядок, «Петро» жарил картошку для гостей на керосинке. Уже на допросах В. Кук вспомнит, что его насторожила дрожь в руках «Петра» и то, что встречавший их боевик шел к бункеру, не сняв сапог, и наличие хороших продуктов, советских книг. Но тогда они были страшно уставшими после длительного перехода и желали отдыха под охраной «друзив-боивкарив». За завтраком «Лемиш» много шутил, похвалил знакомого ему по подполью «Петра» («добрый боевик», «надежный хлопец») и объяснял за чаем «коллегам», как успешно уйти от розыскной собаки, посыпав тропу «кайенской смесью» или пристрелив пса.

Помыв ноги, «Лемиш» лег отдохнуть на нары, попросив «Богуна» почистить его американский автомат (подарок Василия Охримовича). На беду себе показал, как производить разборку заморской штучки. Когда супруги уснули, «Богун» и «Петро» обезвредили автомат, осторожно вытащили из-под подушки Ульяны ТТ и набросились на спящих…

«Сколько вам заплатили?!» — гневно спросил «Лемиш». «Мы арестовали вас по приказу проводника «Орлана», — отвечал как на политинформации «Богун», — чтобы скорее покончить с войной и обеспечить нормальную жизнь народу». Взяв себя в руки, Кук стал сулить боевикам от 5 до 20 тыс. рублей, бывшие при них золотые изделия, но тщетно. «Я бывший эсбист, — твердо заявил Куку «Богун», — и знаю правило — кто приказал связать, тот и приказывает развязать. Разве не Вы учили нас этому?». Агенты вызвали по «Тревоге» опергруппу, и к 10.35 прибыл лейтенант Валентин Агеев и старший группы Григорий Клименко. Поздоровавшись с Куком, Клименко выразил радость от встречи. Василий Степанович то ли в шутку, то ли всерьез заметил, что получи он в 1953-м письмо с условиями сдачи, то, не исключено, мог бы ими воспользоваться.

Агеев с двумя боевиками отправился за охранниками В. Кука. Зная строгую субординированность подпольщиков, лейтенант объявил им на хорошем галицком диалекте: «Вы арестованы по приказу вышестоящего проводника!» И охранники безропотно дали себя связать.

Пока Агеев отлучался, Клименко беседовал с «Лемишем». Тот просил развязать ему руки, но получив отказ, саркастически заметил: «Неужели я такой страшный человек?» Два профессионала-противника обменялись соображениями. «И я, и ОУН стали заметно «левее», — сказал В. Кук, — по поводу чего я неоднократно спорил с Шухевичем. А кто писал мне письма в подполье? Он же не знает галицкого наречия! К тому же от «Петра» я знал, что Охримович задержан, и от его имени ведется со мною игра».

Подведя задержанных к Клименко, Агеев продолжал «ломать комедию», бойко отрапортовав майору: «Друже проводник, оба друга арестованы по вашему распоряжению!». Тот игру поддержал, допросив захваченных, узнал их псевдонимы и районы действий, лишь потом отрубил: «Довольно играться, ведите их к машине!». Спецгент «Богун» весь дрожал и со слезами попросил оставить его побыть наедине с самим собой, но Агеев отошел с ним, успокаивая.

Старший опер 1-го отдела 4-го Управления КГБ УССР лейтенант В.Агеев и оперуполномоченный лейтенант Кирилюк

обыскали задержанных, Ульяна попросила свитер: «Если вы боитесь, что приму яд, то он в жакете». Им дали умыться, на Кука набросили фуфайку. «Нет ли вина?» — вдруг попросил «Лемиш». Когда спиртного не оказалось, иронично заметил: «Эх люди-люди, как вам не совестно. Такой момент, и чарки вина нэмае».

Задержанных погрузили на Газ-67 и отправили во Львов, а оттуда — спецрейсом самолета в Киев. Машиной командующего УПА провезли по городу, он не скрывал восхищения столицей, хотя и не одобрил обилия всюду развешанных плакатов и портретов «вождей»: «Это ж надо столько грошей иметь!». За ними медленно затворились массивные ворота двора серого здания бывшего Дома земств на улице Короленко. Для ведения дела В. Кука создали группу под руководством начальника Следственного отдела КГБ УССР подполковника Пивоварца.

На длительных допросах Василий Степанович дал широкие показания о прошлом националистического движения и его современном состоянии, структуре ОУН(б) и функциях ее референтур, основных этапах своего участия в борьбе за независимость Украины, дал характеристики лидерам движения сопротивления и закордонных центров ОУН, взаимоотношениям между ними самими и спецслужбами Англии и США. «На следствии ведет себя спокойно, — удовлетворенно отмечали оперработники, — показания дает без особого запирательства». Однако радоваться оказалось рано. «Лемиш» повел растянувшуюся на годы свою игру с «советами»…

Захват В. Кука (его зашифровали как заключенного «300», жену— «88») держался в строжайшем секрете. Официально продолжался их розыск, проводились оперативно-войсковые мероприятия, даже в закрытых учебных пособиях «Лемиш» фигурировал как действующий «главарь». Даже на время визитов представителей надзора от прокуратуры во внутреннюю тюрьму (ВТ) КГБ их камерам, оборудованным средствами негласного контроля, придавался нежилой вид, а супругов вывозили в город под усиленным прикрытием бригад «наружки». Лишь ряд сотрудников КГБ да верхушка ЦК КПУ знали о поимке «Лемиша».

Дело в том, что у «органов» были свои «Соображения по использованию арестованного Кука Василия в интересах Советского государства», одобренные 8 декабря 1954 г. первым председателем КГБ СССР Иваном Серовым. Предполагалось использовать В. Кука в «целях морально-политического разгрома националистических центров за кордоном и разложения оуновских элементов внутри страны», для компрометации руководителей закордонных центров ОУН и их связей с иностранными разведками, обострения вражды между ними и

«демонстрации полной ликвидации подполья». Верхом «оперативных соображений» были планы установления с участием «Лемиша» контактов с ЗП УГОР для дальнейшего внедрения туда своей агентуры и перехвата каналов связи заграницы с подпольем.

20 июня 1954 г. В. Кук, после бесед с начальником 3-го отдела (оперативные игры) 4-го Управления КГБ УССР Николаем Зубатенко (будущим генерал-майором и заместителем председателя КГБ УССР), написал «соображения» о нейтрализации остатков подполья, выказав уверенность, что мероприятия советской власти приведут к упадку националистического движения. Считаю, писал «300-й», что своим авторитетом я мог бы повлиять на отрыв рядовой массы ОУН от закордонных центров и доказать, что единственно правильный путь -признание советского строя. Высказывались и мысли по поводу нейтрализации усилий разведок США и Англии, привлечения прессы для разоблачения их сотрудничества с закордонными центрами украинских националистов, а также внедрения в них своих источников.

«Лемиш» предложил добиться объединения националистов в единый политический центр за рубежом, а во главе его поставить В. Галасу (о его задержании В. Кук догадывался). Более того, предлагал отправить его самого в Германию для проведения «объединения». Разумеется, на это благоразумно не пошли, поняв, что бедовый «Лемиш» под видом сотрудничества как раз и пытается разрушить «генеральную линию» — на углубление раскола зарубежных националистов. Правда, 26—27 ноября 1954 г. с участием В. Кука и саперов в лесу Рогатинского района Станиславской области выкопали 7 бидонов документов, включая адреса, шифры и коды для переписки с закордонными центрами, США, Канадой, Италией, Аргентиной, «вопросники» от Н. Лебедя для сбора подпольем развединформации о советском военном потенциале. Однако он долго не раскрывал содержания своих записей, отказывался называть места укрытия оставшихся подпольщиков.

8.2. «Маленькие радости» тюремной жизни

«300-й» не упускал возможности отстаивать свои права — дескать, писать мне тяжело, в тюрьме я морально разбит, прошу улучшить условия содержания. Вызывало опасения и душевное состояние «88-й»: она пребывала в депрессии, не интересовалась судьбой ребенка, апатична и часто смеется наедине с собой,

докладывали бдительные тюремщики. Вечером 20 декабря 1954-го в административном помещении ВТ КГБ В.Куку дали возможность, в присутствии оперработников, отметить с женой день ее рождения. Подарком от КГБ стала коробка конфет. Сюрприз неподдельно растрогал Ульяну. Она радовалась встрече с мужем, хотя и жаловалась, что допросы ее ведут на русском языке, но «праздник» в целом удался. Смотрели по телевизору румынский фильм и японскую ленту «Женщина идет по земле». В. Кук не спал в своей камере до 3 часов ночи, был сильно возбужден, констатировало скрытое наблюдение.

Зимой 1955-го В. Кука этапировали в столицу СССР. В Москве Василий Степанович «гостил» с 8 февраля по 17 марта 1955 г. С ним беседовали начальник 2-го отдела 4-го управления КГБ СССР (борьба с «буржуазными националистами») полковник И. Хамазюк (его вспоминает в мемуарах как способного оперативника Павел Судоплатов), «специалист» по украинским националистам полковник Л. Бурдин.

Наконец, с санкции Генерального прокурора СССР Романа Руденко, чете с апреля 1955 года позволили проживать в одной камере. Понятно, что от «прослушки» не отказались, и фиксировали жаркие ночные споры — Ульяна категорически отказывалась отречься от своих убеждений, а муж уговаривал ее вести себя гибко и благоразумно. 4 мая 1955 года В. Кук написал «Декларацию» о политическом признании победы советской власти. «Лемиш» сумел добиться освобождения от спецпоселения и лагерей своих и жены родственников. Из Мордовии вернулся в родное село отец, мать Прасковья — из Иркутской области.

На содержание «300» и «88» выделили суточные и деньги на приличную одежду, диетпитание, Ульяну свозили за покупками в Дарницкий универмаг. Супругам предоставили квалифицированную медицинскую помощь, показывали «идейно выдержанные» фильмы и хронику, водили в музеи Ленина и Шевченко и почему-то зоопарк, возили на предприятия и в передовые колхозы. Перечень «преимуществ советского строя», утвержденный начальством для «перевоспитания бандоуновцев», был довольно стандартным и включал Днепрогэс, Харьковский тракторный, шахты Сталино, металлургию Запорожья, колхозы Киевщины, а также Лавру, Софию Киевскую, Аскольдову могилу. В. Кук также посетил все регионы Украины и даже заповедник Аскания-Нова.

Для «идейной перековки» к В.Куку отрядили молодого сотрудника КГБ Георгия Санникова, закончившего юридический факультет Киевского госуниверситета, что было редкостью в органах по тем временам. Сам Георгий Захарович, успевший

«повоевать» в Западной Украине, подробно описал беседы с «Лемишем» в мемуарах «Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине».

Почти год длились дискуссии об истории, политике, национальном вопросе между «бандглаварем» и «Юристом», как конспиративно окрестил Георгия «Лемиш» (Ульяна даже зарисовывала рьяных полемистов). Как ни штудировал офицер труды «классиков украинского буржуазного национализма», взять верх в споре с эрудированным, прекрасно знавшим труды Ленина Куком было проблематично. Иногда в полемическом задоре молодой человек выдавал такие «крамольные» суждения, что приходилось выручать его знакомой Зине — как сотрудник оперативно-технического управления, она «писала» беседы и стирала с магнитопленки щекотливые места.

Впоследствии Г. Санников 20 лет проработал во внешней разведке, специализируясь по Германии. Закончилась его служба драматично. Вернувшись из длительной загранкомандировки в Москву, он ждал назначения в Швейцарию. Тут позвонил приятель-разведчик, сидевший под «колпаком» по подозрению в финансовых нарушениях за кордоном. Речь зашла о новом начальнике разведки, протеже В. Андропова — Владимире Крючкове, бывшем партаппаратчике, которого терпеть не могли профессионалы. Санников дал волю эмоциям, и распечатки его нелестных отзывов о шефе легли на стол руководству. Гнев Крючкова бьл страшен, Георгия Захаровича вышибли из органов, да так, что друзьям едва удалось оттянуть приказ до достижения права на пенсию. Вновь встретились они с В.Куком за чаркой коньяка в его двухкомнатной квартире на киевской улице Чудновского, что в Дарнице, осенью 2001 г. Ветеранам было, что вспомнить…

8.3. Квартира от тоталитарного режима

Планировалось создать «под Кука» две легендированные группы, приобщить «300» к оперативной игре «Перехват». В ноябре 1955 г. от его имени направили письма Н. Лебедю (через иностранного моряка) и известному издателю Ивану Тыктору в Канаду. То, что письма дошли адресатам, подтвердили установленные знаки в передаче «Голоса Америки» по случаю 85-й годовщины Леси Украинки. Когда же установилась переписка с заграничными центрами ОУН и в ней появились условности, В. Кук отказывался их пояснять, ссылаясь на незнание. Как сказал впоследствии Г. Санникову один из руководителей КГБ УССР, В.

Кук «так и не пошел на сотрудничество с нами, остался на своих позициях убежденного борца за «независимую свободную Украину». Мы-то знаем его хорошо — смелый человек».

Еще в феврале 1955 г. КГБ УССР предлагал И. Серову использовать В. Кука с пропагандистской целью, что пресекло бы «слухи» о существовании организованного подполья. Подобное предложение косвенно подтверждало — получить конкретную пользу от оперативного использования «Лемиша» не удалось. Однако в Москве инициативу не поддержали.

29 октября и 2 ноября 1957 г. председатель КГБ УССР В. Никитченко на личных встречах хорошим украинским языком предлагал «300-му» написать книгу (понятно, что разоблачительного содержания), своего рода пропагандистскую бомбу под политическую эмиграцию. Кук требовал изменить условия содержания и амнистию, высказывал опасения, что его расстреляют сразу же после публикации сего труда. «Думайте, — агитировал генерал, — Ваша судьба в Ваших руках». Книга так и не появилась, хотя камеру оборудовали радиоточкой, выписали с дюжину газет и журналов, включая «Крокодил».

Следует отметить, что именно взвешенная позиция органов госбезопасности спасла Василия Степановича от расстрела с «распубликованием», к чему склонялся первый секретарь ЦК КПУ Алексей Кириченко. В ЦК не было секретом, что В. Кук убежден в русификации Украины и отступлении от «ленинской национальной политики».

В августе 1959-го супругов поселили в особняке КГБ в киевском районе Нивки, в обществе капитана Павленко. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1960 г. № 139/82 Василий Кук и его супруга были помилованы с освобождением от уголовной ответственности. «Учитывая желание бывшего руководителя «Организации украинских националистов» Кука искупить свою вину перед Советским государством патриотической деятельностью в пользу Родины, — говорилось в Указе, — удовлетворить ходатайство Комитета госбезопасности Украины о распространении на него и Крюченко Ульяну Никифоровну Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

21 июля председатель КГБ при СМ УССР Виталий Никитченко подписал постановление об их освобождении из-под стражи с возвратом денег и вещей, имевшихся у задержанных до ареста.

Тогда же, в 1960-м, были прекращены ставшие «политически невыгодными» оперативные радиоигры от имени захваченных

эмиссаров ЗЧ ОУН с закордонными центрами и разведками стран НАТО. Эффект от обнародования факта их проведения был ошеломляющим и стоил должности начальнику «русского» отдела британской разведки.

19 сентября 1960 г. Василий Степанович зачитал обращение по радио к украинцам в эмиграции, которое потом неоднократно ретранслировали и опубликовали в газете «Вести из Украины», предназначенной для распространения в диаспоре (в тот период около 200 бывших членов ОУН выступили в СМИ с «покаянными» заявлениями).

Чете предоставили в июле того же года квартиру по улице Речицкой, 2, выдав 1000 рублей на обзаведение хозяйством, а также выделили охрану «в целях недопущения возможности совершения со стороны националистических элементов провокационных действий». Долгие годы В. Кук был обложен различными специфическими методами слежки (лирически именовавшиеся тогда «Татьяной», «Ольгой», «Дмитрием»), случалось, доставлял хлопоты чекистам самовольным выездом в Ленинград, а то портил настроение «семерке» (7-е управление КГБ, наружное наблюдение), квалифицированно уходя от филеров. От внимания органов не ускользали даже «антисоветские» внушения Василия Степановича сыну-школьнику: «Вот дурной, лучше б учил арифметику, чтоб деньги зарабатывать, а не тратил время на эти политинформации!»

Уже после 1991 г. Украину посетили бывшие шеф Службы безопасности Закордонных частей ОУН Иван Кашуба («Чад») и руководитель разведки СБ ЗЧ ОУН Степан Мудрык («Мечник»). По молодости эти эсбисты имели в диаспоре прозвище «технических убийц», но со временем приобрели солидность, а С. Мудрик даже стал профессором Украинского вольного университета в Мюнхене. Ветераны движения долго беседовали с В. Куком, выясняя обстоятельства его задержания, причины выхода на свободу, позицию «Лемиша» по поводу разногласий среди зарубежных центров националистического движения в начале 1950-х тт. Информацию о судьбе В. Кука, писал С. Мудрык, они собирали всегда и были «очень угнетены» его публичными выступлениями-раскаяниями в 1960 г. Хотя гости из Мюнхена никак не доводились Василию Степановичу «начальством», он добросовестно написал «Пояснения к документам, которые в 1951—1953 годах получило ЗП УГОР от ОУН в Украине».

8.4. Мир не без добрых кагэбистов

Оперработники КГБ, обращавшиеся к «Лемишу» за «консультациями», констатировали - оказавшись на свободе, он резко изменил линию поведения, постоянно ссылается на забывчивость, ведет себя замкнуто, хотя с коллегами по работе общается весьма дружелюбно.

Тем не менее свою положительную роль в судьбе «расконвоированной» семьи В. Кука сыграл полковник госбезопасности Леонид Николаевич Дубинин, в те годы — начальник 6-го Управления КГБ УССР (контрразведывательная защита научно-промышленного комплекса).

Как рассказывал ветеран органов автору, именно он помогал сыну Василия Степановича, Юрию, получить редкое в 1960-е годы университетское образование кибернетика и поступить в аспирантуру (советская бюрократия сама вряд ли бы дала дорогу отпрыску «бандглаваря»). Начальник Пятого управления (борьба с идеологической диверсией и «диссидентоведение») КГБ УССР полковник Леонид Каллаш доказывал партийным органам нецелесообразность создавать препятствия В.Куку в научной работе и не соглашался с решением «серой хаты» (как в народе окрестили здание ЦК КПУ) о недопущении к защите диссертации далекого от политики Юрия Кука.

В целом же прекрасно информированные органы госбезопасности все более осознавали нарастание неадекватности «линии партии» состоянию советского общества (не зря Ю.Андропов, придя к власти, частенько повторял: «мы не знаем общества, в котором живем»). По словам бывшего начальника 5-го Управления КГБ СССР Ф. Бобкова, власть «всеми силами стремилась замалчивать, глушить национальные противоречия, нисколько не заботясь о будущем».

С наступлением в Украине консервативной волны и приходом в 1970 г. к руководству республиканского КГБ «кошмарного сна» украинских диссидентов Виталия Федорчука тучи вновь сгустились над помилованным. Контакты В. Кука с правозащитниками (он, кстати, категорически не советовал тому же Василию Стусу создавать нелегальные организации — разоблачат и «пришьют» строгие статьи) не остались незамеченными. Были отобраны тома «компромата» — в основном документы о террористической деятельности возглавляемого им подполья. Дело шло к повторному возбуждению уголовного дела, и сомневаться в суровости приговора не приходилось. Трудно сказать, что спасло его от расстрельной камеры. Вероятно, начинался процесс «разрядки», потепления отношений с Западом, и казнь лидера национально-освободительного движения наверняка вызвала бы шквал

возмущения в многочисленной украинской диаспоре США, Канады, Германии, Англии, Австралии, Южной Америки.

8.5. Несостоявшийся доктор наук

Хотя Василий Степанович мечтал завершить юридическое образование, ему дали возможность получить заочно университетский диплом историка (в 1964-м закончил историко-философский факультет Киевского госуниверситета имени Тараса Шевченко). Владевший польским, английским, немецким, греческим, латинским и старославянским языками, В. Кук с 1961 г. работал старшим научным сотрудником в Центральном государственном историческом архиве, собирая документы по истории государственности и культуры казацко-гетманских времен.

В 1969—1972 гг. трудился и.о. старшего научного сотрудника отдела историографии и источниковедения Института истории АН УССР. Здесь раскрылся его талант ученого-историка. Выходят написанные им статьи по истории государственного устройства Гетманщины, образования в Украине, персоналии видных деятелей национальной культуры, многочисленные статьи в «Украинской советской энциклопедии». Подготовил кандидатскую диссертацию «Роль крестьянского пореформенного банка в проведении аграрной столыпинской реформы на Украине», которую считали достойной докторской степени. Однако работу «зарубили» по указанию ЦК КПУ.

В июне 1972 г., когда ударили «морозы» идеологической реакции и посыпались аресты украинских диссидентов - фигурантов дела КГБ «Блок», В. Кук, его соавтор по подготовке к печати выдающегося памятника казацкого летописания — хроники полковника Григория Грабянки, Ярослав Дзыра, другие научные работники были вышвырнуты из «храма науки», потеряв возможность публиковаться вплоть до «перестройки». Закрыли и научную тему В. Кука — «Украинский национальный вопрос и украинские политические партии на западноукраинских землях. 1918—1941 годы». Чуть ли не «идеологическую диверсию» усмотрели в подготовленном им разделе монографии «Марксизм-ленинизм об украинском национальном вопросе». Да и то сказать, «буржуазный националист» в роли толкователя «бессмертных трудов» классиков! Несостоявшийся доктор наук с трудом устроился простым агентом в «Укрбытрекламу», где и работал до выхода на пенсию в 1986 г.

Независимость Украины стала морально-политической победой дела всей жизни Василия Степановича. Он, несмотря на преклонный возраст, ринулся в гущу общественно-политической и научной работы. Возглавил научный отдел Всеукраинского

братства ОУН и УПА, вошел в Главную булаву братства, вел активную лекторскую работу, сотрудничал с редакцией «Летописи УПА». Опубликовал воспоминания о соратниках — Степане Бандере, Романе Шухевиче, Василии Галасе, Ярославе Старухе, Дмитрии Грицае, Дмитрии Мироне, Кирилле Осьмаке и других. Он так и не дождался обнародования официальной позиции суверенной Украинской державы по отношению к движению, боровшемуся за то, чтобы она состоялась.

Наступало время дикого рынка, грязных политических «разборок», новых кумиров с сомнительным прошлым, целенаправленного убивания наших цивилизационных устоев, упадка общественной морали. Время, когда властителями душ стали доллар, бесстыжие митинговые деятели, вертлявые эстрадные «звезды», а не люди «длинной воли», как говаривали монголы Чингиз-хана. Время, когда «продвинутой общественности» одинаково наплевать что на ветерана Великой Отечественной, что на комбатанта «лесной армии», ибо эти реликты суровой эпохи, люди твердых убеждений, мешают своими поучениями комфортно предаваться всевозможному «драйву». Главное же — они воплощают порожденные, выстраданные самим украинским народом представления о путях развития своей родины.

Не могу судить, что думал лично Василий Степанович о прелестях «трансформационного периода», но позволю себя высказать предположение — вряд ли за них он четверть века боролся и рисковал, не щадя ни себя, ни противников. Но оптимизм не оставлял старого борца, коротавшего век под рушником с наградными крестами националистического движения. «Я хотел бы пожелать молодежи быть настоящими патриотами Украины, строителями державы, гордиться принадлежностью к Шевченковскому роду» — говорил в одном из интервью генерал-хорунжий УПА «Лемиш» - Василий Степанович Кук. Прислушаются ли потомки к его призыву?

Список основных использованных источников и литературы

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). - Ф. 3833. - Оп.2. - Дело (Д.) 54.

ЦГАВОВУ - Ф.3833. - Оп.1. - Д. 87, 225, 233.

ЦГАВОВУ. - Ф. 3834. - Оп.1. - Д. 1.

ЦГАВОВУ. - Ф. 3836. - Оп.1. - Д. 29, 30.

ЦГАВОВУ. - Ф. 3837. - Оп.1. - Д. 2.

ЦГАВОВУ- Ф. 3838. - Оп.1. - Д. 3, 14, 24, 25, 44, 55, 56, 80 а, 59, 95.

ЦГАВОВУ. - Ф. 3833. - Оп. 1. - Д. 233.

Центральный государственный архив общественных объединений України (ЦГАГОУ). - Ф. 1. - Оп. 46. - Д. 809.

ЦГАГОУ- Ф. 62. - Оп.1. - Д. 175, 219, 220, 253, 277, 281, 289, 293, 294, 295, 296, 1622.

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). - Ф.2. - Оп.40. - Д. 50. - Т. 1- 9.

ОГА СБУ. - Ф.2. - Оп. 1. - Д. 1.

ОГА СБУ. - Ф.2. - Оп. 4. -Д. 12. -Т.1-5.

ОГА СБУ. -Ф.5. - Д.445.

ОГА СБУ. - Ф.6. - Д. 51895.

ОГА СБУ. - Ф.6. - Д. 74914.

ОГА СБУ. - Ф.11. - Д. П-1518.

ОГА СБУ. - Ф.11. - Д. 7765. - Т. 10.

ОГА СБУ. - Ф.11. - Д. 9079.

ОГА СБУ. - Ф.11. - Д.19127. -Т.4.

ОГА СБУ. - Ф.13. - Д. 372. - Т. 1, 5, 20-23, 28, 29, 54, 56, 103.

ОГА СБУ. - Ф.13. - Д. 376. - Т. 40, 68.

Архив Управления СБУ (УСБУ) в Ровенской обл. - Д. 4245, 2185, 796, П-15658.

Архив УСБУ в Волынской обл. — Д. 22085.

Архив УСБУ в Ивано-Франковской обл. — Д. 32518, 14629.

Архив УСБУ во Львовской обл. - Д. П-22753, П-33843.

Балей П. Фронда Степана Бандери в ОУН 1940 р. - Б.м, б.р.

Бандера С. Перспективи української революції. — Мюнхен: Видання Організації Українських Націоналістів, 1978.

Баран В.К., Даниленко В.М. Україна в умовах системної кризи (1946 — 1980-ті рр.). — К.: Видавничий Дім Альтернативи, 1999.

Бедрій А. ОУН і УПА. — Н.-Й; Лондон; Мюнхен; Торонто: Українська центральна інформаційна служба, 1983.

Беляев В., Рудницький М. Під чужими прапорами. — К.: Радянський письменник, 1956.

Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917 — 1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. — К.: «Либідь»; «Військо України», 1994. - Кн. 1-2.

Борець Ю. У вирі боротьби. — К.: Наукова думка, 1993.

Боротьба і діяльність ОУН під час війни. Пропагандивні вказівки. — Б.м, Б.р.

Бурдин Л.С., Хамазюк И.В. Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с нею органов государственной безопасности. — М., 1955.

Василь Кук — «Леміш». Колгоспне рабство. — Львів: Центр досліджень визвольного руху, 2005.

Васюта І.К. Національно-визвольний рух у Західній Україні (1918-1939 рр.) // Український історичний журнал. — 2001. — № 6.

Верига В. Втрати ОУН в часі Другої Світової війни. — Торонто: «Новий шлях», 1991.

Виноградський В.М., Якименко І.Л. Полковник Шовкуненко розповідає // Комуніст України. — 1990. — № 1.

Вихристенко В.І. Спецслужби в геноциді України. — Одеса: Маяк, 2002.

Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С., Ткачук А.В. и др. Без срока давности.

— Харьков: «Фактор», 2001.

Вчені Інституту історії України. Біобібліографічний довідник. — Вип.1. - К, 1998.

Гавяз М.Л. Нова доба органів держбезпеки // Борис Шульженко. Особистість і час: Документи, спогади, матеріали. — К.: АДЕФ-Україна, 2006.

Гайдай О., Хаварівський Б., Ханас В. Хто пожав «Бурю»? Армія Крайова на Тернопіллі. — Тернопіль, 1996.

Гордієнко М. З волинських і поліських рейдів. — Торонто: «Українське ехо», 1959.

Грицько-Цяпка Д. Горить ліс! Спомини колишнього вояка УПА. —Лондон: Українська Видавнича Спілка. 1975.

Данилюк М. (Блакитний). Повстанський записник. — К.: Видавництво ім.. О. Теліги, 1993.

Декларація Проводу Організації Українських Націоналістів після закінчення другої світової війни в Європі [травень 1945 р.]. — Б.м., б.в., 1948.

Деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. (1941 — 1945). Сборник документов и материалов. — М., 1964.

Дзьобак В.В. Отаман Тарас Бульба-Боровець. — К.: Б.в., 1995.

Диакон Андрей Кураев. Почему православные такие? — М., 2006.

Дмитрук К. Жовто-блакитні банкроти: Документальні нариси, памфлети, публіцистичні статті. — К.: Дніпро, 1982.

До статистики політичних процесів у довоєнній Польщі на українських землях // Календар-альманах «Нового шляху». — Торонто: «Новий шлях», 1979.

Замлинський В. Шлях чорної зради. - Львів: Каменяр, 1969.

Збірник на пошану генерал Романа Шухевича. - Мюнхен, «Цицеро», 1990.

Зеленчук М. Підпільна боротьба в останній стадії. 1950-1955 // Державність. - 1992. — № 3.

Иванков А.В. Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов в годы Великой Отечественной войны и борьба с ней органов государственной безопасности. — М., 1982.

Из истории оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР в предвоенные годы (октябрь 1938— июнь 1941 г.). Сборник документов. — М., 1962.

Іваненко В.В., Якунін В.К. ОУН і УПА у Другій світовій війні: проблеми історіографії та методології. - Дніпропетровськ: АРТ-ПРЕС, 2006.

Ілюшин І. І. Антипольський фронт у бойовій діяльності ОУН і УПА // Український історичний журнал. — 2002. — № 3.

Ілюшин І. Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої світової війни на тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні. -К.,2001.

Казанівський Б. Шляхом легенди. Спомини. — Лондон: Українська Видавнича Спілка, 1975.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до краха. — Харьков, 2007.

Касьянов Г.В. Український націоналізм: проблема наукового переосмислення // Український історичний журнал. — 1998. — №2. *Кентій А.В.* Нариси історії Організації українських націоналістів (1941 — 1942 рр.). — К.: Інститут історії України, 1999.

Кентій А.В. Українська військова організація (УВО) 1920 — 1928 рр.: Короткий нарис. — К.: Інститут історії України НАНУ, 1998.

Кентій А.В., Українська повстанська армія в 1942 — 1943 рр. — К.: Інститут історії України, 1999.

Кентій А.В. Українська повстанська армія в 1944 — 1945 рр. — К: Інститут історії України НАНУ. — 1999.

Кентій А.В., Папакін Г.В. Стратегія «двофронтової» боротьби ОУН — УПА у 1943 — 1944 рр.: мовою документів, очима істориків //Україна у Другій світовій війні: уроки історії і сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції (27 — 28 жовтня 1994).— К: Інститут історії України НАН України, 1995.

Киричук Ю. Історія УПА. — Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ управління по пресі, 1991.

Книш З. Варшавський процес ОУН. - Торонто, 1968. — Ч.1.

Книш З. Дрижить підземний гук (Спогади з 1930 і 1931 років у Галичині). — Вінніпег: Б.в., 1953.

Книш З. На життя і смерть: Сторінки з історії Української Військової Організації. — Торонто: Срібна сурма, 1980.

Книш З. Перед походом на Схід. — Торонто: Срібна сурма, Б.р.

Книш З. Становлення ОУН. — К: Видавництво ім. О. Теліги, 1994.

Коваль М.В. ОУН-УПА: між «третім рейхом» і сталінським тоталітаризмом // Український історичний журнал. — 1994. — № 2 — 3.

Коваль М.В. Правда безнадійних змагань // Політика і час. — 1997. — №10.

Коваль Р. Щастя і трагедія Василя Кука // Незборима нація. — 2003. — Ч.1.

Кожинов В. Россия. Век XX-й. — Краматорськ: «Тираж-51», 2002. — Кн.2. *Комар В.Л.* «Українське питання» в політиці урядів Польщі (1926 — 1939 рр.). // Український історичний журнал. — 2001. — №5.

Коровин В.В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. - М., 1983. *Косик В.* Україна в Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів. — Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 1997. — Т 1-2.

Кравчук П. Без недомовок. Спогади. — К.: Літературна Україна, 1995. *Куделя М.П.* Крізь бурі лихоліть. Спогади. - Міннеаполіс: СВУР, 1999.

Кук В. «Я хотів би побажати молоді пишатися належністю до Шевченківського роду» // Захист. — 2001. — № 6.

Кук В. Спогади про Михайла Сороку, Володимира Горбового, Григорія Пришляка й Святослава Караванського // Зона. — 1996 — № 11. *Кук-Леміш В.* Життя, віддане визволенню нації // Шлях перемоги. — 2000. - № 15.

Кульчицький С. Історичний висновок про діяльність ОУН-УПА // Сучасність - 2001. — № 2. *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921 - 1939 рр.). - К.: Видавничий Дім Альтернативи,

1999.

Куп'як Д. Спогади нерозстріляного. — Львів: Каменяр, 1993.

Кучерук О. Останній паспорт Євгена Коновальця // Пам'ять століть. — 2000. - № 5. *Лаврищук В.І.* Українська повстанська армія та радянські партизани // Сторінки воєнної історії України. - К., 2000. - Вип. 4.

Лебедь М. Українська Повстанча Армія, її генеза, ріст і дії у визвольній боротьбі українського народу. — Б.м.: Видавництво Пресового Бюра УГВР, 1946. — Ч.1.

Литвин М.Р., Луцький О.І., Науменко К.Є. 1939. Західні землі України. — Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1999.

Літопис нескореної України. Документи, матеріали, спогади. — Львів: Просвіта, 1993.-Кн.1.

Літопис УПА. Нова серія. — К.; Торонто, 2001. — Т. 3.

Літопис УПА. Нова серія. — К.; Торонто, 2002. — Т 4. — Кн.1.

Літопис УПА. Нова серія. — К.; Торонто, 2002. — Т. 5.— Кн.2.

Літопис УПА. Нова серія. — К.; Торонто, 2006. — Т. 8.

Лозунько С. Оболганные. Чекисты в Великой Отечественной войне: между виртуальностью и реальностью // «2000». — 2006. — 22 сентября.

Макар В. Бойові друзі. Збірка спогадів з дій ОУН. 1929-1945. — Торонто: Гомон України, 1980. — Т.1.

Мартинець В. Українське підпілля. Від У.В.О. до О.У.Н. — Б.м.: Б.в., 1949.

Матвієйко М. Чорні справи ЗЧ ОУН (розповідь колишнього націоналіста). — Львів: Книжково-журнальне видавництво, 1962.

Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию ВУЧК-КГБ УССР (2-3 декабря 1988). - К., 1988.

Мельничук Ю.С. Коли кров холоне в жилах. Нариси, памфлети. — К.: Радянський письменник, 1960.

Митрополит Иоанн. Русский узел. Статьи, беседы, обращения. — СПб, 2007.

Мірчук П. Акт відновлення української державності 30 червня 1941 року (його генеза та політичне й історичне значення). — Н. — Й.: Видання ООЧСУ, 1952.

Мірчук П. Історія ОУН. — Мюнхен. Б.р. — Т.1.

Мірчук П. Українська Повстанська Армія. 1942 — 1952. — Мюнхен: «Цицеро», 1953.

Мудрик-Мечник С. Закордонні частини Організації Українських Націоналістів (Причинки до історії). — Львів, 1995.

На зов Києва. Український націоналізм у ІІ світовій війні. Збірник статей, спогадів, документів. — К: Видавництво ім. Олени Теліги, 1993.

Національне примирення чи конфронтація? — К.: Інститут історії України НАНУ, 1999.

Нич В. Провокатори УВО - ОУН. - Н.-Й: Б.в., 1956.

Нікольський В.М. Підпілля ОУН (б) у Донбасі. — К.: Інститут історії України НАНУ, 2001.

Они сражались за родину. Последний главком УПА Василик Кук воевал против Польши, Германии и Советского Союза // Киевский телеграф. — 2000. — 6 ноября.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. — М.: «Книга и бизнесе», 1995.

ОУН в світлі постанов Великих зборів, конференцій та інших документів з боротьби 1929 - 1955 рр. - Б.м.: Видання ЗЧ ОУН, 1955.

Першина Т.С. Утвердження тоталітарної адміністративної системи в Західноукраїнському регіоні (1944—1950 рр.) // Сторінки воєнної історії України. Збірник наукових праць. — К., 1997. — Вип.1.

Плеханов А.А., Плеханов А.М. Казачество на рубежах Отечества. — М.: Кучково поле, 2007.

Плотников Н.Д. Опыт борьбы с незаконными вооруженными формированиями на Украине в советский период. — М., 1996.

Подворняк М. Вітер з Волині. Спогади. — Вінніпег: Б.в., 1981.

Політичний терор і тероризм в Україні. Історичні нариси. — К.: Наукова думка, 2002.

Поліщук В.В. Гірка правда: злочинність ОУН-УПА (сповідь українця). — Донецьк: Донеччина, 1996.

Постанови III Надзвичайного великого збору Організації Українських Націоналістів. - Б.м., 1948. *Прокоп М.* Українське протинацистське підпілля. 1941 — 1944 // Сучасність. - 1989. - Ч. 7 - 8.

Прудникова Е. Берия. Последний рыцарь Сталина. — СПб.: Нева, 2006.

Ржезач Т., Цуркан В. Разыскиваются… — М.: Политиздат, 1988.

Савчин М. Тисяча доріг (Спогади). — Львів—Торонто: Видавництво Літопис УПА, 1995.

Санников Г.З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. *Сергійчук В.* Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944—1953 рр. - К.: Дніпро, 1998.

Сергійчук В.І. ОУН-УПА в роки війни. — К.: Дніпро, 1996.

Скорупський М. Туди, де бій за волю… - К.: Козаки, 1992.

Содоль П. Українська Повстанча Армія. 1943 — 1949.

Довідник. — Н.-Й: Пролог, 1994.

Соколовская Я. Василий Кук прекратил войну с Россией // Известия. — 2007. - 10 сентября.

Спецслужби України в роки війни і післявоєнний період. Збірник документів. — К., 2002.

Срібна сурма. Спогади й матеріали до діянь Української Військової Організації. — Торонто: Срібна сурма, Б.р. - Збірник перший.

Старожилов Н.В. Партизанские соединения Украины в Великой Отечественной войне. — К.: Вища школа, 1983.

Стецюк Г. Непоставлений пам'ятник (Спогади). - Вінніпег: Б.в., 1988.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М., 1996.

Ткаченко Н.С. Повстанческая армия (тактика борьбы). — Минск: Харвест; М.:АСТ, 2000.

Тойнби А.-Дж. Цивилизация перед судом истории. — М., 1996.

Тополъчук Л. За фальшивим мандатом. — К.: Політвидав України, 1962.

Требин М.П. Терроризм в XXI веке. — Минск: Харвест, 2003.

Українська Головна Визвольна Рада. Збірка документів за 1944—1950 рр. — Мюнхен: Видавництво ЗЧ ОУН, 1956.

УПА в світлі документів з боротьби за Українську Самостійну Соборну державу 1942 — 1950 рр. (Збірка документів). — Мюнхен: Видання ЗЧ ОУН, 1957. — Ч.1-2.

Философия истории. Антология. — М.: Аспент Пресс, 1995.

Філоненко П. Збройна боротьба на Волині (Спомини учасника). — Вінніпег: Волинський видавничий фонд, 1958.

Хміль С.Ф. Українська партизанка: З крайових матеріалів. — Мюнхен: Видання ЗЧ ОУН, 1959.

Чередниченко В. Анатомія зради. — К.: Політвидав України, 1978.

Чередниченко В. Націоналізм проти нації. — К: Політвидав України, 1971.

Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. - М.: Изд-во «Три века истории», 1999.

Шанковський Л. Українська Повстанча Армія // Історія українського війська. 1917 - 1995. -Львів: Світ, 1996.

Шульженко Б.С., Хамазюк И.В., Данько В.Т. Украинские буржуазные националисты. — М., 1963.

Шуляк О. В ім'я правди: До історії повстанчого руху в Україні. — Роттердам: Б.в., 1947.

Шумук Д. Пережите і передумане. — Детройт: Українські вісті, 1983.

Щеглюк В. «…Як роса на сонці». — Львів: Фенікс Лтд, 1992.

Щодо круглого столу «Голодомор 1932—1933 років і політичні репресії в Україні в документах архіву Служби безпеки України.» Прес-реліз Прес-центра СБ України. 27 серпня 2007 р.

Яремко М., Жилавий І., Стефюк Ю. На світлу дорогу (покаяння колишніх оунівців). — Львів: Книжково-журнальне видавництво, 1962.

Sodol P. UPA: They fought Hitler and Stalin. - N.-U., 1987.

Tus-Krokhmaliuk U. UPA Warfare in Ukraine. Strategical Tactical and Organizational Problems of Ukranian Resistance in World War II. — N.-U., 1972.

Приложение

Библиография работ автора по истории движения ОУН и УПА

1. Биструхін Г.С, Вєдєнєєв Д.В. Війна в кам'яних джунглях. Міська партизанська війна як феномен збройної боротьби та спеціальної діяльності. 1945-2005 рр. Монографія. - К.: Генеза, 2006. - 512 с

2. Вєдєнєєв Д.В., Биструхін Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА (1920—1945). Монографія. - К.: Ґенеза. 2006. - 408 с

3. Вєдєнєєв Д.В., Биструхін Г.С. «Повстанська розвідка діє точно і відважно…». Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення ОУН та УПА. 1940—1950-ті роки. Монографія. - К.:К.І.С, 2006. - 568 с

4. Вєдєнєєв Д.В., Кучер В.І. Українці проти нацизму: політичний вимір. — Запоріжжя: «Просвіта», 2005. — 84 с

5. Вєдєнєєв Д.В., Лисенко О.Є. Прояви терору і тероризму у протистоянні радянської влади та ОУН і УПА в західноукраїнському регіоні післявоєнної доби // Політичний терор і тероризм в Україні. XIX — XX ст. Історичні нариси [Колективна монографія] — К.: Наукова думка, 2002. - С 744 - 775.

6. Вєдєнєєв Д., Шаповал Ю. Доля Мирона Матвієйка // До новітнього українського світогляду і стратегії. — К: Економіка і право, 2002. — С 113-125.

7. Вєдєнєєв Д., Єгоров В. Меч і тризуб. Нотатки до історії Служби безпеки Організації українських націоналістів // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. - 1998. - № 1-2. - С 365-389; 2000. - № 2-4. - С. 485-503.

8. Вєдєнєєв Д.В., Єгоров В.І. Інструктивний документ Служби безпеки ОУН // Науковий вісник Академії СБ України. - 1998. - № 6-7. — С.207-128.

9. Тинченко Я., Веденеев Д. Роковой выстрел в генерала Ватутина // Киевские ведомости. — 1999. — 6 мая. — С.5.

10. Веденеев Д. «Приговор привести в исполнение немедленно…» // Киевские ведомости. — 1999. — 7 августа. — С. 10.

11. Тинченко Я., Веденеев Д. Убрать Хрущева мечтал не только Брежнев // Киевские ведомости. — 1999. — 14 октября. — С.7.

12. Вєдєнєєв Д.В. Контррозвідувальне забезпечення в

Українській повстанській армії. // Сторінки воєнної історії. Збірник наукових праць. - К., 2000. - Вип. 4. - С 166 -170.

13. Веденеев Д. Форма УПА: Неизвестный проект // Однострій. — 2000. -№4. -С. 15-16.

14. Веденеев Д. Легендированные группы УПА // Однострій. — 2000. - №5.-С. 14-17.

15. Веденеев Д., Ивко В. Оперативно-войсковые группы силовых структур СССР в борьбе с УПА (организация, обмундирование, вооружение) // Однострій. - 2000. - № 5. - С. 18-24.

16. Тинченко Я., Веденеев Д. «Мстители» из Черного леса // Киевские ведомости. — 2000. — 24 февраля. — С. 10.

17. Шевченко С, Веденеев Д. Разведчик «Ярема» и подпольщик «Зот» // Зеркало недели. - 2000. - № 33. - С. 11.

18. Веденеев Д., Шевченко С. «Сова» призывала к примирению // Зеркало недели. — 2000. - 15 июля. - С. 18.

19. Веденеев Д., Шевченко С. Драма писателя и поединок спецслужб // «2000». - 2000 - 24 ноября. - С. 24.

20. Веденеев Д., Шевченко С. «Суперагент» отец Яков // «2000». - 2000. — 1 декабря. — С. 28.

21. Веденеев Д., Шевченко С. Товарищ Судоплатов преувеличивает… // «2000». - 2000. - 22 декабря. - С. 20.

22. Вєдєнєєв Д.В. Загадка Ріко Ярого // Пам'ять століть. - 2001. - № 6. -С. 149-150.

23. Вєдєнєєв Д.В. Проект ОУН щодо державно-адміністративного врядування України // Галичина. - 2001. - № 7. - С. 88-90.

24. Вєдєнєєв Д.В. Організаційна еволюція Служби безпеки ОУН (С. Бандери) (1939 - початок 1950-х рр.) // Наукові записки Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова. - 2001. - Вип. XLIV - С 188-193.

25. Вєдєнєєв Д.В. Зародження спеціальних служб руху українських націоналістів (1920 - 1930 рр.) // Пам'ять століть. - 2001. - № 4. - С. 109-116.

26. Вєдєнєєв Д.В. Спеціальні підрозділи Української військової організації // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць — К.: Ін-т історії України НАН України - К., 2001. - Вип. 5. - С 142-152.

27. Вєдєнєєв Д.В. З історії розвідувальної діяльності підпілля ОУН (1943 — початок 1950-х рр.) // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія «Історія». — 2001. — Вип. 5. — С. 261—268.

28. Вєдєнєєв Д.В. Розвідка Української повстанської армії // Труди Академії (Національна академія оборони України). — 2001.

— Вип. 30 — С. 193-198.

29. Вєдєнєєв Д.В. Радянські оперативно-військові сили на Західній Україні. 1944 - поч. 1950-х рр. // Труди Академії. — 2001. - Вип. 31. — С 361-366.

30. Вєдєнєєв Д.В. Галичина: остання кров // Трибуна. - 2001. - № 7-8. — С.36-37.

31. Вєдєнєєв Д.В. Підпільна діяльність ОУН в Західній Україні у 1939 — 1941 рр. // Історія України. - 2001. - № 12. - С.4-5.

32. Вєдєнєєв Д.В. Арсенич М.В. // Енциклопедія сучасної України. - К., 2001.-Т1.-С.662.

33. Веденеев Д., Шевченко С. Пули для протопресвитера // «2000». — 2001. - 5 января.

34. Веденеев Д., Шевченко С. «Процесс-59» — плаха для непримиримых // «2000». - 2001. - 26 января.

35. Веденеев Д., Шевченко С. Клим Савур — неизвестные обстоятельства гибели. — «2000». — 2001. — 9 февраля.

36. Веденеев Д., Шевченко С. Темная личность в «Зазеркалье» украинской истории // Киевский Телеграф. — 2001. — 28 мая.

37. Веденеев Д., Шевченко С. Полковник-сладкоежка. Жизнь и смерть Евгена Коновальца // Киевский Телеграф. — 2001. - 11 июня.

38. Веденеев Д., Шевченко С. Охотник на Хрущева // «2000». - 2001. – 2 июля.

39. Веденеев Д., Шаповал Ю. Был ли Лаврентий Берия украинским националистом? // Зеркало недели. - 2001. - 7 июля.

40. Веденеев Д., Шевченко С. «Посадочная» полоса // «2000». — 2001. — 27 июля.

41. Веденеев Д., Шевченко С. Последний бункер // Киевский Телеграф. — 2001. — 6 августа.

42. Веденеев Д., Шаповал Ю. Мальтийский сокол, или судьба Мирона Матвиейко // Зеркало недели. — 2001. — 11 августа.

43. Веденеев Д., Шевченко С. Яд для классиков // «2000». — 2001. — 17 августа.

44. Веденеев Д., Шевченко С. Сильный духом // Киевский Телеграф. -2001. — 20 августа.

45. Веденеев Д., Шевченко С. Миротворцы тайной войны // Киевский Телеграф. — 2001. — 3 сентября.

46. Веденеев Д., Шевченко С. Последние выстрелы, последние жертвы// «2000». -2001.-14 сентября.

47. Веденеев Д., Шевченко С. Драма в Карпатах // «2000». - 2001. – 26 октября.

48. Веденеев Д., Шевченко С. Роковой выстрел. Кто спустил курок операции «Висла». — «2000». — 2001. — 9 ноября.

49. Вєдєнєєв Д.В. Військово-польова жандармерія -

спеціальний орган Української повстанської армії // Воєнна історія. — 2002. — № 5—6. — С.32-40.

50. Вєдєнєєв Д.В. До питання про тактику дій підпілля ОУН (друга половина 1940-х — початок 1950-х років) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць — К.: Ін-т історії України НАН України - 2002. - Вип. 6. - С 449-456.

51. Вєдєнєєв Д.В. Погляди ОУН(б) на місце органів безпеки у структурі Української самостійної держави (1940 — 1941 рр.) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень (ІПЕНД) НАНУ - 2002. - Вип. 18. - С.230 - 236.

52. Вєдєнєєв Д.В. Спеціальні підрозділи закордонних центрів українських націоналістів // Труди Академії. — 2002. — № 33. — С.365—368.

53. Вєдєнєєв Д.В. З історії нелегальної діяльності ОУН на Придніпров'ї (1940 - 1950-ті рр.) // Труди Академії. - 2002. - № 38. - С 249-253.

54. Вєдєнєєв Д.В., Шаповал Ю.І. Роман Шухевич: таємниця загибелі // Воєнна історія. - 2002. - №2. - С 61-70.

55. Вєдєнєєв Д.В., Шаповал Ю.І. Пастка для «Лицаря» // Військово-історичний альманах. — 2002. - № 1. — С.62—67.

56. Вєдєнєєв Д.В. Провідний пропагандист визвольного руху // Історія України. - 2002. - № 2. - С.6 -7.

57. Вєдєнєєв Д.В. Творець повстанської армії // Історія України. — 2002. -№13. - С 4-5.

58. Вєдєнєєв Д.В., Шевченко С.В. Так загинув провідник Орлик // Історичний календар. — К., 2002. — С.310—315.

59. Вєдєнєєв Д.В., Шевченко С.В. Провідник Зот (Ніл Хасевич) // Історичний календар. — К., 2002. — С.141— 144.

60. Вєдєнєєв Д., Шевченко С. «Кріт» виходить з підпілля // Столиця. — 2002.

61. Веденеев Д., Шевченко С. Галицький Салман Рушди // «2000». - 2002. — 8 февраля.

62. Вєдєнєєв Д., Шаповал Ю. Роман Шухевич — таємниця загибелі // Зеркало недели. — 2002. — 16 лютого.

63. Вєдєнєєв Д.В. Служби безпеки українських націоналістичних організацій 1920 - 1950 рр. Історіографічний нарис // Пам'ять століть. -2003.-№1.-С.59-69.

64. Вєдєнєєв Д.В. Внутрішній терор в УПА та Організації українських націоналістів в 1944 — 1950 рр. // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць — К.: Ін-т історії України НАН України - 2003. - Вип. 7. - С.421-429.

65. Вєдєнєєв Д.В. Структури безпеки організацій українських

політв'язнів та нелегальних націонал-патріотичних осередків в Українській РСР (кін. 1940-х - поч. 1960-х рр.) // Труди Академії. - 2003. - № 43. - С 429-434.

66. Вєдєнєєв Д.В. Основні фактори політичної та оперативно-бойової обстановки, що визначили розбудову та діяльність спеціальних підрозділів УПА (1942 - 1945 рр.) // Київська старовина. - 2003. - № 4. — С 47-55.

67. Вєдєнєєв Д.В. Розвідувальна діяльність Української повстанської армії (1943—1945 рр.) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць - К: Ін-т історії України НАН України, 2003. - Вип. 10. - С 381-414.

68. Вєдєнєєв Д.В. Організація військової розвідки в УПА // Українська Повстанська Армія — феномен національної історії. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. - Івано-Франківськ: Плай, 2003. - С 79-84.

69. Вєдєнєєв Д.В. Органи та війська державної безпеки СРСР у Західній Україні (1939 -1941 рр.) // Державна безпека України. - 2004. - № 1.-С. 154-159.

70. Вєдєнєєв Д.В. Диверсійна діяльність українського повстансько-підпільного руху (1940—1950-і рр.) // Труди Академії. — 2004. — № 52. — С 351-358.

71. Вєдєнєєв Д.В. Погляди українських націоналістів на проблеми державотворення (післявоєнний період) // Наукові записки ІПЕНД НАНУ. - 2004. - Вип. 26. - С.69-89.

72. Вєдєнєєв Д.В. Органи та війська державної безпеки СРСР у Західній Україні (1939 -1941 рр.) //Державна безпека України. - 2004. - № 1.-С 154-159.

73. Вєдєнєєв Д. Розвідувальна діяльність підпілля Організації українських націоналістів у Західній Україні в 1939—1941 роках // Наукові записки ІПЕНД НАНУ. - 2005. - Вип. 28. - С. 186-203.

74. Вєдєнєєв Д.В. Погляди Організації українських націоналістів на місце і роль органів безпеки в Українській самостійній соборній державі (1940—1941 рр.) // Концептуальні засади забезпечення державної безпеки України. Матеріали науково-практичної конференції 29 червня 2004 р. — К.: Видавництво Національної академії СБ України, 2004. - С 62-65.

75. Вєдєнєєв Д.В. Командувач пропагандистським фронтом // Історичний календар. - К., 2004. - С. 127-132.

76. Вєдєнєєв Д. До історії нагородної системи УПА // Одностріл. — 2004. - № 8. - С.36-39.

77. Веденеев Д. Специальные мероприятия ОУН // В мире спецслужб. -2005. -№1.- С. 20 -26.

78. Веденеев Д. Специальные мероприятия ОУН в Западной Украине (1939-1941 годы) // В мире спецслужб. - 2005. - № 2. -

С.32-40.

79. Вєдєнєєв Д. Командир повстанської армії // Історичний календар. - 2005. - С. 94-99.

80. Веденеев Д. Специальные мероприятия подполья ОУН в Западной Украине // В мире спецслужб. - 2005. - №3. - С.30-38.

81. Веденеев Д. Еще раз о галицком Саламане Рушди // В мире спецслужб. - 2005. - №3. - С.53-55.

82. Веденеев Д. Неизвестные учителя Че Гевары и Вьетконга. Спецслужбы Украинской повстанческой армии. 1942—1945 годы // В мире спецслужб. -2005. - № 4. - С. 58-63; 2006. - № 1. - С.54-61.

83. Веденеев Д. Война зла — «полюбишь» и третий рейх… О сотрудничестве УПА со спецслужбами гитлеровского блока // В мире спецслужб.

- 2006. - № 2. - С.76-85.

84. Веденеев Д. На защите повстанческих рядов. Контрразведывательное обеспечение в Украинской повстанческой армии // В мире спецслужб. - 2006. - № 3. - С.52-61.

85. Веденеев Д. Щит и меч национально-освободительного движения, или Из истории Службы безопасности ОУН (С. Бандеры) // В мире спецслужб. - 2006. - № 4. - С. 32-40.

86. Веденеев Д. Последний бой генерала Ватутина // Секретные материалы. - 2006. - № 13. - С.8-9.

87. Вєдєнєєв Д.В. Гасин Олекса // Енциклопедія сучасної України. — К., 2006.-Т.5.-С.413.

88. Вєдєнєєв Д.В. Галаса Василь Іванович // Енциклопедія сучасної України. - К., 2006. - Т.5. - С.322.

89. Веденеев Д. Трагедия Ярослава Галана // Секретные материалы. — 2006. - № 20. - С. 6-7.

90. Веденеев Д. «Украинский фронт» советской разведки // Волонтер. - 2006. - № 4. - С.22-28.

91. Вєдєнєєв Д., Шаповал Ю. Пастка для «Щура» // Дзеркало тижня. - 2006. — 4 листопада. — С. 21.

92. Веденеев Д. 1953 год: Берия и Украина // Секретные материалы. — 2006. - № 21. - С. 8-9; № 22. - С.8-9.

93. Вєдєнєєв Д.В., Лисенко О.Є. Військово-політична діяльність ОУН та УПА у світлі норм міжнародного гуманітарного права // Український історичний журнал. — 2007. — № 3. — С. 46 — 66.

94. Вєдєнєєв Д.В., Биструхін Г.С. Двобій без компромісів. Протиборство спец підрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945—1980-ті роки: Монографія. - К.: К.І.С., 2007. - 568 с

Василий Кук — руководитель подполья ОУН на Востоке Украины

Командующий группой УПА «Юг» В. Кук

Гражданин СССР Василий Кук

Супруга В. Кука Ульяна Крюченко (1971 г.)

Василий Кук после освобождения в 1960 г.

Руководитель краевого провода ОУН «Одесса» Степан Янишевский («Далекий»)

Шеф политико-информационной службы ЗП УГВР Василий Охримович (после ареста, 1951 г.)

Шеф референтуры Службы безопасности ОУН Николай Арсеныч («Михайло»)

Референт СБ ОУН Волыни Николай Козак («Смок»)

Член Провода ОУН Михаил Степаняк (справа) и сотрудник разведки КГБ УССР Михаил Гавяз (Киев, начало 1960-х, оперативная съемка.)

Командир охранной боевки В. Кука Иван Демчук («Васыль»)

Шеф Главного военного штаба УПА Олекса Гасын («Лыцар»)

Охранник В. Кука Василий Кузив

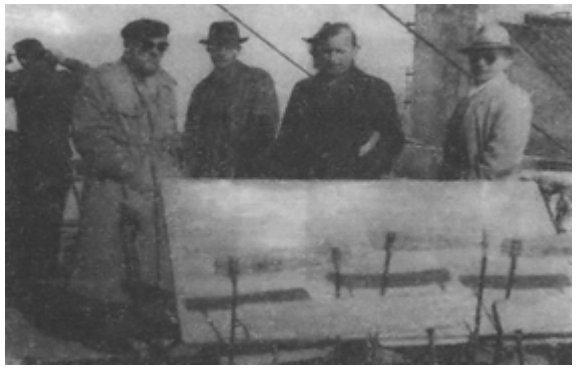
Один из курьеров В. Кука Лев Чепиль («Орест», захваченный в 1952 г.)

В. Галаса и Мария Савчин с сыном

Мирон Матвейко (на переднем плане) после сеанса радиоигры в Карпатах

Оружие американского производства эмиссаров-парашутистов. Автоматом «Стен» был вооружен В. Кук

Хата в селе Курники-Иванченски Збаражского района Тернопольщины, под которой зимовал в 1951 - 1952 гг. В. Охримович



Николай Лебедь (в берете), Иван Гринех и курсанты английской разведшколы «Богдан», «Славко» и «Семенко» перед заброской в Западную Украину (24 сентября 1951 г.)

Командир УПА — «Запад» Василий Сидор («Шелест»)

Военачальник УПА Дмитрий Грицак («Перебейнос»)

Краевой проводник ОУН Подолья Василий Бей («Улас»)

Дмитрий Мирон («Орлик»)

Шеф референтуры пропаганды Центрального провода ОУН Петр Федун («Полтава»)

Офицер КГБ УССР Александр Павленко

Василий Галаса (1953 г.)

Заместитель начальника отдела оперативных игр МТБ - МВД-КГБ УССР Григорий Клименко (фото 1968 г.)

Начальник отдела оперативных игр МВД-КГБ УССР Николай Зубатенко (фото 1960-х гг.)

Оперативник МВД УССР Георгий Санников (1953 г., Западная Украина)

Организатор розыска В. Кука, начальник отдела МГБ - КГБ УССР Петр Свердлов

Начальник 5 Управления КГБ УССР полковник Леонид Каллаш

Председатель КГБ при СМ УССР генерал-майор Виталий Никитченко

Георгий Санников в гостях у В. Кука (сентябрь 2001 г., Киев)

Руководитель следствия по делу В. Кука Петр Пивоварец (довоенное фото)

Участник захвата В. Кука Валентин Агеев (фото 1970-х гг.)

Чекисты отмечают успех операции «Ущелье» (1948 г.). Крайний справа — майор Григорий Клименко, участник захвата В. Кука